

Тетралогия
в одном
томе

АЛЕКСАНДР РУДАЗОВ

СЫН архидемона

Москва, 2013

АЛЕКСАНДР РУДАЗОВ

Тетралогия
в одном
томе

- Три глаза и шесть рук •
- Шестирукий резидент •
- Демоны в Ватикане •
- Сын архидемона •

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р83

Серия основана в 2005 году
Выпуск 135

Художник
И. Воронин

Рудазов А. В.

Р83 Сын архидемона: Три глаза и шесть рук; Шестирукий резидент; Демоны в Ватикане; Сын архидемона /Послесл. И. Черно-го.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013.— 1147 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1392-8

Одни считают меня монстром. Другие считают меня демоном. Человеком меня не считает никто, хотя у меня человеческий мозг и человеческий разум. Я — яцхен. Искусственно созданное существо с очень запоминающейся внешностью. Внебрачный сын архидемона. Люди при виде меня обычно кричат, и это отнюдь не крики восторга. Жизнь яцхена не назовешь легкой и приятной. Конечно, шесть рук удобнее двух, крылья — штука замечательная, да и пуленепробиваемая шкура не раз меня выручала. Но проблемы соответствуют возможностям: не раз и не два я оказывался на грани гибели, не раз и не два восставал буквально из мертвых. Бурная у меня жизнь. Я побывал в сотнях разных миров. Я повидал такое, чего не видел никто. Я гостил у богов и сражался с демонами. И в конце концов я столкнулся с врагом, страшнее которого еще не придумано...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1392-8

© Рудазов А. В., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

• Три глаза
и шесть рук •

ГЛАВА 1

Он живой! Он живой!
Виктор Франкенштейн

Свет... Я вижу слабый свет...

Сознание медленно пробуждается...

Странное ощущение — как будто я с ног до головы погружен в какую-то тягучую жидкость... Хотя почему «как будто»? Так и есть — я плаваю в чем-то вроде огромного аквариума с зеленоватой жижей. Но почему тогда я не задыхаюсь? Как странно...

Что это? Ко мне прикреплены какие-то проводки? Да, верно, трубочки, по которым что-то течет. Одна из них засунута прямо мне в горло... с каким отвратительным хрустом она обломилась... Что такое?! Да, вот именно — я только что откусил эту самую трубочку, и теперь она переместилась в мой желудок! Что ж, будем надеяться, что она выйдет сама со временем... Но как, интересно, я умудрился откусить ее, да еще с такой легкостью? Судя по тому, что осталось снаружи, трубочка была металлической и не такой уж хлипкой... Как странно...

Сейчас меня в первую очередь занимает вопрос: кто я такой? Совершенно ничего не помню, вплоть до имени... Амнезия? В голове чисто, как будто там прошли пылесосом... Хотя нет, не совсем чисто, хотя бы потому, что я знаю, что такое пылесос. Вообще-то я много чего знаю, если вдуматься... Кроме одного — я не знаю ничего о самом себе. Как будто я только что родился. Как странно...

Зачем мне эти проводки? Каждый оканчивается иглой, которая вонзается в тело. Выдергиваю одну на пробу... нет, ничего страшного не произошло, хуже я себя чувствовать не стал. Крошечное отверстие моментально заживает... а это как у меня получилось? Да что у меня за кожа такая — темно-серая, шероховатая и такая твердая... Подношу к глазам руку — явно не человеческая. Хотя бы потому, что она сгибается в двух местах и на ней семь пальцев — пять обычных и два противостоящих, по обе стороны ладони. Пальцы четырехфаланговые, очень длинные и гибкие. Итак, я не человек. Как странно...

Да, но почему же мне это кажется странным? Делаем вывод: я воспринимаю себя как человека, ведь мне прекрасно известно, как должен выглядеть человек, — следовательно, я и должен быть человеком. Однако я не человек, а... нечто иное. Посмотрим на другую руку — она точно такая же, как и первая. На третью... Что-что?! Так, пересчитаем руки. Одна, две, три, четыре, пять, шесть... У меня шесть рук! Да кто же я — насекомое?! Все совершенно одинаковые — тонкие, но необычайно

прочные, сгибающиеся в двух местах, причем в любую сторону. На всех по семь продолговатых пальцев. В каждом пальце... а это еще что такое?! В каждом пальце скрыт коготь, который выпускается усилием воли! Да какие же длинные у меня когти — каждый размером с сам палец! А до чего острые — проводки, которые все еще торчат из меня, режутся ими как... как что-то, что очень хорошо режется. Как странно...

Далее... Так, кроме шести рук, у меня есть еще и ноги. К счастью, всего лишь две, и пальцев на них только по пять. Три спереди и два сзади, вместо пятки. Из них тоже торчат когти, но тут, наоборот, нужно прилагать усилия, чтобы их спрятать, в обычном состоянии они выступают наружу. Надо же, какие хорошие у меня руки: с когтями — страшное оружие, без когтей — очень удобный инструмент, с помощью которого можно сделать все что угодно. Гораздо удобнее человеческих кистей, надо признать... А это покрытие на моем теле — оно везде? Да, везде; и грудь, и живот, и конечности — все покрыто этим странным серым веществом, которое у меня вместо кожи. А на спине? И на спине тоже. Даже крылья и хвост... Хм... Еще один сюрприз — у меня есть хвост. И крылья! Да кто же я такой — черт какой-нибудь?!

Хотя крылья тоже удобные... В сложенном состоянии — что-то вроде плаща, в раскрытом... интересно, насколько хорошо я летаю? Хвост длиннющий, тонкий, гибкий, а на конце что-то вроде жала скорпиона. Да я еще и ядовитый! Сейчас на жале что-то вроде пенопластовой насадки... долой ее! Да, действительно, на кончике жала у меня что-то вроде биологического шприца, и из него что-то капает. Слегка поворачиваюсь и вижу, как на том месте, где это нечто только что вытекло, расплывается буроватое пятно.

Так, с проводками закончили. Я выдернул все, но по-прежнему не задыхаюсь. Значит, я вододышащий? Жабр нет... Да и вообще, я пока что не обнаружил на теле никаких естественных отверстий, кроме ядовитого каналца на хвосте. Те, что остались от игл, которые я выдернул, неестественные, а потому мгновенно закрылись. Однако... Регенерация, без сомнения, и такая быстрая... Да что там быстрая — просто молниеносная!

А что у нас на голове? Посмотрим... То есть пощупаем... Во-первых, шеи у меня нет, голова сидит прямо на плечах. Вот это, надо признать, неудобно — чтобы посмотреть вбок, мне придется повернуться всем туловищем. Хотя нет, погодите-ка, я ведь уже сейчас отлично вижу все, что у меня слева и справа! Да и вообще — отличный обзор, у человека такого нет... Так, еще одно подтверждение того, что я был человеком, — я отлично помню, что должен видеть не так, как сейчас. А сейчас я вижу просто превосходно! Ого, какие у меня большие глаза! Да еще и покрыты чем-то... чем-то прозрачным, но очень твердым. Все три. Ну и ну! Верно, у меня три глаза. Один чуть выше, в самом центре лица, два других чуть ниже, по бокам. Обзор просто великолепный — градусов на двести тридцать.

Вот это, должно быть, ушные отверстия — чем еще могут быть две крохотные дырочки по бокам головы? Носа нет... и вообще ноздрей нет... да что я — вообще ничем не дышу?! Или дышу ртом? Ого, вот это у

меня рот! Не рот, а пасть — здоровенная, с кучей зубов. Какие острые у меня зубы! А это, должно быть, язык... да, с языком не так повезло. Культипка какая-то бесформенная... раздвоенная на конце. Наверное, я рептилия.

Волосы-то у меня хотя бы есть? Полное отсутствие... голова тоже покрыта этой серой шероховатой броней. Хотя насчет цвета точно не уверен, — я же не вижу голову. А это что? Что-то вроде панковского ирокеза, но очень тонкий, прочный и... острый? Да, точно, у меня на макушке растет полукруглый гребень. Да кто же я такой?! Или все-таки «что»? Попробуй тут разберись...

По крайней мере, я могу двигаться. Руки шевелятся, ноги тоже, хвост... в полном порядке, крылья... да, тоже. Не очень привычно — чувствуется, что раньше у меня ни того ни другого не было. Да и вообще двигаться неудобно — аквариум у меня тесный, особо не развернешься. А вот интересно, насколько я велик? Сравнивать не с чем, так что я могу быть размером и с муравья, и с Годзиллу. Так, опять непонятно... Я помню, кто такой Годзилла, я помню фильм о нем... нет, целых три разных фильма... но я понятия не имею, где я эти самые фильмы смотрел. Не говоря уж о том... хотя ладно, отложим.

Другой вопрос: где я нахожусь? Что это за бак с зеленой гадостью и почему я тут сижу? Вероятно, снаружи сейчас происходит что-то любопытное... если бы я еще смог это что-то увидеть... Жидкость почти непрозрачная, стекло — тоже. За стеклом видны какие-то бесформенные силуэты... совершенно неподвижные.

Конечно, можно продолжать сидеть в этом баке и ждать неизвестно чего, но... оно мне надо? Пожалуй, стоит выбраться и попытаться найти кого-нибудь или что-нибудь, способное пролить свет на мое положение. Узнать, кто я такой, почему так странно выгляжу, кто меня поместил в этот аквариум, да и вообще... Хоть что-нибудь бы узнать, а то как-то невесело...

А как отсюда выбраться? Выход тут есть хоть какой-нибудь или меня тут похоронили? Ага, вот он, выход. Что-то вроде люка прямо у меня над головой. Только... только открывается этот люк снаружи. Разумеется... Кто бы ни запихал меня в эту банку, ему явно не хотелось, чтобы я мог вылезти отсюда самостоятельно. И что же делать?

Может, попробовать просто разбить стекло? Ну-ка испытываем его на прочность... Вот это да! Я всего лишь цапнул это дурацкое стекло одним когтем, а оно... Итак, у меня в пальцах скрыто сорок два стеклореза высшего качества! Ну в таком случае...

И раз, и два, и три! Несколько ударов когтями по стеклу — и оно трескается. Ф-фу-у-у!!! Зеленая жижа доделывает работу, шумно устремившись в отверстия. И я вместе с ней. Прямо на осколки! Сейчас изрежусь...

Как ни удивительно, вывалился из бака целым и невредимым. Для моей природной брони осколки стекла — комариные укусы, я даже не оцарапался. И боли не ощутил. Вообще ничего не почувствовал. Такое впечатление, что осязание у меня отсутствует напрочь — к чему бы я ни прикасался, разницы не замечаю. Даже то, что моя кожа шероховатая,

определил не на ощупь, а на глаз. Нет, минуточку... хотя ладно, у меня и так хватает проблем, чтоб еще над всякой ерундой голову ломать...

Итак, что же мы здесь имеем? Какая-то лаборатория, без сомнения. Помещение довольно просторное, овальной формы и просто сияет белой. Стены белые, пол белый, мебель белая, мой бак белый... был, пока не разбился, даже труп на полу одет в белый халат. Что-что?! Да, точно, прямо перед моим баком валяется мужик в докторском халате. Мертвый, как Ленин в Мавзолее. По крайней мере, теперь я могу определить свои габариты — если считать, что этот мужик среднего роста, то во мне где-то около метра восьмидесяти. Может быть, восьмидесяти пяти. Что ж, неплохо, по крайней мере рост нормальный.

К слову, а почему этот мертвец тут валяется? И кто он такой? Так, на груди карточка... Читаем — «Николай Иванович Стеклов, доктор биологических наук, кандидат...», да, степеней у него еще много. Может быть, это ему я обязан своим пребыванием в этой банке? Жаль, что он умер раньше, чем смог это подтвердить... Или опровергнуть.

А вот еще один занятный вопрос: кто же это его пристукнул? За что? А главное — каким образом? Способ-то ясен — горло изорвано так, словно его грызли. Лицо вон все в крови, даже не разглядишь как следует. Однако с нервами у меня все в порядке — сообщаю, что зрелище омерзительное, но эмоции на нулях. Спокоен, как тот же Ленин в Мавзолее.

Но вернемся к нашим покойникам. Итак... В лаборатории имеется всего лишь один выход. Он же, вероятно, и вход. И заперт он изнутри — вон задвижка даже отсюда видна. Возможно, и снаружи тоже, это пока неизвестно. Окон нет. Отсюда вопрос: как же дверь оказалась заперта, если единственный, кто мог ее запереть, убит? Загадочка как раз для Шерлока Холмса...

Допустим, некое неизвестное лицо прикончило нашего доктора Стеклова, после чего закрыло дверь изнутри и... вышло. Сквозь стену, вероятно... Другой вариант — некое неизвестное лицо ухлопало доктора Стеклова, после чего удалилось восвояси. А доктор Стеклов встал, аккуратно запер дверь и вернулся в мертвое состояние. Может быть, он на тот момент был не совсем мертв? Нет, тогда бы он лежал не здесь, а около двери, а так даже кровавого следа не видно. Однако какой у меня аналитический ум! Вариант номер три — доктор Стеклов забаррикадировался изнутри, после чего... перегрыз себе горло. Вот, кстати, еще одна загадка — кто же мог такое сделать? Может быть, все-таки я? Конечно, я ничего не помню, да еще и в баке сидел, но мало ли что бывает? А что, если я сам потом в бак залез и там очень удачно потерял память? Нет, этот вариант отпадает — следы от зубов совершенно не те. У меня клыки длинные, острые, железо перекусывают с первой попытки. А тут... Кто бы ни сотворил эту гадость, мои челюсти явно на это не способны. Больше всего похоже как раз на следы от человеческих зубов. Маньяк, что ли, какой-нибудь?

О господи, а это что еще такое?! Фу-ты, перепугался... это всего лишь зеркало. А в нем соответственно мое отражение... какое же я стра-

шилище! По крайней мере теперь можно поглядеть на себя со стороны...

Если присмотреться, не так уж и плохо... Сложен я довольно гармонично, в чем-то даже симпатичный... Будем надеяться, что это мнение разделит еще кто-нибудь. Крылья неплохие — похожи на драконьи. Помню, смотрел я один фильм... опять странные воспоминания — фильм помню, но только сам фильм... Где я его смотрел — в кино, по телевизору?

И морда... назвать это лицом язык не поворачивается... тоже отдаленно напоминает драконью. Челюсти вытянуты вперед... нижняя чуть дальше, чем верхняя, глаза — правильные круги кроваво-красного цвета. Все три. Какие странные у меня глаза — ни зрачка, ни радужки, только сплошная краснота. Но действуют здорово, ничего не скажешь — раньше у меня такого острого зрения не было. Еще бы вспомнить, когда это — раньше...

А вот с обонянием совсем не так здорово. Его, по-моему, вообще нет — сколько ни пытаюсь принюхаться к чему-нибудь, ровным счетом ничего не получается. Ну правильно, нет ноздрей, нет и нюха... Кажется, я все-таки вообще не дышу.

По крайней мере, все остальное работает на ура. Крылья... ух, здорово! Чуть-чуть только взмахнул ими — и сразу взлетел метра на два! Поднялся бы и выше, но там уже потолок начинается, я и так чуть не стукнулся. Ноги тоже отлично держат, только когти при ходьбе цокают, но негромко. Надо же, слух у меня тоже потрясающий — чувствую, что цокаю совсем тихоночко, но слышу отчетливо, как в кинотеатре со звуковой системой «dolby». А так не скажешь — ушей у меня вообще не видно, я их и нащупал-то с трудом.

А это что такое рядом с зеркалом? Весы. Хм, взвеситься, что ли? Пожалуй, ради интереса... сколько у нас там? Сорок пять килограммов?! Нет, я уже понял, что тощий как скелет, но это каким же надо быть дистрофиком, чтобы столько весить?! Да уж, сильный-то я сильный, но лё-о-огкий...

А что у нас еще здесь интересенького? Если не считать моего разбитого бака... кстати, снаружи он выглядит еще хуже, чем изнутри. Что-то вроде банки из-под соленых огурцов, которая стоит на четырех металлических ногах, как ванна, сверху люк. Рядом какой-то пульт с экраном. Сломанный. Понять это нетрудно — в него всадили пожарный топор. Воткнул в самую середину. Однако... какую же силу надо иметь, чтобы так ударить? Пульт не выглядит очень уж хлипким...

Еще тут есть стол, на столе компьютер... стоял когда-то. Сейчас он сброшен на пол и тоже сломан. Нет, монитор по-прежнему стоит где стоял, но что пользы от монитора, если системный блок разбит вдребезги? Теперь им разве что орехи колоть...

Хм, а вот это интересно... даже более чем интересно! Папка в целлофановой оболочке, а на самом первом листе... правильно, я. Мой портрет во весь рост. Конечно, не того меня, каким я был до потери памяти... хотя бы потому, что я не помню, как я тогда выглядел. Нет, теперешнего меня — крылатого, хвостатого, многорукого и многоглазого, с

зубищами и когтищами. Вывод прост как три рубля — в этой папке информация, имеющая ко мне самое непосредственное отношение. Следовательно, ее необходимо как можно быстрее прочесть — вполне вероятно, она прольет какой-то свет на тот мрак, в который я сейчас попал. Образно выражаясь, естественно, а так в этой лаборатории очень даже неплохо освещенно — лампы дневного света... Для моих сверхчувствительных глаз даже многовато.

Итак, что же у нас тут в папочке... Написано по-русски, прочесть смогу... Так, стоп. По крайней мере, один пункт в анкете заполнен — я русский. Был русским, во всяком случае. Ну... значит, я знаю русский язык. Читаю, пишу и, возможно, говорю... Проверим.

— Раз. Раз. Раз, два, три... Проверка.

Да, действительно. Свободно изъясняюсь на русском. Впервые услышал собственный голос — певцом мне стать явно не светит. Моей хрипучести позавидовал бы сам Высоцкий, мир его праху. Да и вообще, голос неприятный, глубокий такой, даже как будто с эхом... Таким тембром только материться хорошо.

Так, но отвлекаться не будем, мы же папку читаем. Итак... Название короткое и емкое — «Проект «ЯЦХЕН». Это еще что за хренотень? Как это расшифровать — ЯЦХЕН? Чувствую, что аббревиатура, но уж очень необычная... К примеру, «Я». Что это означает — «ядерный», «ядовитый», «ящероподобный»? А «Ц»? Тут вообще никаких вариантов не возникает. Ладно, может быть, дальше по тексту встретится расшифровка.

Значит, проект «ЯЦХЕН»... Начало разработки — 1 июня 1987 года. Первая и вторая модели закончены 23 февраля 2000 года. Не оправдали ожиданий. Уничтожены. Третья и четвертая модели закончены 11 сентября 2003 года. Не оправдали ожиданий. Уничтожены. Пятая и шестая модели закончены 4 мая 2005 года. Шестая модель погибла (по невыясненной причине умер мозг). Уничтожена. Освобождение пятой модели назначено на 9 мая 2005 года.

Прервемся. Для начала внятной и удобоваримой информации более чем достаточно. Итак, что же мы поняли из этого краткого текста? Судя по всему, проект «ЯЦХЕН» — это я и есть. Поскольку все модели, кроме номера пять, уничтожены, я и должен быть этой самой пятой моделью. Номер Пять — ничего так имечко, а? Но еще минуту назад у меня вообще никакого не было, так что не будем жаловаться...

Создавали нас, выходит, парами. Может быть, мужскую и женскую особь, по аналогии с Адамом и Евой? Примем в качестве рабочей гипотезы... Над первой парой трудились аж тринадцать лет. Дальше пошло быстрее — вторую пару сделали через два с половиной года, на третью и двух-то не затратили. Но все время что-то не клеилось — все модели «не оправдали ожиданий». Все, кроме меня. Хотя... меня ведь еще не «освободили», как это у них называется, так, может быть, меня бы тоже уничтожили? Кто его знает, чем им не угодили предыдущие модели. А вдруг я ничем не лучше? В таком случае хорошо, что доктора Стеклова кто-то пришил, а то пустили бы меня на компост... Даже если я удач-

ный, роль подопытного кролика меня не сильно прельщает. Кто его знает, зачем меня создавали? Уж точно не пирожками угощать...

Вот подумал о пирожках, и сразу есть захотелось. В воздухе я, скорее всего, не нуждаюсь, но пищи это явно не касается. Интересно, есть в этой лаборатории что-нибудь съедобное? Кроме, конечно, уважаемого доктора... Шутка. Человечину есть не буду, меня и стошнить может. Хотя я сейчас и «модель № 5», но воспринимаю-то я себя как человека!

Ладно, есть пока что хочется не слишком сильно, пару часиков потерплю свободно. Прежде всего надо дочитать информацию о себе, любимом. Да, а вот еще полезный факт — поскольку закончили меня 4 мая, а освободить собирались только 9-го, доктор Стеклов погиб в промежутке между этими двумя датами. А поскольку разлагаться он еще не собирается, с момента смерти прошло не так уж много времени — три-четыре дня, никак не больше. Следовательно, на дворе первая половина мая 2005 года. Как странно, а мне почему-то казалось, что год у нас сейчас 2003-й... Да к тому же сентябрь, а не май. Отсюда вывод: память я потерял именно тогда — примерно два года назад. А поскольку примерно столько и заняло производство пятой модели проекта «ЯЦ-ХЕН», вероятно, все это время я дремал в этом дурацком баке. Рос, набирался сил и все тому подобное... Пока мои создатели не решили, что я «закончен». Творцы, блин, кем себя возомнили, сволочи!.. Хотя чего это я на них окрысился — как-никак они меня создали! А вот и есть чего! Раз у меня в башке все-таки выются какие-то воспоминания, да и подсознательно я себя считаю человеком, а не чудищем, эти подонки не сотворили меня с нуля, а изуродовали уже готового. И почему-то я сильно сомневаюсь, что давал на это согласие...

Пролистав содержимое папки от начала до конца, я получил довольно много полезной информации. Большая часть так и осталась для меня темным лесом, ибо писались эти справки учеными и для ученых, а если я кем-то и был раньше, то уж, во всяком случае, не доктором наук. Однако здесь имелась и вполне доступная информация, более или менее понятная любому прочитавшему.

Прежде всего, я наконец-то узнал, где обретаюсь. На сверхсекретной научной базе «Уран», где-то на территории России. Точные координаты здесь, разумеется, не приводились, но, насколько я понял, эта самая база расположена глубоко под землей, над ней колышется сибирская тайга, а о самом ее существовании знает считанное число человек. Основана в 1969 году и первоначально занималась всего лишь одним-единственным проектом. О том, что это был за проект, здесь не выяснялось.

Мой проект, как уже было упомянуто, запустили в 1987 году, и он носил порядковый номер четырнадцать. Начали его по заказу военных, и конечной целью должно было стать получение некоего биооружия. Вероятнее всего, именно таковым я и являюсь. Предназначен для заброски на территорию вероятного противника и выполнения задач различной степени сложности. Мои физические характеристики могли этому немало помочь.

Именно для этого мне нарастили крылья — я могу самостоятельно и

совершенно незаметно добраться до любой точки планеты, а потом точно так же самостоятельно и незаметно ее покинуть. С немалым изумлением я узнал, что, оказывается, способен развивать в полете очень приличную скорость. До четырехсот километров в час! К тому же я умею бегать быстрее любого спринтера, лазаю по стенам и потолку (не без помощи когтей) и поразительно вынослив. Практически вообще не устаю.

Защитили меня тоже капитально. Та серая дрянь, что у меня вместо кожи, оказывается, была создана путем смешения хитина жесткокрылых насекомых, крокодильей кожи и материала, из которого сделаны раковины улиток (не помню, как он называется). Но этого им показалось мало, так что они еще и улучшили кожу какими-то хитрыми методами, — теперь мою броню даже не всякой пулей пробьешь. Судя по описанию, эта же броня выполняет и функции скелета, так что расти я точно больше не буду. Как, впрочем, и толстеть.

Регенерация — еще одна защитная функция. Предназначен я был для таких задач, в которых и броня не всегда спасает, так что мне еще и это сделали. Моя живучесть просто потрясает — если цел мозг, я буду жить. Даже если отрезать мне голову, новое тело вырастет за пять-шесть дней. И кровью я не истеку — насколько я понял, крови как таковой у меня и нет. Есть что-то вроде заменителя, но его функции настолько ничтожны, что я в нем не слишком-то и нуждаюсь. И сердца у меня нет. Как только они умудрились заставить все это заработать!

Кроме средств защиты и передвижения меня напичкали и разнообразным оружием. Номер один — зубы. Бобер рядом со мной отдыхает, я легко могу перегрызть фонарный столб. Номер два — когти. Припоминаю еще один фильм, «Люди Хэ» называется, так там был такой парень — Росомаха — с несокрушимыми когтями. Вот и у меня почти такие же, только покороче, и все-таки не такие могучие. Зато аж сорок два! На шести руках по семь штук! Номер три — хвост. Я был прав, в моем хвосте действительно содержится яд. К тому же, оказывается, я могу его регулировать — от абсолютно смертельного до легко парализующего. Номер четыре — моя слюна. Да-да! Оказалось, что я могу харкать чем-то вроде мощной кислоты. Конечно, ее запасы ограничены, я могу сделать всего три-четыре плевка, а потом придется ждаться, пока она снова накопится. Но это тоже неплохо.

Еще мне привили сверхскоростные рефлексy, стальные нервы, острейшее зрение и слух и все такое прочее. А вот со всем остальным поспешили. Насколько я понял, обоняние у меня отсутствует. У тех, кто меня... конструировал, был выбор — дать мне обоняние, но еще прибавить необходимость дышать или лишить того и другого. Подумав и поспорив, они остановились на втором варианте. Мол, лучше уж пусть будет безносый, тогда его можно будет и в космосе использовать. Кстати, насчет этого тут в папке тоже упоминается — какая выгода проистекает от такого вот недышащего существа в открытом космосе. Броня у меня — природный скафандр, так что меня смело можно забрасывать хоть на Марс, хоть на Юпитер. Холод не помеха, я приспособлен прак-

тически к любым температурам. От космического холода до раскаленного ядра Земли.

С другой стороны, без нюха я не так эффективен в качестве диверсанта. Поэтому взаем они наделили в меня каким-то загадочным «чувством Направления». Хотелось бы, конечно, знать, что это значит, пока что я у себя ничего такого не замечал, но... Там, где упоминается об этой штуке, написано «см. приложение 2-Б». Никаких приложений в этой папочке я не обнаружил, так что этот вопрос откладывается на неопределенное время.

Но все это чепуха. Самое главное — теперь мне известно, откуда у меня эти непонятные воспоминания! Согласно этим записям, первый вариант ЯЦХЕНа получился неудачным, потому что был беспросветно тупым. Он не желал ничего делать, а просто вяло передвигался взад-вперед и так же вяло шевелил руками. Даже кормить его приходилось насильно, потому как сам он до такой сложной вещи додуматься не смог. Почему так вышло — непонятно, поскольку этот же самый метод применялся ранее и всегда все получалось. Видимо, что-то где-то не срослось... В общем, второму варианту они пересадили чужие мозги. Третьей модели — шимпанзе, а четвертой — собачьи. И опять прокол. Оба объекта почти моментально свихнулись, озверели и даже прикончили кое-кого из своих создателей. Хм-м, не могу сказать, что мне их так уж сильно жаль...

Дальше уже можно догадаться. Мне и безвременно погибшей шестой модели тоже был вживлен чужой мозг. Но на сей раз — человеческий. Чей — неизвестно. Во всяком случае, здесь об этом не говорится. Итак, раньше я все-таки был человеком. Вот только остается неизвестным, получили ли эти доктора мой мозг уже после моей смерти, или я прямо тут поблизости и скончался? Где-нибудь на операционном столе? В любом случае вся информация, прямо или косвенно касавшаяся моей личности, была стерта. Сама стерлась или кто-то постарался, теперь уже вряд ли удастся определить. Сохранилась только нейтральная — та, которая может иметься у любого гражданина России. Знание языка, современных реалий, кое-какие сведения из разных областей, научных и не очень, прочтенные книги и просмотренные фильмы, ну и все такое прочее.

А вот интересно — я еще какие-нибудь языки знаю? В смысле кроме русского? Так, так... пороемся в извилинах... нет. С сожалением вынужден констатировать, что, кроме нескольких обиходных французских фраз, никаких других языков не откопалось. Ну там еще с десятков английских слов, столько же немецких, три-четыре испанских и итальянских. Обычный багаж человека, никогда других языков не учившего. Но в школе я, наверное, изучал французский — на нем я хоть и с трудом, но способен выдать предложение-другое.

И все-таки что тут еще сказано о мозге для «модели № 5»? Та-ак... Для шестой использовался женский мозг... бедная мадам, какое, должно быть, потрясение она испытала... Видно, оттого-то она и скончалась. От лишних нервов. Не все же такие твердокаменные, как я... блин, даже как-то невольно начинаешь гордиться собой... Но что там обо

мне?.. А, вот. «Для пятой модели взят мозг мужской... не тронутый глением... неповрежденный...» Ага, дальше еще интереснее. «При жизни объект обладал ростом, равным росту «модели № 5», и таким же объемом черепной коробки... легкое расстройство психики... лунатизм... невротизм... шизофрения в начальной стадии... характер стойкий, нордический...» Ну прямо досье из гестапо! А где более точные данные? Хотя возраст мой назовите, а то я даже не знаю, молодой я еще или уже пенсионер! Хотя догадываюсь, подобные вопросы их волнуют слабо...

Однако сюрприз! Это я, выходит, чуть ли не сумасшедший?! А что же они, чего получше не нашли? И почему сейчас я в себе никаких отклонений не замечаю? Может, я, конечно, где-то и ошибаюсь, но, на мой взгляд, со мной все в порядке. Или сумасшествие стерлось вместе с памятью? Да нет, не может быть...

Нет, ну ё-мое! Что же это делается?! Заманили случайного человека, прикончили... что-то я сомневаюсь, что они мои мозги по почте заказали, скорее уж просто взяли кого-то, кто под руку подвернулся... да вот хоть охранника какого-нибудь, им такими и положено быть — крепкими, здоровыми, флегматичными... хотя, конечно, лунатизм и все такое...

Но ладно бы просто прикончили, так ведь еще и запихали после смерти в тело своего драгоценного биооружия! Слово-то какое... нет бы просто — монстр. Монстр Франкенштейна, вот кто я такой... В баке родился. Папа мой — докторский скальпель, а мама — трубка с раствором.

ГЛАВА 2

Само собой разумеется, что биологические эксперименты не несут никакой опасности ни самому исследователю, ни тем, кто его окружает.

Генри Джекил

Ладно, нервы у меня крепкие, выдержу. В конце концов, в моем положении есть и светлые стороны. Подумаешь, монстр, зато с крыльями!

Успокоившись на этой мысли, я методично и скрупулезно исследовал эту дурацкую лабораторию, ставшую для меня родильной палатой. Работать сразу шестью руками было немного непривычно, но я быстро освоился. К хорошему легко привыкаешь, и, надо признать, шесть рук куда удобнее двух. А эти когти! Никаких инструментов не надо, отлично заменяют все что угодно — от отвертки до кусачек.

В помещении имелось несколько шкафов различного размера, но, увы, ничего интересного я в них не отыскал. Всякие банки-склянки, ножи-скальпели и тому подобный никчемный мусор. Один был до отказа заполнен всяческого рода бумагами, в которых уважаемые профессора подробно описывали процесс создания меня и моих предшественников. Правда, продолжались эти записи только до 1996 года. Скорее всего, именно тогда их стали заносить в память компьютера. Жаль, что он

разбит, там-то уж наверняка бы отыскалась какая-то информация о моем доноре... В смысле о том несчастном, который одолжил мне свой мозг. Жаль его, кем бы он ни был... А вот интересно: я — это он и есть или все-таки я — пятая модель проекта «ЯЦХЕН», а тот неизвестный не имеет ко мне никакого отношения? То, что у меня его память... ну какая-то ее часть... еще ничего не означает — мало ли у кого чья память? Ладно, с этим мы разберемся. Для начала следует узнать, кем он был. А то если депутат Госдумы — это одно, а если уголовник — совсем другое.

Итак, с лабораторией мы покончили, и есть хочется все сильнее, так что, пожалуй, самое время эту лабораторию покинуть. Тем более что надоела она мне уже хуже горькой редьки... Хорошо еще, что не пришлось процарапываться сквозь дверь, хватило отодвинуть задвижку.

Ух! Ну и коридорище! Километра, может, и нет, но уж половинка — точно. Мой личный роддом в самом конце, на отшибе. Представили, видеть, мудрецы занюханные, каких делов может натворить проект... а, ладно, просто Яцхен. Имечко так себе, но пока и такое сгодится. Надо же себя как-то называть?

Та-ак, а это еще что такое? Еще один труп. Стоит себе возле стенки, словно так и надо, но явно мертв. А почему тогда не падает? Во как! Это кто ж его, бедолагу, ломиком к стене прибил?! Да как глубоко ломик-то загнали — из груди доктора только самый кончик виднеется! По всему видать — тот же самый маньяк, что доктора Стеклова оприходовал. Почему-то мне все сильнее кажется, что живых на базе «Уран» я уже не встречу...

А тебя-то как зовут, болезный? Карточка на груди имеется, но уж больно кровящей забрызгало... Вот ведь! Точно бы стошнило, кабы не мои нервы! Фамилия заканчивается на «тин», но это мне ничего не говорит. По крайней мере, этот не доктор — ассистент всего лишь.

Через пару минут я напоролся на очередного мертвеца. Этот, похоже, перед смертью пытался куда-то ползти — по позе видно. Но уж больно зверски его прикончили — брюхо распорол и кишки вытащили. Интересоваться фамилией уже не хочется.

Хм-м, забавная штука получается... Что же выходит, весь персонал базы действительно мертв? Значит, я здесь один? Но в таком случае рано или поздно сюда непременно кто-то должен явиться — какой бы секретной база ни была, но ведь кто-то о ней все-таки должен знать, и кто-то, без сомнения, поддерживает с ней связь. А что, интересно, подумают спасатели, найдя кучу трупов, а рядом с ней гордого меня? Тут и к гадалке не ходи — меня же и запишут в главные подозреваемые. А из-за моих... необычных внешних данных меня, скорее всего, не станут арестовывать и отправлять на допрос с последующим следствием и судом присяжных. Тут же и расстреляют. Природная броня — штука хорошая, да только вряд ли у парней, что прилетят инспектировать эту базу, не окажется приличного оружия. А от хорошего автомата вряд ли защитит даже эта скрупула... Шархнут разок в башку — и полетела душа в рай... во второй раз.

А жить хочется. Я слишком молод, чтобы умирать, мне всего несколько часов от роду... Лучше по-быстрому исследовать эту базу, собрать все, что касается моей личности, и сматываться подобра-поздорову. Ну их всех с этими дурацкими экспериментами! Устроили тут остров доктора Моро, а я расхлебывай!

Хорошо бы еще, конечно, попытаться выяснить, что за чертовщина здесь стряслась. Тип, который смог истребить такую кучу народу... хм-м, а с чего я, собственно, взял, что он был один? В общем, от такого типа или типов добра не жди. Совсем не факт, что, закончив со своим, без сомнения, тоже чем-то оправданным делом, он отправился домой пить пиво и смотреть футбол.

Следующие несколько минут я осматривал ближайшие лаборатории. Большинство дверей были открыты, а то и распахнуты настежь, но встречались и запертые. Пришлось поработать когтями, и, надо признать, они проявили себя с самой лучшей стороны. Достаточно было провести одной из рук по замку, и он печально падал на пол.

Впрочем, внутри я не нашел ничего интересного. Всяческие приборы, бумаги с бессмысленным (для меня) текстом, минимум мебели. И конечно, трупы. Их было много, все они приняли смерть по-разному, но неизменно — предельно зверским способом. Особенно мне запомнился один пожилой профессор, которому вырвали позвоночник и обвязали вокруг его же шеи. Отвратительно.

По крайней мере, голод я утолил. Нет, я не стал грызть мертвецов, до этого, к счастью, не дошло. В одной из лабораторий я отыскал небольшой холодильник, а в нем некоторое количество продуктов. Оказывается, я очень прожорливый, а по весу и не скажешь! Все, что там было, я съел, и еще бы добавил. Остались только мороженые пельмени в упаковке — почему-то они вызвали у меня сильное отвращение. Может быть, я их ненавидел, когда был человеком, а может быть, яцхенам они строго противопоказаны. Не берусь судить.

Но все остальное я слопал — от бутербродов с любительской колбасой до лапши быстрого приготовления. Кипятка взять негде было, так что пришлось проглотить как есть. В процессе еды я сделал еще одно открытие насчет себя — вкуса я тоже не ощущал. Если бы я закрыл глаза, то и вовсе не догадался бы, что ем — хрустит что-то на зубах, а что именно — непонятно. Конечно, этих ученых можно понять — чувство вкуса мне в работе уж точно не пригодится, а значит, и нечего меня баловать. Но ведь обидно! Лишили еще одного удовольствия...

Из чувства противоречия я съел и пельмени. Раз уж мне все равно, что поглощать, так пусть и они тоже отправляются в общий котел. Пришлось, правда, закрыть глаза — видеть я их по-прежнему не мог. Никаких неприятных ощущений не последовало. Кстати, глаза мне пришлось прикрывать руками — век для меня тоже не предусмотрели. От пыли глаза защищены, и ладно, а на мои удобства им всем начхать. Хорошо еще, что рук целых шесть...

Набивая свой желудок, я время от времени посматривал на очередные трупы, на которые наткнулся в этой комнате. Один из них, совсем молодой парень, выглядел так, как будто его долго массажировали

морковной теркой. Пожилая дама, лежащая поблизости, напоминала Гуимплена — рот разрезан почти до позвоночника. Ничего — аппетит не испортили.

В следующей лаборатории я увидел еще один бак, похожий на мой собственный. Только чуть поменьше и не такой грязный. Что интересно, он был аккуратно открыт, а рядом стояла небольшая лесенка. А на лесенке висел очередной труп — ему кто-то размозжил голову об этот же бак. Присмотревшись, я понял, что сделать такое можно было только сверху. Следовательно, неизвестный убийца как раз из этого бака и вылез.

Я хотел поподробнее изучить эту «родильную палату», но мой сверхчувствительный слух неожиданно засек слабый звук, доносящийся из соседней палаты. Стон. Человеческий стон. Конечно, я тут же все бросил и понесся к неожиданно обнаружившейся живой душе.

Кабинет по соседству, скорее всего, был чем-то вроде комнаты отдыха — мягкая мебель, цветы, даже телевизор. И еще компьютер, но тоже сломанный. Как и все остальные компьютеры, найденные мной.

Но эти мелочи я отметил только краешком глаза — в первую очередь меня привлек предмет, лежащий на одном из диванов. Живой человек. Первый живой человек, увиденный с тех пор, как я родился. С первого взгляда я понял, что времени у меня мало — жить ему оставалось недолго.

Мужчина лет пятидесяти, с атлетической фигурой, на голове заметна седина, но не слишком много. По-видимому, обладает железным здоровьем и только этим обязан тому факту, что все еще жив. Потому что у него отрезаны обе ноги в верхней части бедер.

То, что он до сих пор еще не истек кровью, было настоящим чудом. Разумеется, он кое-как перевязал себя, воспользовавшись отныне ненужными штанинами, но помогало это слабо. «Профессор Барсуков», прочел я на карточке.

Я двинулся совершенно бесшумно, и в первый момент он меня не заметил. Но уже в следующий до него дошло, что в его палату явились непрошенные посетители, и глаза изувеченного испуганно выпучились. Интересно, с чего бы вдруг...

— О нет... — расслышал я его шепот. — Еще и этот...

— Я могу вам чем-то помочь? — вежливо спросил я. Прозвучало это сухо, но исключительно из-за тембра моего голоса.

— Как?! Ты говоришь?! — обрадовался профессор. — Ты можешь говорить?! Так ты все-таки получился удачным!.. Хоть какое-то утешение...

— Рад за вас, Станислав Константинович.

— А откуда ты знаешь... ах да, конечно, карточка... Ты себя хорошо чувствуешь? — неожиданно забеспокоился Барсуков. Прозвучало это очень смешно — он-то уж точно чувствовал себя хуже некуда.

— Просто прекрасно. Что здесь случилось?

— Это все Палач... — виновато пробормотал профессор. — Я с самого начала подозревал, что с ним что-то не так, но такого...

— Палач? Кто это такой?

— Эксперимент, как и ты... — криво усмехнулся Барсуков. — Только не такой удачный. Вас создавали параллельно, почти по соседству...

— Я знаю. Я нашел его бак.

— Репликатор. Эти приборы называются матричными репликаторами. Мы выращивали в них... искусственных существ.

— Монстров, вы хотите сказать? Повторяю вопрос — что за Палач?

— Говорю же, эксперимент! — начал раздражаться профессор. — Мы пытались создать существо, способное проникать сквозь материальные объекты... Над проектом «Палач» работали почти семнадцать лет, и позавчера его наконец-то закончили... Кто же мог подумать, что все так обернется...

— Проникать сквозь... вы хотите сказать, проходить сквозь стены, Станислав Константинович? Разве такое возможно?

— Отчасти да, — кивнул профессор. — Если его здесь нет, а двери по-прежнему закрыты, значит, у нас все получилось — наш сектор полностью герметичен, Палач не смог бы выбраться отсюда без этой способности.

— А много на вашей базе таких секторов?

— Таких, как наш? Шестнадцать. Наш работал над тремя проектами — «Палач», «Живой Нож» и «ЯЦХЕН».

— Вот кстати, Станислав Константинович, может быть, вы удовлетворите мое любопытство — как расшифровывается ЯЦХЕН?

— Ямщиков, Цвигель, Хитров, Евсеев, Надеждин, — слабо улыбнулся Барсуков. — Первые буквы фамилий тех, кто тебя сконструировал, в порядке старшинства...

— Я должен был догадаться. А что я вообще такое? Я прочел лабораторные записи, но понял не так уж много...

— Ты и читать умеешь? — искренне удивился профессор и застонал. — Вот это и вправду сюрприз... Как жаль, что я не дожил до твоего пробуждения...

— Вообще-то дожили, но вы правы — жить вам осталось недолго, — безжалостно подтвердил я. — И пока вы еще живы, принесите хоть какую-то пользу — поделитесь знаниями.

— Я не так уж много знаю о тебе, — печально вздохнул Барсуков. — Я в основном занимался Палачом...

— А все-таки?

— Ты — биооружие. Для диверсий и заказных убийств. Тебя заказала внешняя разведка, какие-то там спецслужбы... не знаю точно, я никогда этим не интересовался. В тот год у них сменилось руководство, и новый начальник заказал нам сразу четырех... существ. «Живой Нож», «ЯЦХЕН», «Палач» и... и еще один. Проект номер шестнадцать, самый секретный из всех. Ему выделили целый сектор, о нем я вообще ничего не знаю, даже названия...

— А кем я был раньше? — перебил я его.

— То есть как? — удивился профессор. — Раньше ты никем не был — клеточной массой в чане, вот и все... Ты родился здесь, в нашем репликаторе.

— Я имею в виду — кому принадлежал этот мозг? — Я для пущей убедительности коснулся затылка. — Кем я был, когда был человеком?

— А это ты откуда узнал? — недовольно проворчал Барсуков. — Вот ведь недотепы, сколько раз я им говорил — не разбрасывайте записи где попало... Ладно, теперь уже не важно. Конечно, это запрещено, но по-другому у нас не получалось...

— Уважительная причина, — насмешливо кивнул я.

— Да я-то все равно не знаю, чей это был мозг, — снова вздохнул профессор. — Этим занимался Краевский — где-то раздобыл свежие материалы и отдал нам. Он никому не докладывает, где что берет...

— Кто такой этот Краевский?

— Тоже профессор. Он тогда курировал проект «Зомби»... о нет! Об этом я не подумал! Палач же разбил все компьютеры, теперь вирус на свободе! Черт! Черт! Черт!..

— Что еще за вирус? Станислав Константинович, сколько же сюрпризов на вашей базе?

— Очень нехорошая вещь... — пролепетал Барсуков. — Этот вирус мгновенно распространяется и заполняет все доступное пространство, но очень быстро разлагается. К нам он не проник — наш сектор герметичен, но вся остальная территория... И уж Палач-то обеспечил его материалом! Я слышал шум...

— Что за болезнь?

— Это не совсем болезнь... Человек, зараженный вирусом «Зомби», через пятнадцать—двадцать часов умирает сам, но даже если умертвить его раньше, это все равно ничего не изменит. После смерти его труп поднимается и начинает снова ходить!

— Станислав Константинович, это уже мистика какая-то... — не поверил я.

— Да ну? — злобно покосился на меня Барсуков. — А ты сам не мистика?! Посмотри на меня, эксперимент, я умру через час-другой! Думаешь, я стану сейчас врать?!

— Может быть, у вас бред, — предположил я.

— Не бред! — еще сильнее разозлился профессор. — Говорю тебе, зараженный после смерти оживает! Видишь ли, мозг даже после смерти сохраняет активность, и довольно долго — около полутора месяцев. В течение этого времени его еще можно оживить. Конечно, не до конца — на уровне самых низших животных. Ходячий труп будет двигаться и нападать на живых существ! Самые примитивные инстинкты, понимаешь ли, — пожрать бы, вот и все... И они остаются заразными — любой укушенный одной из этих тварей сам после смерти превратится в ходячего мертвеца!

— «Обитель Зла» с Милой Йовович, — саркастично подытожил я. — Думали, я этот фильм не видел?

— Какой еще фильм? — скрипнул зубами Барсуков. — Как ты вообще можешь что-то помнить, я же сам очищал твою пам... ой!..

— Вот, значит, как... Что ж, Станислав Константинович, поздравляю, вы замечательно справились со своей задачей.

— Прости... — сконфуженно промямлил Барсуков. — Прости, я не думал... я не хотел...

— Естественно. Кто я для вас? Эксперимент. Сырье. Получился неудачным — спустим в унитаз, удачным — получим премию. Но я вас прощаю, потому что умирающих положено прощать. А вы очень скоро околеете, Станислав Константинович. И знаете, мне вас совсем не жалко. Потому что вы сами во всем виноваты. Нечего удивляться тому, что вас сожрал монстр, созданный вами же.

— Кто это сказал? — заинтересовался Барсуков.

— Как — кто? Я.

— Нет, а разве это не цитата?

— Не помню, — сухо ответил я. — Вы приложили немалые усилия, чтобы я все забыл.

— Но пойми! — взмолился он. — Пойми, если бы я оставил тебе память, ты бы нас возненавидел! Ты же был человеком, а стал...

— Что ж, зато теперь я вас просто обожаю. Думаю, я оставлю вас, Станислав Константинович. Вряд ли вы сможете сказать мне еще что-то интересное...

— Подожди! — Его глаза испуганно округлились. — Прошу тебя — останься! Я не хочу... вот так, в одиночестве... хотя бы ты...

— Хотя бы я, да? Нет уж, обойдетесь, любезный.

— Но куда ты? Куда ты пойдешь в таком виде?

— Не знаю. Для начала постараюсь выбраться с вашей базы, а там посмотрим. По крайней мере, я умею летать, так что какой-никакой выбор у меня будет... Здесь-то я уж точно не останусь.

— Послушай!.. — прохрипел Барсуков. — Послушай, что я скажу!..

— Может быть, хоть раз назовете меня по имени? — осведомился я. — Оно вообще у меня есть?

Барсуков сконфуженно замолчал. Потом вдруг что-то вспомнил и обрадованно закивал.

— Есть, есть! Яков! Мы все называли тебя Яшкой! А иногда — Яковом Николаевичем. Профессора Ямщикова звали Николаем...

— Хоть что-то... Так что вы хотели сказать?

— Я... я дам тебе несколько полезных советов. Во-первых, найди главный компьютер. Простые компьютеры Палач уничтожил, но главный должен был сохраниться...

— А с чего это он вдруг стал ломать компьютеры?

— Ошибка в программировании... Он стремится уничтожить все, обладающее разумом...

— Компьютеры?

— И их в том числе. Он сам наполовину робот, с его точки зрения, компьютеры тоже разумны...

— Ладно, я отыщу главный компьютер, что дальше?

— Он в первом секторе, на самом верху... Войди под моим именем, пароль — «qwerty». У меня был высокий доступ, ты получишь любую информацию... ну кроме особо секретной. Найди там файл «iatshen»,

там о тебе. Прочти о чувстве Направления — я не знаю, что это такое, его конструировали без меня, но оно в тебя заложено. Еще найди файл профессора Краевского — только ему было известно, кому принадлежит твой мозг. Если там нет записи, тебе придется искать его самого...

— А разве он не погиб с остальными? — удивился я.

— Три месяца назад он озолился. У нас обычно не увольняются, мы все подписку давали, но у него такие связи... Не знаю, где он сейчас... но в компьютере должен быть его адрес... или хоть что-нибудь...

— Спасибо, Станислав Константинович, — благодарно кивнул я. — Что-нибудь еще подскажете?

— Да... Ты должен... покончить с ними...

— С кем?

— С Палачом... и с ходячими трупами... Если вирус освободился, их должно быть очень много... Прошу тебя, Яша, умоляю... Палач не останется... А вирус... вирус «Зомби» может уничтожить всю цивилизацию...

— А вы уверены, что мне это по силам?

— Уверен. Тебя создавали как раз для этого. Палач гораздо слабее, его единственное преимущество — хождение сквозь стены, в остальном ты его превосходишь!

— Но как я его найду?

— Чувство Направления... оно как раз для этого... прочитай, как им пользоваться... Прочитай еще и файл «palach», там про него... хорошо, что ты умеешь читать...

— Станислав Константинович, вы еще можете говорить?

— Похоже, я уже умираю... — прошептал он. — Запомни, ходячим трупам нужно отрезать голову, иначе их не убить... Разрушить мозг... А лучше — сожги их. Возьми напалм на складе... Там есть еще несколько бомб и приличный огнемёт... На всякий случай... у нас разные случаи бывали... Правда, против Палача там оружия нет, на него мы не рассчитывали... Но твоих когтей должно хватить... или яда...

Договорив последнее слово, он замолчал.

— Станислав Константинович? — окликнул его я. Профессор не ответил.

Подойдя поближе, я понял, что он уже умер. Произошло это так тихо и незаметно...

Почему-то именно сейчас я вспомнил, что так и не спросил у него о третьем проекте — загадочном Живом Ноже. Интересно, что бы это могло быть? Судя по названию, тоже ничего хорошего. И этот Палач... как он выглядит хотя бы? Почему-то я сильно сомневаюсь, что мне удастся расправиться с ним так легко, как обещал профессор Барсуков. Чудовище, которое уничтожило персонал целой базы... по крайней мере человек сто... да уж, он просто обязан быть очень опасным. Да еще и проникает сквозь стены...

Никаких следов Живого Ножа я не отыскал. Зато мне удалось найти еще три маточных репликатора, и два из них были совсем крохотными, не больше банки из-под огурцов. Скорее всего, в большом содержалась шестая модель ЯЦХЕНА, а в маленьких — Живые Ножи. Если все

так и обстоит, этот загадочный проект должен быть очень маленьким, не больше обыкновенного ножа, неживого. Значит, следует глядеть в оба — такого маленького монстра я могу и не заметить.

Обнаружив еще пяток трупов в разнообразных позах, я наконец-то нашел выход из сектора. Да уж!.. Вряд ли подобную дверцу возьмет и динамит — этот толстенный стальной блин запечатывал комплекс лабораторий, где изготавливают чудовищ, намертво. И как же, интересно, я сумею преодолеть эту преграду?

Для того чтобы открыть эти ворота, следовало ввести код из шести цифр. Я набрал первое, что пришло в голову, — 123456. Пискнула красная лампочка. Все это нехитрое действие заняло от силы секунд пять, но сколько же мне потребуется времени, чтобы перебрать все варианты?.. Так, попробуем подсчитать... Существует ровно миллион комбинаций из шести цифр — от шести нулей до девятисот девяноста девяти тысяч девятисот девяноста девяти. Кладем на одну комбинацию пять секунд. Перемножаем... пять миллионов секунд. То есть... восемьдесят с лишним тысяч минут... почти тысяча сорок часов... пятьдесят восемь суток... Примерно два месяца, и то если не отвлекаться на сон и пищу. Совершенно нереально.

Встает вопрос: знал ли код профессор Барсуков? Безусловно. Не мог не знать. Почему же тогда он не сказал мне? Может быть, просто забыл? Или не успел? Нет, вряд ли — в его списке инструкций это должно было быть записано под номером один. Следовательно, профессор, мир его праху, был уверен, что мне этот самый код не особенно и нужен. Значит, остроты моих когтей хватит на то, чтобы прорезать дырку. По-моему, логическая цепочка вполне четкая...

Итак, попробуем... Для начала я выпустил один-единственный коготь и неуверенно коснулся им блестящей поверхности. Конечно, я уже убедился, что мои лезвия способны творить настоящие чудеса, но этот сейф выглядел воистину непреступным...

Впрочем, опасения оказались напрасными. Коготь углубился в металл так легко и свободно, как будто там заранее было проделано отверстие для него. Я подивился такой режущей способности своих ноготков и уже смело выпустил все остальные. Дверь оказалась чересчур толстой, и мои когти не могли прорезать ее насквозь, так что пришлось кромсать сталь по кусочку. Много времени это не заняло — рук у меня шесть, а скорость работы такая, что со стороны я, наверное, напоминал дрель. Металлические осколки разлетались в разные стороны, как из-под отбойного молотка. Многие попадали в меня. Больно не было.

Я не засекал время... вообще-то у меня и часов нет... но, думаю, прошло не больше двадцати секунд до того момента, как в стальной стене образовалась дыра, в которую я мог пролезть. Пришлось, правда, обернуть крылья вокруг тела на манер плаща, но так даже удобнее. Я кое-как протиснулся в свежевырезанное отверстие и очутился посреди очередного коридора. С этой стороны двери было написано «Сектор № 4. Третий уровень секретности». Конечно, мне это мало что говорит.

ГЛАВА 3

Не понимаю, почему люди так боятся живых мертвецов? Лично меня они никогда не пугали...

Джил Валентайн

С первого же момента я понял, что рассказы умирающего профессора о вирусе, оживляющем мертвецов, вполне могут оказаться правдой. Судите сами — прямо передо мной красовалось внушительное пятно крови, не оставляющее сомнений в том, что здесь какой-то несчастный отдал богу душу. Очень метко прозванный, Палач продолжал свое грязное дело — эту жертву он прикончил на манер Христа, прибив ее руки и ноги... ну не к кресту, а прямо к стене, но это не суть важно. Понять это было нетрудно — три гвоздя из четырех по-прежнему торчали в стене. Четвертый валялся рядом. Один из них был забит особенно глубоко, и на нем по-прежнему висела кисть руки. Человеческой, без сомнения. Но больше ничего не было — тело куда-то подевалось. Ну, а поскольку именно на этом месте начиналась и устремлялась в глубь коридора цепочка кровавых следов, которая, однако, быстро заканчивалась, нетрудно было сделать выводы. Если человек, прибитый гвоздями к стене, хладнокровно вырывает свои конечности из этих самых гвоздей и так же хладнокровно расстается с рукой, захваченной особо неподатливым гвоздем, а после этого абсолютно спокойно удаляется, делая вид, что ему совершенно не больно (судя по следам, шагал он ровно, не шатаясь и не останавливаясь), то кто он после этого? Правильно, ходячий мертвец.

Я внимательно прислушался к царившей вокруг тишине. Где-то капала вода, но больше я ничего подозрительного не услышал. В отличие от ярко освещенного сектора № 4, в этом коридоре было полутемно. На потолке торчали точно такие же лампы, как и там, но горела в лучшем случае одна из пяти. К счастью, глаза у меня оказались просто превосходные, и подобные мелочи меня не взволновали.

И все же двигался я как можно осторожнее. Если уж меня программировали для диверсий и убийств, будем работать по программе. Может быть, вообще переместиться на потолок? Я уже пробовал, по потолку я могу передвигаться так же быстро, как и по полу. Даже хорошо, что я такой легкий, мой вес выдержит даже гнилая штукатурка.

Чем дальше я продвигался по темному коридору, тем отчетливее видел различия между сектором № 4 и остальной частью станции «Уран». Там валялась уйма людей, убитых с разной степенью жестокости, здесь не было ни одного. Зато частенько встречались кровавые лужи, пятна и отпечатки. Там были сломаны только компьютеры, все остальное пребывало в целостности и сохранности. Здесь словно бы прошла орда варваров — все было порушено и разгромлено. И никого вокруг...

Я даже не сразу заметил эту фигуру — таким незаметным он был на фоне серых стен. Похоже, человек — две руки, две ноги, ростом немного ниже меня. Закутан в мутно-серый плащ из какой-то шерсти. Лица не

видно — наглухо закрыто резиновой маской, похожей на приплюснутый противогаз. Даже глаз не видно — пара грязных стекляшек, и только-то.

Он стоял совершенно неподвижно, пялился на меня и ничего не говорил.

— Палач? — неуверенно спросил я, так и не дождавшись от субъекта каких-то действий.

Неизвестный тип молча отрицательно покачал головой.

— А кто тогда?

Он по-прежнему сохранял молчание. Я сделал шаг вперед — стоит и молчит. Еще шаг — все по-прежнему. Третий — и вот тут-то он и среагировал! Но совсем не так, как я ожидал. Собственно, я ожидал всего чего угодно, но только не того, что он просто возьмет и растает в воздухе!

— И что это было? — задумчиво спросил я сам себя.

Если бы неизвестный ушел сквозь стену, вывод был бы однозначным — Палач. Но он просто исчез. Беззвучно. Бесследно. По крайней мере, нападать на меня он не собирался.

Внимательно осмотрев то место, где он стоял, и так и не обнаружив ничего мало-мальски путного, кроме пятнышка жидкости темно-желтого цвета и чьего-то засохшего плевка, я внес данный случай в свой список загадок и двинулся дальше.

В одной из попавшихся лабораторий я неожиданно обнаружил уцелевший маточный репликатор. Там внутри плавало нечто, больше всего похожее на дождевого червя, только четырех метров длиной. Еще у него была пара коротеньких щупальцев возле головы и чересчур крупный рот. Но зубов внутри я не заметил — только какая-то странная пластинка.

Возле этого репликатора я заметил папку с бумагами, похожую на ту, из которой я извлек столько полезной информации о своем проекте. На ней горделиво красовалось: «Проект «Червь». Интересно, для чего кому-то мог потребоваться гигантский червяк? Его-то уж точно не удастся применить в качестве биооружия. Конечно, можно было прочесть эти записи и узнать все в подробностях, но у меня не так много времени, чтобы тратить его на пустое любопытство.

Побродив еще немного по коридорам, я отыскал лестницу, ведущую наверх. Вниз она не вела, следовательно, я нахожусь на самом нижнем уровне. База-то подземная. Еще здесь обнаружился лифт, но, поскольку кабина была открыта и большая часть пола просто отсутствовала, мне стало ясно, что он сломан. Пришлось взбираться по лестнице.

И вот тут меня ожидала еще одна встреча. Примерно на середине лестницы стоял, печально опустив голову, мужчина в докторском халате. Волосы седые, правая рука неестественно вывернута, на одежде заметны следы крови. Вообще-то он был заляпан кровью с ног до головы, но надо же соблюдать приличия?

Увидев меня, мертвец (то, что это один из них, надеюсь, сомнений не вызывает?) поднял голову и хищно оскалится. Глаза у него были потухшие и какие-то бледные, как будто обесцвеченные. Уж не знаю, думал ли он сейчас о чем-то или просто желал подзакусить после продол-

жительного поста, но мертвец решительно двинулся на меня, протянув руки вперед, словно бы желая обнять вновь обретенного родственника.

— Не советую, — негромко сообщил я. Не то чтобы я надеялся, что ходячий труп прислушается к доводам разума, но попытаться-то я был должен? — Зубы обломаешь...

Как и следовало ожидать, мои слова на него не подействовали. Мертвяк двигался медленно, видимо, сказывалось трупное окоченение, но нас разделяли каких-то три-четыре метра, и их он преодолел достаточно быстро. Дальнейшие мои действия были чисто рефлекторными.

Когти выскочили из пазух словно бы сами собой. Все шесть рук одновременно взметнулись в воздух и начали быстро-быстро полосовать нападающего на ленточки для бескозырок. Помня совет профессора Барсукова, прежде всего я стремился лишить труп головы. Удалось это довольно быстро — для когтей, способных резать даже нержавеющей сталь, плоть этого мертвяка была просто детской игрушкой. Он не успел меня даже коснуться.

После того как обезглавленный труп упал на ступеньки, я задумчиво уставился на него. Сейчас он ничем не отличался от обыкновенного человеческого тела. Как-то не верилось, что всего минуту назад он двигался и стремился меня убить. Более того — сожрать! Сомневаюсь, что мое мясо пришлось бы ему по вкусу... если только оно вообще присутствует под этим хитиново-чешуйчатым панцирем.

Наверху меня уже ждали. Десятка полтора живых мертвецов стояли на лестничной площадке, тупо таращась на меня. Я невольно задумался: а почему, если эти твари такие прожорливые, они не поедают друг друга? О расовой солидарности в данном случае смешно даже заикаться... Скорее всего, вирус, заразивший их, запрещает им нападать на себе подобных. Такое вот табу на генетическом уровне... Зачем это сделано, понять нетрудно — этот жуткий вирус задумывался в качестве оружия, а что толку от такой армии, если первое, что сделают ее солдаты, оказавшись на поле боя, — начнут пожирать друг друга? В таком случае интересно, как они отличают своих от чужих и нельзя ли как-то прикинуться одним из них?

Обдумать этот вопрос как следует я не успел. Отряд мертвецов, словно бы очнувшись от оцепенения, двинулся на меня. Они шли молча, не издавая никаких звуков и очень медленно, глядя на меня пустыми, безразличными глазами. И от всего этого было страшно вдвойне. Но только не мне. На эволюционной лестнице чудовищ мой вид стоит на несколько ступеней выше каких-то дурацких зомби.

Рефлексами меня снабдили отменными. Я прыгнул прямо в центр толпы мертвяков и превратился в живой смерч, ошетилившийся кучей лезвий. Я резал и колол, рубил и кромсал. Одному из трупов я даже перекусил шею, хотя при этом меня чуть не стошнило. Они в свою очередь пытались процарапать или прогрызть мою броню, но эффект от их усилий остался равным нулю. К тому же у меня было явное преимущество в скорости: мертвяки двигались в три-четыре раза медленнее обычного человека, а я — в три-четыре раза быстрее его же. Но я даже не

особо увертывался — пусть уж потешатся перед смертью. Уже второй по счету.

Через пару минут все было кончено. Передо мной лежало полтора десятка обезглавленных мертвецов. А я... я весь сильно изгаждался в их внутренностях. Что интересно, хвост все это время спокойно болтался где-то сзади, лишь время от времени проводя отвлекающие маневры. По-видимому, инстинктивно я понимал, что даже самый смертельный яд никак не повредит ходячему трупу, а значит, нечего особо и напрягаться, хватит с них и когтей.

Через некоторое время я отыскал ванну. Вряд ли эта ванна предназначалась для мытья — скорее уж для каких-нибудь опытов. Но у нее имелся кран, из крана лилась вода, а большего мне и не нужно. Я старательно скреб себя с головы до ног, вновь поразившись широким возможностям моих когтей. Выпущенные всего на четверть длины, они отлично поработали в качестве мочалки. Кстати, мне кажется, что в скрытом состоянии они прячутся не в пальцах, а еще глубже — где-то в самой ладони, иначе мои персты не были бы такими гибкими и ловкими.

Новые мертвецы пока что не появлялись. Я был уверен, что мой чуткий слух засечет их, тем более что эти безмозглые создания даже не пытались таиться. Стратегия их чрезвычайно проста — подобраться как можно ближе, а затем атаковать всем, что есть в наличии. Думаю, оживший мертвец способен воспользоваться каким-нибудь оружием, если оно попадется под руку (сколько-то они все же соображают), но пистолет он будет применять так же, как и камень, — просто ударит им свою жертву.

На втором уровне матричных репликаторов было меньше. Зато всяческого оборудования и техники полно. И сами лаборатории были гораздо больше, и компьютеры встречались чаще. В одной лаборатории (воистину гигантской!) я отыскал еще одно «биооружие». Или нечто другое, хотя не знаю, как можно применять подобное создание. Оно плавало в репликаторе размером с хороший бассейн и выглядело так, словно сдохло пару месяцев назад. Больше всего мой товарищ по несчастью походил на плезиозавра с очень вытянутыми шеей и хвостом, а также парой длинных щупальцев и еще одной — усом. Туловище было относительно невелико, да и вообще, эта тварь совсем не выглядела опасной. Она явно не могла передвигаться по суше, и я не заметил у нее чего-то хотя бы отдаленно напоминающего оружие.

Я бы освободил его, если бы знал, как это сделать... хотя нет, даже тогда бы не освободил. Простейшая логика: где гарантии, что это не окажется безмозглое чудовище, которое тут же пожелает мной полакомиться? А если и нет — что я с ним буду делать? До ближайшего водоема идти далековато, не тащить же этакую тушу на себе... Да и вообще, какая мне от этого польза? Может быть, я рассуждаю эгоистично, но тут уж ничего не поделаешь... В конце концов, меня создавали не для спасения и утешения, а для разрушения и умерщвления.

По соседству с этой родильной палатой располагалась еще одна, даже большая. Я давно слышал доносящиеся оттуда звуки, но не спешил проверять их источник — они больше всего напоминали те, что из-

дают при движении ходячие трупы. Прочитав на двери «Проект «Зомби» я еще больше утвердился в своих подозрениях.

Я не ошибся — в глубине лаборатории медленно передвигался мертвец. В отличие от остальных, он был облачен в прекрасный деловой костюм, серый с искрой. На шее у него виднелась разошедшаяся рана, а левую ногу он подволакивал, как будто она была сломана, и все же выглядел куда как лучше своих товарищей. Даже глаза не такие пустые, хотя тоже обесцвеченные.

К тому же он не просто стоял столбом в ожидании кого-то, кого можно будет съесть. Мертвяк явно что-то химичил с пробирками на дальнем столе, и казалось, будто он и впрямь осознает, что делает. А потом он совершил нечто окончательно убедившее меня в том, что этот мертвец отличается от остальных. Он тихо, но совершенно отчетливо матюгнулся.

— Это что-то новенькое... — изумленно прокомментировал я.

Труп резко повернулся на звук. Он впервые заметил меня, и в его бесцветных глазах отчетливо проступила радость пополам с испугом. Он вскинул ладонь в приветственном жесте и даже снизошел до того, чтобы заговорить со мной:

— При... привет, друг. К... кто ты?

Он то и дело прерывался в самых неожиданных местах, делая частые паузы различной продолжительности. Присмотревшись, я понял, что это из-за сломанной челюсти. Время от времени ему даже приходилось поправлять ее руками. Язык с огромным трудом шевелился в его зловонной пасти.

— Можно просто Яков, — усмехнулся я. — Кто я — не важно. А вот кто ты такой?

— Мертвец. Один из мно... многих. Ви... вирус. Я работал над ним. Мен... меня убили. Пот... потом я ожил.

— Очень занимательная история. Так, значит, ты еще одна жертва Палача?

— Пала... Палача? Кто так... такой Палач?

— Тот, кто убил тебя. И всех остальных, если тебя это интересует. Один из монстров четвертого сектора. Как и я...

— Я так и знал! Я з... знал, что эт... эти типы создадут что-то, ч... что убьет нас всех!

— Ну твой вирус тоже не подарок, — не согласился я. — Палач по крайней мере существует в единственном экземпляре. А вот скажи-ка мне, дружок, как это ты умудрился так хорошо сохраниться? Я видел других зараженных... жалкое зрелище, в общем.

— Сы... сыворотка. Я работал над сы... сывороткой. Пр... противоядие. За неск... несколько минут до п... появления этого Палача я исп... испытал е... ее на себе. Она не закончен... закончена, но отчаст... отчасти сработала. Я сохранил сознание и большую часть памяти...

— Надо же... Поздравляю. А ты всегда испытываешь свои микстуры на самом себе?

Признаться, я в это не поверил. Что-то сильно сомневаюсь, что уче-

ный будет использовать себя в качестве подопытного кролика. Что у него, лабораторных животных не нашлось?

— Я д... должен был пережить... испытать ощущения. Я долж... должен был...

— Рад за тебя. Можно, я возьму немного твоей сыворотки? Ну так, на всякий случай...

— Не подходи! — ужаснулся мертвец, сообразив наконец, что я собираюсь приблизиться к нему вплотную.

— Не бойся, я тебя не трону, — попытался успокоить его я.

— Я и н... не боюсь. Сыворотка подей... подействовала не д... до конца. Сознание сохранилось, но инс... инстинкты все равн... равно давят. Они требуют нап... напасть на тебя и сож... сожрать.

— Вряд ли у тебя это получится.

— Разумом я это понимаю, но не инстинкт... инстинктами. Лучше не п... подходи. И сыворотка тебе все равно не пон... понадобится. Вирус действует т... только на человека. И его действие все ус... усиливается...

— То есть?

— На меня. Через семь-восемь час... часов я окончательно превращ... превращусь в такого же, как и все ост... остальные. Я работаю над улучшенной верс... версией, но времени слишк... слишком мало. Помогите мне, пожалуйста...

— И чем же тебе помочь? — осторожно поинтересовался я.

— Мне нужно сырь... сырье. Сырье...

— Какое еще сырье?

— Зараженные. Тела зараж... зараженных.

— И только-то? Тогда сходи к лестнице, которая ведет вниз. Я оставил там целую кучу твоих бывших коллег.

— Нет. Мне нуж... нужен живой. Живой зараженный.

— Вот так вот, да? Разумеется, я могу это сделать...

— Пожал... пожалуйста...

— А что я с этого буду иметь?

— Эго... эгоист! — возмутился мертвец.

— На том стоит мир, — хладнокровно согласился я. — Я тебе ничем не обязан, так с чего же должен помогать?

— Что ты хочешь взамен? — злобно пробурчал труп, косясь на меня исподлобья.

— Даже не знаю... — задумался я. — А что ты можешь предложить?

— У ме... меня ничего не... нет. Ничего, что могло бы тебе пр... пригодиться. Но ес... если ты не поможешь, я превращ... превращусь в такого же, к... как остальные, и нападую на тебя...

— Ой, боюсь, ой, страшно! — презрительно фыркнул я. — А эта твоя сыворотка — она и вправду позволит выручить остальных?

— Нет. Ее н... надо вводить еще п... при жизни. Она не воскресит мертвого.

— Тогда чем же она поможет тебе?

— Она замедлит превра... превращение. У меня будет несколько дней или даже не... недель, чтобы создать новое лекарство. Еще он... она

подавит инст... инстинкты. Я смогу спокойно работать... Помогите мне, и я буду твоим должником. Все, что зах... захочешь...

Я быстро обдумал его предложение. По крайней мере, если я заручусь помощью этого разлагающегося создания, мне будет проще разобратся с главным компьютером.

— Ладно, жди, — милостиво кивнул я. — Кстати, не подскажешь, где здесь можно найти кого-нибудь из «сырья»?

— Посмотри в лаб... лаборатории справа, через две двери. Дверь заперта изнутри, я не смог ее откр... открыть, но там точно кто-то ес... есть.

— А если это не зараженный, а живой?

— Еще лучше. Тогда он пом... поможет мне в раб... работе. Но вряд ли. По-моему, погибли все...

Я еще раз кивнул и направился в указанном направлении. Каково же было мое удивление, когда мое тело рефлекторно опустилось на все восемь конечностей и понеслось вперед со скоростью мотоцикла! Со стороны я наверняка сильно смахивал на какое-то диковинное насекомое. Впрочем, лабораторию, упомянутую мертвецом, удалось отыскать довольно быстро.

Дверь тоже продержалась недолго. Несколько разрезов — и в ней образовалось отверстие, достаточное, чтобы в него протиснулись двое таких, как я. Но я не стал заходить внутрь. Вместо этого я просунул в дыру две левых руки и схватил за плечи прячущегося там мертвяка. Я не видел его и не слышал, но откуда-то знал, что он затаился именно там, в этой самой точке. Может быть, наконец-то проявило себя загадочное чувство Направления?

Труп зашипел и попытался вырваться, но я вцепился в него мертвой хваткой. Два больших пальца — это ощутимое преимущество. Длинные острые когти, которые можно вонзить в плоть, проткнув жертву почти насквозь, — еще большее. Будь это человек, я не стал бы его так калечить, но это существо я щадить не собирался.

Когда я вытащил его через проем, меня поджидал сюрприз. Это оказался не он, а она. Я уже видел мертвых женщин в секторе № 4, но среди зомби их пока не попадалось. Скорее всего, те трупы, которых я истребил, принадлежали к одной, исключительно мужской, группе. При жизни эта дама, вероятно, была весьма симпатичной особой, но сейчас... Нет, сейчас ее нашел бы привлекательной только законченный некрофил. И только до тех пор, пока она не вонзила бы ему ногти в горло.

Я встряхнул свою пленницу и запустил когти чуть поглубже, так что они вышли со стороны спины. На нее это не произвело ни малейшего впечатления. Мне не составило бы труда ее убить, но мой заказчик просил доставить «сырье» живым, и я не стал чересчур усердствовать. Шести рук как раз хватило, чтобы спеленать ее, как младенца, не давая даже шевельнуться. Я чуть приподнял мертвячку и осторожно понес ее к месту назначения. Вот в этот момент я возблагодарил своих создателей за то, что они лишили меня обоняния. Уверен, что воняло от нее омерзительно...

— Стодится? — грозно осведомился я, отпуская свой груз. Она не-

медленно попыталась загрызть меня, и я был вынужден отшвырнуть ее в сторону. — Может, ей ноги сломать?

— Хорошо бы, — довольно кивнул мой знакомый труп. — А лучше от... отрезать совсем, чтоб не убежала. Пом... помоги связать, м... мне нужно поработать...

Совместными усилиями мы прикрутили нашу добычу к операционному столу. Разумеется, она не переставала шипеть и вырываться и даже умудрилась укусить «врача», но он тоже был мертвецом и не обратил на это внимания. Все это время он старательно отворачивал голову, пытаясь обуздать бушующие инстинкты. Впрочем, мог бы и не обуздывать, мою шкуру ему вряд ли бы удалось прокусить.

— А почему ты сам не поймал кого-нибудь? — пришло мне в голову.

— А как? Я не... такой сильный, к... как ты, я бы не справился. У меня нет шести ру... рук. Но если бы т... ты не появился, мне все же пришлось бы идти на ох... охоту самому.

— Угу. А имя-то у тебя есть?

— Лева... то есть Лев Игнатьевич. Фамилия — Святогневнев. Доктор наук, ответ... ответственный за проект номер восемь под код... кодовым названием... названием «Зомби». Нас было трое. Я, Назаров и Антонов. Все мерт... мертвы. Не знаю, куда уш... ушли Борис с Аскольдом, они превратились в зомби, им сыв... сыворотки не досталось. Может, ты... их уже убил. Раньше был еще и Краевский, но он ис... исчез уже давно. А все-таки кто ты так... такой, Яков? Один из наших монстров? Если так, то над... надо поздравить тво... твоего куратора. Наконец-то у нас получилось что-то ст... стоящее.

— Стоящее? Что ты имеешь в виду?.. — Я подозрительно покосился на разоткровенничавшегося мертвеца.

— Разумное. Не с... сумасшедшее. Не развалив... разваливающееся на ходу. Дейст... действующее. Хорошо действующее.

— Я — проект «ЯЦХЕН», — мрачно представился я. — Пятая модель.

— А-а-а... Как же, к... как же... Слышал о твоём проекте, Хитров рас... ска... рассказывал. Мы с Семеном раньше дружили, потом, прав... правда... Но сейчас уже не важно.

Все это время он производил довольно неприятные манипуляции с женским трупом на столе — аккуратно снял ей скальп, спилил тонкой пилой верхнюю часть черепа и долго ковырялся в мозге. Все это время мертвячка оставалась живой и выражала недовольство.

— Лева, а почему зараженные не нападают друг на друга? — поинтересовался я, наблюдая за его деятельностью.

Святогневнев на секунду замер и недоуменно воззрился на меня. На его лице, насколько это позволяла окоченевшая кожа, отразилась озадаченность.

— Не зна... знаю. Никогда не задум... задумывался. А правда — почему? Может быть, как-то ч... чувят? Жаль, Назарова не... нет, этой частью в основном он занимался. На мне было против... противоядие и еще кое-ч... кое-что по мелочи.

— Понятно. Слушай, может, проводишь меня к главному компьютеру, если я тебе больше не нужен?

— Не могу. Времени мал... мало, а компьютер отсюд... отсюда далеко. Для меня далеко, я сейчас еле пол... ползаю. Да ты сам най... найдешь — это этажком выше, прям... прямо напротив лест... лестничной площадки. Если хоч... хочешь, можешь войт... войти под моим именем. Пароль — «qwerty».

Я невольно захохотал. Вот смех у меня оказался очень даже неплохой — громкий, рокошущий, с переливами, даже с небольшим эхом.

— В чем дело? — настороженно осведомился Святогневнев.

— Я разговаривал с профессором Барсуковым... час назад он был еще жив... так он предложил мне то же самое...

— И что ту... тут смешного? Жаль Стаса, хорош... хороший мужик был... Всех жаль...

— Я не над этим смеюсь. Тебе известно, что у вас с ним одинаковые пароли?

— Правда? — изумился труп. — Надо же, как совпало... Я, если честно, особ... особо и не мудрил. Просто набрал пер... первые шесть букв на клавиат... клавиатуре...

— По-видимому, он тоже. Ну ладно, ты работай тут, а я пойду к компьютеру. Кстати, не знаешь, сюда кто-нибудь придет? Ну из внешнего мира?

— Должны, — пожал плечами Святогневнев. — Не знаю, ког... когда. Мы сильно засекречены, о нас ма... мало кто знает. Но прошл... прошло уже три дня, как мы не посылали никаких сообщ... сообщений, должны уже нач... начать беспокоиться. Сначала, наверное, отправ... отправят кого-нибудь на пр... проверку... Может, уже отправили... Может, они уже приезжали, а я пропустил, я в этой лаборатории три дн... дня безвылазно. Мож... может, их зараженные перебили или твой Пал... Палач...

— Палач ваш, а не мой, — мрачно поправил я его.

— Как скажешь. Есл... если так, должно пройти ещ... еще какое-то время, прежд... прежде чем до наших начальников в столице дойд... дойдет, что здесь стряслась большая беда, и они пришл... пришлют кого-нибудь серьезного. Знаешь, Яков, тебе, наверное, лучш... лучше до того времени убраться отс... отсюда подальше. И мне тоже — вряд ли меня пощад... пощадят только за то, что я не пр... простой зомби, а говорящий... Сделаю побольше сыворотки, чтоб на пар... пару месяцев хват... хватило, соберу инструменты и смоюсь отсюда.

— А дальше?

— Об... обустрою лаборатор... лабораторию где-нибудь в тайге, подальше. Места много... Да вот хоть в медвежьей берлоге — выг... выгоню косолапого на фи... фиг... Буду работать дальше, придумывать лекарство. Не может быть, чтоб его совс... совсем не было. Пищи мне сейчас не нужно, сна — тож... тоже...

Я вынужден был признать, что свое будущее Святогневнев продумал куда лучше, чем я. Мои планы пока что обрывались на «отыскать главный компьютер». Хотя у него и времени было гораздо больше — он-то целых три дня тут кукует.

● Шестирукий
резидент ●

Лаларту — это Зло, причиняющее лишь ужас, и добра от него не будет. Только Лаларту был однажды живым и был схвачен меж Мирами, ища Входа в одни и в другие. И подобные демоны не должны быть впущены в Мир, ибо Лаларту убивает матерей при родах.

Абдул аль-Хазред

Сгинь, нечистый дух, из нашего дома, из всех мест, дверей и углов, закоулков и потолков, из всех мест. У нас есть Господень Крест, с нами Дух Святой, все святые с нами и евангелисты: Иоанн, Лука, Марк, Матфей, и святые архангелы небесные: Михаил, Гавриил и великий Георгий Победоносец, Матерь Божья, все херувимы и серафимы. Аминь.

Молитва против нечистой силы

ГЛАВА 1

Вот такой вот я загадочный зверек!

Змей Горыныч

Когда я соглашался на эту работу, то не сознавал до конца, на что именно подписываюсь. А если бы понимал, тогда... вероятно, все равно бы согласился.

Хотя колебался бы гораздо дольше.

Я — Олег Анатольевич Бритва, яцхен. Что такое «яцхен»? Это я. Существовую в единственном числе. Хотя не так давно был еще один точно такой же — Лаларту, мой папаша... если, конечно, его можно так назвать. Я стараюсь не вспоминать об этом уроде, не думать о нем как об отце — не для того я его убивал, чтобы морочить себе голову угрызениями совести.

Месяц назад моему нынешнему телу исполнился год. Ровно год с того момента, как я вывалился на пол секретной лаборатории, в которой меня создали. За этот год я много чего пережил — были и приятные моменты, и отвратительные... Особенно заполошными выдались как раз первые месяцы: я тогда понятия не имел, кто я такой, и метался, точно слепая курица. Ну а потом...

Сначала мне восстановили память. Помнится, в первый момент я об этом горько пожалел — очень уж паршивыми оказались воспоминания. Однако я тут же забыл обо всем, когда в мою жизнь вошла Она...

Если меня спросят, что я испытываю по отношению к богине Инанне, я промолчу. Ибо между нами никогда ничего не будет — слишком велика пропасть, нас разделяющая. Она воплощение Красоты и Любви, а же... я трехглазый демон о шести руках. Моя кровь ядовита, спину

украшают крылья и хвост, а когти режут металл, как пластилин. Я могу только смотреть на Нее снизу вверх и восхищаться, как Квазимодо восхищался Эсмеральдой. Слишком велика пропасть, слишком велика...

Однако месяцы, проведенные в Хрустальных Чертогах, стали, пожалуй, самыми лучшими в моей жизни. По правде сказать, скучновато там было, но для меня скука — как каникулы. Мое тело — адреналиновая машина, я создан для диверсий и убийств, но кому может нравиться такая жизнь? Я ее терплю, потому что другую взять негде. Если ты яцхен, ты яцхен навсегда. Это не профессия, которую при желании можно сменить, — это слившаяся с душой сущность. Это и есть я. Отними то, что делает меня таким устрашающим, и что останется в итоге?

Час назад я вернулся из Рари. Это такой мир совсем рядом с Лэнгом — самый обычный мир, не лучше и не хуже остальных. Первоначально я собирался заскочить на денек, передать послание от миледи и сразу обратно. Но совершенно неожиданно задержался на целых три дня. Мистер Креол, оказывается, невидим для Направления... и все, кто под его патронажем, — тоже. Нет, я его, конечно, понимаю — враги не могут засечь. Но ведь и у меня тоже не получается! Устал как собака, вымотался, настроение ни к черту... рыцарь тот полоумный меня чуть не подстрелил...

Хотя я эту ожившую мумию постепенно начинаю уважать: работает человек эффективно, не халтурит. Пашет как вол, без выходных, без перерывов. Честно признаюсь — я всем этим демонам не завидую. Вот пройдет еще лет пять, откроется возле Кадафа портал, повалят из него войска... тут-то всем этим уродам и каюк. Эти каабарские паладины ребята крепкие, демонов мочить умеют. А ведь магический военкомат еще только начинает раскачиваться!

— Игорь! Новости есть? Меня кто-нибудь спрашивал?

Игорь — мой личный слуга. Вообще-то на самом деле его зовут совсем не так... по-моему, у него раньше даже не было имени. Мелкий прислужник, нечто среднее между надзирателем и низшим демоном. Такие, как он, живут на границе Ледяных Полей и Ледяного Царства. А окрестил я его сам — по аналогии. Он горбатый, нескладный, уродливый — похож, в общем. К тому же это имя освящено временем.

— Добро пожаловать домой, хозяин! — провизжал уродец, входя в комнату. — Новостей нет! Вас никто не спрашивал! Завтрак подавать?

Меня никогда никто не спрашивает. Здесь, в Лэнге, на Лаларту всем наплевать. Что он есть, что его нет. Примерно как ослик Иа-Иа — помните, как у него оторвался хвост, а заметили это только через неделю? Вот и у меня так же — три дня отсутствовал, а никто и не заметил. Я уже смело отлучаюсь в другие миры — знаю, что не хватятся.

Вообще, очень удачно, что я подменил именно Лаларту. Обязанностей у меня никаких, ибо моему предшественнику банально не поручали ничего серьезного. Что можно поручить круглому идиоту? Если другие демоны говорят о чем-то важном в моем присутствии, то даже голоса не понижают — мол, дурак все равно не поймет, чего беспокоиться?

— Подавай... — Я вяло махнул рукой.

Игорь умчался. Бегаёт этот мелкий демон как-то боком, ковыляя и приплясывая одновременно. Как у него это получается, я не знаю.

— Что, патрон, плохо тебе? — услышался заботливый голос Рабана.

— Отстань, шизофрения, не до тебя... — простонал я, откидываясь в кресле.

Рабан — это мозговой полип керанке. Как я его заполучил... сам до сих пор удивляюсь. Несмотря на то что мне по-прежнему не нравится таскать в голове непрошеного жильца, я не пытаюсь от него избавиться. Рабан очень полезен — только благодаря ему мое кое-как слепленное тело до сих пор не развалилось на кусочки.

Правда, с некоторых пор это уже не имеет значения — спасибо мистеру Креолу. Часть демонической души, которую он перелил в меня из убитого «папочки», изрядно облегчила жизнь. Я далеко не сразу заметил перемены, но со временем обнаружил, что могу поднимать большие тяжести, быстрее летаю и бегаю, когти и зубы режут все подряд еще эффективнее, чем раньше, а болевой порог упал почти до нуля. В общем, теперь я самый настоящий архидемон, хотя по-прежнему уступаю таким монстрам, как Шаб-Ниггурат или Хастур. О Йог-Сотхотхе или Азаг-Тоте я даже не говорю. Ну а когда проснется Ктулху... По-моему, все здешние скорее боятся этого события, чем радуются ему. Все равно как если бы при Брежневке вдруг пробудился Ленин — разумеется, всеобщее ликование, но изрядно приправленное страхом. Мало ли что он учудит спросонья?

Но у Рабана есть и другие полезные функции. Например, он защищает мой разум от сканирования. Тут встречаются твари, способные при случае покопаться в чужих мозгах. А поскольку я сейчас вроде Штирлица, внедренного в гестапо, меня такая перспектива никак не радует...

Еще именно он перебрасывает меня из мира в мир — раньше Рабан принадлежал одному энгаху и унаследовал кое-что из его умений. Кто такие энгахи? Путешественники между мирами. У каждого энгаха есть своя фирменная фраза, переносящая его в соседнее измерение. Моя длинная и труднопроизносимая, но очень полезная. За меня ее произносит Рабан — сам-то я ее до сих пор не выучил.

И, конечно, Рабан просто очень много знает. У керанке абсолютная память. И это пригождалось мне не раз и не два — такой вот встроенный диктофон в голове. Все-таки я тружусь на нелегкой ниве шпионажа, информация — это мой хлеб.

— Завтрак... — огромный поднос втиснулся в дверь, — ...подан.

Я махнул двумя правыми руками, указывая, куда его поставить. Вслед за Игорем в дверях показались две дьяволицы, несущие остальные подносы. Вообще-то в официальной таблице рангов этого мира дьяволицы стоят повыше Игоря, но кроме официальной существует еще и неофициальная. А в неофициальной их место — у двери, на коврике. Потому что дьяволицы занимают в Лэнге экологическую нишу гетер. Или путан — подберите слово сами. В общем, на них смотрят свысока даже такие таракашки, как мой Игорь.

Раньше я считал, что дьяволица — это женщина-дьявол. Оказывается, ничего подобного — совершенно разные существа. Дьявол, черт, бес — это отнюдь не синонимы, а различные биологические виды. А вот демон — собирательное название, которое прилагается к большинству жителей Темных миров. У Светлых такого собирательного термина почему-то нет... Впрочем, им далеко до такого видового многообразия, как у Темных. У Тьмы больше оттенков, чем у Света.

У дьяволов есть свои женщины... не знаю, как они называются. Дьяволихи, может? А у дьяволиц есть свои мужчины — диаволы. Только вот в Лэнге их почти не осталось. Почему — рассказывать не буду. История на редкость анекдотична и весьма тошнотворна.

Я не знаю, для чего этих дамочек использовал Лаларту. Лично я использую только для одного — подай-принеси. Их основная функция мне, увы, до сих пор недоступна. Миледи Инанна обещала, что к этому времени я уже достигну полового созревания, но, похоже, она что-то напутала. Я каждое утро проверяю — пока все по-прежнему.

А жаль. Эти стервочки чертовски хороши. Бледные, правда, как привидения — кожа белая, как у фарфоровых статуэток. Загар к ним вообще не пристает (да и откуда взяться загару в мире без солнца?). Одеваются в черную кожу, стиль садомазо. Ну так что же вы хотите — дьяволицы! Каких еще красавиц можно встретить в Темном мире? И когти у них длинные... даже длинней моих.

— Что-нибудь еще, господин? — спросила ближайшая, льстиво виляя задом.

— А ну пошли вон, кошки безмозглые! — взъярился Игорь. — Хозяин устал, ему не до вас! Брысь!

Дьяволицы одарили его злобными взглядами, но все-таки удалились. Игорь робко ухмыльнулся, не совсем уверенный, правильно ли он понял мое желание. Я вяло махнул левыми руками, мой дворецкий попятился, предусмотрительно не поворачиваясь спиной, и в конце концов исчез. Лаларту это ненавидел — увидев перед собой спину какого-нибудь слуги, этот ненормальный демон сразу прыгал и вырывал когтями хребет.

По-моему, Игорь что-то подозревает — уж очень многозначительно он порой на меня посматривает. Неудивительно — кому и заметить разницу, если не самому приближенному слуге? Но доказательств у него нет. Да если бы и были... не думаю, что он меня выдаст. По-моему, он очень рад такой перемене — раньше Лаларту менял своих дворецких чуть ли не каждые полгода. Любил под настроение перекусить мелким демоном...

Впрочем, это характерно для большинства здешних обитателей. Крайне неразборчивы в еде. Хотя нет — очень даже разборчивы. Вегетарианские блюда не станут употреблять даже под страхом смерти — мясо, мясо и еще раз мясо. А вот тут уже неразборчивы — чье именно мясо, их не волнует.

Помню, каких трудов мне стоило отмазаться от общественных обрядов в Кадафе... Несмотря на произошедшие со мной перемены, где-то глубоко внутри я по-прежнему человек. И каннибалом становиться не

собираюсь. Но даже если допустить, что человеческий род ко мне больше не относится, пожирать разумных существ нельзя. Нельзя! Это неправильно. Бог не простит...

За последние полгода я много думал о Боге. У меня из головы не выходили слова кардинала дю Шевуа — о том, что Господь не закрывает райских врат даже перед демонами. Не знаю, насколько он прав... но мне очень хочется на это надеяться. Потому что я живу в Темном мире, я сын демона, и если я попытаюсь явиться на исповедь к какому-нибудь священнику на Земле, он наверняка начнет вопить что-нибудь вроде «Изыди!». Ненавижу это слово...

Еще будучи в Дотембрии, я крестился — непосредственно перед свадьбой принца Сигизмунда и королевы Лорены. Дело в том, что принц попросил меня быть шафером. В той, прошлой жизни я воспитывался при советском строе, родители были атеистами и так же воспитывали меня. Зато теперь я католик. Хотя креста конечно же не ношу — это был бы неизбежный провал. Демон с крестом выглядит так же странно, как штандартенфюрер СС с красной звездой на груди. Да и какая разница, собственно говоря? Не думаю, что все эти мелкие детали так уж важны для истинного верующего...

А я верю. Теперь верю. Потому что видел Ад. И видел Рай. Эти миры существуют. Так же, как существуют Лэнг и Девять Небес. Я думаю, если как следует поискать, выяснится, что существует практически все, что в моем родном мире считается мифом. Кое-что даже в нескольких экземплярах.

Мой новый дом находится в сумрачной долине Пнот, к северо-востоку от замка Кадаф и к северо-западу от города Ирем, совсем рядом с границей Ледяного Царства. Мои соседи — бесконечные ряды склепов Зин, где обитают Бледные Призраки. Это еще одна разновидность надзирателей Лэнга.

Лэнг устроен совсем не так, как наша Земля. Это не планета, а скорее... спираль. Хотя нет, не спираль. Пожалуй, больше всего Лэнг похож на огромное кольцо Мебиуса — если очень долго шагать в одном направлении, придешь с другой стороны. Он сравнительно невелик — общая площадь примерно соответствует Африке. И называется этот мир Бездной. Хотя гораздо чаще его называют все-таки просто Лэнгом.

Государство здесь только одно, но оно разделено на метрополию и колонии. Метрополия — это, собственно, сам Лэнг. Здесь царствует Азаг-Тот, но реальная власть сосредоточена в склизких когтях Йог-Сотхотха. Ну а С'ньяк исполняет обязанности божества... это на редкость могущественное существо. Единственное, что способно его уничтожить, находится сейчас в руках Креола Урского — Крест Стихий. Точнее, пока еще только его составляющие.

С трех концов к Лэнгу примыкают Царства — Глубинное, Ледяное и Мертвое. Город Ирем расположен на крайнем востоке метрополии, неподалеку от нижней границы Ледяного Царства. Город Р'льиех лежит на дне Глубинного. Там же спит Ктулху. Ну а Мертвое... это, пожалуй, самый безобидный регион Лэнга, несмотря на неприятное на-

звание. Когда-то это место исполняло функции ада — туда отправляли души самых страшных грешников, для которых даже Кур слишком хорош. Но за тысячи лет почти все старые души оттуда испарились, новых уже очень давно не поступало, так что теперь это своего рода свалка. Там находится древний город Трок — фактически просто груда развалин.

Глубинным Царством управляет Дагон. Мертвым — Нергал. Ледяным — Старцы. Старцы — очень опасные твари. Они уступают в мощи архидемонам, но зато их довольно много. Именно они некогда создали шогготов. К моему удивлению, выяснилось, что в Лэнге случались бунты — и почти всегда они вспыхивали именно в Ледяном Царстве. В отличие от него, Глубинное — верный вассал Лэнга и всегда его поддерживает. А в Мертвом все тихо и спокойно — Нергал самый приличный из здешних богов.

Когда-то, очень давно, Нергал был Светлым богом. Он сын Энлиля и Нинлиль и муж Эрешкигаль. Почему он стал Темным? Печальная история — из-за любви. Боги тоже ей подвержены. Эрешкигаль — Темная богиня, владычица Кура, и именно в нее-то Нергал и влюбился. Неудивительно, кстати — она сестра-близнец Инанны. Тут любой бы влюбился. И постепенно акценты слегка сместились — со временем Нергал стал еще более страшным чудовищем, чем супруга.

Кстати, о ней что-то очень давно ничего не слышно — миледи Инанна подозревает, что сестренка тихо скончалась. Не всем же достает удачи заполучить такой мир, как Каабар, — без постоянного притока ба-хионь боги умирают или превращаются в зверобогов.

Интересный факт — боги не бывают нейтральными. Они всегда или Темные или Светлые. Это мы, люди, чаще всего балансируем где-то посередине — а у богов совсем не так. Хотя зачастую разница минимальна — как я уже говорил, Нергал очень близок к Светлому. А вот Анансэ, бог-паук, — к Темному. Эти двое отличаются друг от друга совсем чуть-чуть, но этого «чуть-чуть» хватает, чтобы первый сидел здесь, в беспросветном мраке Лэнга, а второй прохладился на Девятом Небе.

— Игорь! — прохрипел я от скуки. — Игорь, принеси гитары!

По полу простучали каблук мелкого демона, спешно тавившего мне музыкальные инструменты. Думаю, прислуга считает, что за последние месяцы их хозяин окончательно спятил — я натаскал в свою берлогу кучу полезных мелочей из нескольких соседних миров. Прежде всего, конечно, из моего родного.

Вот во всю стену стоят огромные колонки — их пришлось переносить по частям и собирать уже на месте. Чертовски трудное занятие, скажу я вам, — лучше бы я еще разок сразился с Лаларту. Я заказал их по Интернету (я все заказываю по Интернету, через посредничество одного знакомого), а потом перетащил сюда, в Лэнг. Пришлось сделать шесть ходок — дюже здоровые дурищи. А потом еще двое суток корячился, собирая их по бестолковой инструкции. В технике я дуб дубом.

А если бы вы знали, как трудно было обеспечить в этом проклятом

мире электричество! Вся эта возня с генераторами, проводами... До сих пор не совсем понимаю: как я умудрился заставить эти фиговые агрегаты заработать?

Но результат мне очень нравится — когда я лабаю тяжелый рок, стены трясутся, а окрестные демоны прячутся по норам и дрожат от страха. Все знают — Лаларту опять запустил Машину Смерти. Так они называют этот великолепный звуковой агрегат. И точно так же называется мой любимый хит — нравится мне «Ария»... И Кипелов нравится. До сих пор думаю — ну зачем они разошлись? Кто от этого выиграл?

Играть на гитаре я научился на Девяти Небесах — там было так скучно, что хоть вой. Вот я и выл. Мое жуткое хрипение если для чего и подходит, так только для тяжелого рока, поэтому пришлось работать с тем, что есть. Но теперь получается вполне недурственно — постепенно я приспособился играть на трех гитарах одновременно. Шесть рук — замечательное преимущество. А хвостом я отбиваю ритм на барабанах, так что получился оркестр из одного человека. Не фонтан, конечно, но все-таки терпимо, мне нравится.

Правда, только мне.

— Ну-ка, попробуем... — проворчал я, подключая гитары и беря пару аккордов. — Раз, два... раз, два, три, четыре!

Я откашлялся и захрипел последний выученный хит. Это, правда, не «Ария», но поется на их мелодию. К тому же песня очень забавная. Подслушал у моей любимой команды КВН — РУДН. Надеюсь, они не обидятся.

Медведь с поросенком за медом идут,
О жизни и смерти беседу ведут...

Раскатами грома по лесу летит
Тяжелая поступь свинячьих копыт,
Любимый цвет, любимый размер,
Снаружи свинья, а внутри — Люцифер!

Коварные речи, а в лапах ружье,
Вселенское Зло забирает свое!
С рассветом минутка отправится в бой,
За мед он заплатит бессмертной душой!

Шары над медведем — два дивных крыла,
Но смерть улыбнулась ему из дупла,
И понял герой, что попал на крючок,
С небес прогремело: «Стреляй, Пятачок!!!»

Над косолапым навис грозный рок —
Исчадие ада спустило курок!
Таких поражений не знала земля —
Во всем виновата косая свинья!

Закончив хрипеть, я аккуратно положил все гитары и раскланялся в пустоту. Наклоняться мне сложно — шеи нет, головугрудь в верхней части не сгибается. Поэтому поклоны я отвешиваю всем туловищем.

— Патрон, к нам пришли, — тихо сообщил Рабан.

— Ну кто там опять?.. Игорь, кто там?!

— Я, если позволишь... — прошелестел вкрадчивый голос.

Знакомые интонации. Это Носящий Желтую Маску — верховный жрец Лэнга. Если сравнить Йог-Сотхотха со Сталиным, то Шаб-Ниггурат при нем будет Жуковым, а Ньярлатхотеп — Молотовым. Ну а Носящий Желтую Маску — Берией...

Думаю, не нужно объяснять, почему я не слишком рад его появлению?

Рядом с остальными архидемонами Носящий Желтую Маску смотрится еще более или менее пристойно — может даже пройти по улицам земного города, не вызывая воплей ужаса. Он с ног до головы закутан в бесцветный балахон, из которого торчат хрупкие бледные кисти. Почти человеческие — только суставов на пальцах не три, а четыре. А лицо... его я никогда не видел. Он всегда прикрывает харю желтой маской, похожей на хоккейную вратарскую. Почему харю? Потому что мне не верится, что под этой штукой может скрываться что-нибудь милонидное.

Носящий Желтую Маску очень опасен. Он на редкость умен — намного умнее остальных уродов Лэнга. Добрая половина всех планов Возрождения Величия рождены именно этой почти человеческой фигурой. Однако план «Полудемоны», которому я обязан появлением на свет, придумал не он.

И в этом его счастье.

— Ты слушаешь меня, Лаларту?! — гневно воскликнул Носящий Желтую Маску.

До меня только сейчас дошло, что все это время он что-то взволнованно говорил. Я постарался сделать умное лицо (получилось плохо) и уставился на него, как удав на кролика.

— Ты слышал, что я сказал? — подчеркнуто вежливо переспросил он.

— Угу. То есть нет. Еще раз, погромче и с самого начала.

По-моему, под маской верховный жрец побелел от ярости. Не знаю, но костяшки пальцев у него вроде бы стали еще белее, чем обычно. Хотя, может, показалось...

— Я говорю, что мы засекли несанкционированный переход! — рявкнул он. — Где-то здесь, поблизости, в районе твоего замка! Кто-то без спросу проник в Лэнг... кто-то незнакомый...

Я сделал каменное лицо. Конечно, их системы безопасности засекли не меня — энгахи скользят меж мирами плавно и бесшумно, я могу прыгать туда-сюда хоть по сто раз в сутки. Порой я так и делаю, и никто никогда ничего не замечал. Печати Мардука мне не преграда — для энгахов практически нет недоступных миров. Так что это кто-то другой. Но вот вопрос — друг или враг? Самое интересное, что, если это друг для меня, он автоматически окажется врагом для Лэнга. И наоборот.

— Ладно, я пошлю своих людей... — проворчал Носящий Желтую

Маску, убедившись в том, что я ни сном ни духом не ведаю о случившемся.

Людей... Да уж, людей...

Твари, которые служат Носящему Желтую Маску, вызывают у меня настоящее омерзение. Это будхи — одни из самых жутких чудищ Лэнга. Они принадлежат к высшим надзирателям и обладают одной чрезвычайно неприятной особенностью — их почти невозможно убить. Конечно, любого демона убить трудно, но будхи все-таки поставили рекорд — их можно разрезать на самые мелкие кусочки, но они все равно соберутся воедино. Даже из пепла. Они боятся только кислот... и еще некоторых специфических видов оружия, вроде магической цепи Креола.

Эх, как же я жалею, что не выпросил у него эту цепь — вот бы мне тут такую штуковину! Надо, надо было задержаться в Рари еще на денек — пусть бы сделал мне такую же! Этот шумерский демонолог производит всякие волшебные штучки с нечеловеческой скоростью, а мне что-нибудь подобное во как пригодилось бы!

— Давненько я к тебе не заглядывал... — прошелестел Носящий Желтую Маску, легонько касаясь колонок. — Откуда здесь все это?

— Контрабанда.

— А-а-а, ну-ну... Не знал, что ты увлекаешься человеческой музыкой...

По крайней мере, он не удивился слову «контрабанда». В Лэнге действует маленький обходной ручеек, по которому демоны иногда получают вещички из других миров. Догадайтесь, кто их перевозит? Правильно — энгахи. Мои коллеги отнюдь не гнушаются торговать с демонами... собственно, они на этом преотлично зарабатывают. Потихоньку, полегоньку, по чуть-чуть и только в один конец — их кодекс строго запрещает помогать Темным мирам в более серьезных вещах. Впрочем, Светлым тоже — энгахи держатся в стороне от войн богов.

— Спеть тебе что-нибудь? — любезно предложил я. — Я недавно выучил классную песенку...

— Не стоит... — с некоторым подозрением отказался Носящий Желтую Маску. — Ты как-то изменился за последнее время, Лаларту... Не знаю точно, но что-то в тебе изменилось... что-то такое... неуловимое...

— Угу. Гребень лаком покрыл.

— Зачем?.. А впрочем, это твое дело. Хотя я бы на твоём месте... впрочем, это тоже твое дело. У меня-то гребня нет...

— Угу. Вот когда заведешь, тогда и будешь советовать.

По-моему, Носящий Желтую Маску прищурился. Хотя черт его знает, что он там делает под этой маской — может, вообще рожи все время корчит! Бэтмен хренов!

— Ты и в самом деле как-то изменился... — Мой незваный гость задумчиво повертел пальцами в воздухе. — Надо бы нам как-нибудь встретиться, побеседовать...

— О чем?

— Обо всем. О жизни, о смерти...

— Это вроде как Винни-Пух с Пятачком? — удивился я, вспомнив только что спетую мною песню.

— Кто-кто?.. — Пришло время удивляться Носящему Желтую Маску. — Не помню таких... Они из надзирателей или из Младших?

— Я пошутил.

— Опять? Дошутишься ты когда-нибудь... Юмор — враг демона! — важно сообщил верховный жрец.

— А ты знаешь, что такое желтое с синим? — хитро спросил в ответ я.

Носящий Желтую Маску что-то невнятно пробурчал и заскользил к дверям. В замке Кадаф он старается со мной не сталкиваться: достал я его уже своими хохмами.

На этот раз я его пожалел и не стал кричать вслед, что желтое с синим — это хохол, обмотанный изолентой. Не понимают тут таких шуток.

Только Нъярлатхотеп иногда понимает — он все время по заграницам шастает, в курсе большинства земных новостей. Ему Буш очень нравится — говорит, похож на него в молодости. Хотя в наших реалиях Посланник Древних все равно разбирается скверно. Он вот недавно ездил (летал? ходил? до сих пор не уверен, как правильно называть перемещения между мирами) на Землю, в мою Россию, так я попросил привезти кассету какого-нибудь юмориста — соскучился по нашей эстраде. Привез Жванецкого. Я ему говорю — я юмориста просил! Он в непонятках — так это и есть юморист, вот, тут так написано. Я отвечаю — ты еще почитай, что у нас в лифтах написано... Говорит — читал, но ничего не понял. Нарисован трилистник, один лепесток сильно удлинен, а рядом непонятное слово из трех букв — что это такое? Головоломка, что ли?

Тупые они, демоны. Носящий Желтую Маску и Нъярлатхотеп еще самые развитые, а остальные вообще дубы. Меня особенно Лалассу прикалывает — это мой брат... то есть не мой, а Лаларту. Я сначала боялся, что он меня сразу раскусит — но нет, даже не заметил разницы. Они с Лаларту не близнецы, но внешне очень похожи. Только у него гребня на голове нет — это потому что я старший.

Я прислушался к Направлению — Носящий Желтую Маску благополучно вернулся в Кадаф. Завидую я ему — по Лэнгу он перемещается почти мгновенно. Правда, в другие миры — никак.

А вот что это он про несанкционированный переход говорил? Надо все-таки выяснить, что это к нам сюда пожаловал... А то вдруг еще один резидент? Вряд ли, конечно, я у нас единственный «русский в рейхе». И сеанс связи с Хрустальными Чертогами был не так давно. Но проверить все равно надо.

— Рабан, как дела? — спросил я.

— Ведем поиск... — скусающе откликнулся мозговой паразит.

Рабан, как всегда, понял мою мысль раньше меня самого и запустил Направление на розыск всего неположенного. Пространство невелико — Носящий Желтую Маску сказал, что это где-то рядом с моим замком. А местность тут пустынная — Лэнг вообще слабо населен. Замок Кадаф кишит жизнью, да в городе Ирем довольно много народу, вот и

все центры цивилизации. Как они до сих пор не вымерли, ума не приложу...

— Что-то нашел, патрон... — с сомнением доложил Рабан. — Странный какой-то сигнал — двойной... Как будто два существа в одном теле...

— А что тут странного-то? Мы с тобой тоже... два существа в одном теле.

— Нет, там по-другому как-то...

— Угу. А в какую сторону лететь?

— В ледяную. К Полюсу.

Я не привык подолгу обдумывать план действий. Направление известно — полетели. Окно перед глазами, пролезть недолго. Распахиваем крылья... и вверх!

Пейзажи Лэнга не отличаются привлекательностью. Скоро полгода, как я тут живу, но все равно — жуть крошечная. На землю вообще стараюсь не опускаться — это же кошмар, что они с почвой сделали! Я все думаю: сколько же веков надо было народ морить, чтобы покрыть весь Лэнг таким вот аккуратным слоем костей? В Ледяном или Глубинном Царствах этого добра, конечно, нет, но зато в Мертвом — двойная порция. Мрак.

А эти их луны на небе... До сих пор не выяснил, что это такое и для чего нужно — висит все время на одном и том же месте, светится... На глаза похоже. Как будто сидит там такой здоровенный филин и пялится красными глазищами.

Правда, одно применение у этих лун все-таки есть — время отсчитывать. У них тоже есть свои фазы — причем несовпадающие. Наступает двойное полнолуние — значит, начинаются большие празднества. Если использовать наши единицы времени, то это бывает раз в три года и продолжается трое суток. На эти празднества приглашают «послов» из всех соседних миров и еще кое-кого из заинтересованных лиц. А когда наступает двойное новолуние... вот об этом мне даже думать не хочется. К счастью, до него еще почти год.

— Глянь, патрон, опять куда-то перегоняют! — хмыкнул Рабан.

Подо мной медленно тащилась вереница изможденных рабов. Рядом с ними важно ехали два Погонщика Рабов на шилопауках. Время от времени то один, то другой слегка подхлестывал скот кнутом. Заметив меня, они низко поклонились, одновременно нахлестывая невольников, чтобы те тоже опустили на колени перед господином Лаларту.

Для меня эти процессии давно перестали быть чем-то необычным — поблизости от моего замка проходит караванная тропа, по ней постоянно гонят пополнение. На одном из ближайших Полюсов (кстати, в данном случае Полюс — это не полюс, а просто длиннющий шпиль из чистого льда) в прошлом году открыли маленький односторонний каналец, ведущий в Рари, на Серую Землю, и серые время от времени сплавляют сюда излишки человеческих ресурсов. Дань платят. В основном, конечно, чужеземцами, но иногда и своих переправляют — у них там тоже хватает... ненужного населения.

Демоны очень хотели бы пользоваться этим каналцем в обе стороны — это ведь их голубая мечта: покинуть Лэнг и расползтись по окружающим измерениям. К счастью, Мардук Двуглавый Топор запечатал их кардинально — никто из местных жителей не может покинуть этот мир по своей воле. Только если кто-то из внешних магов призывает одного из них к себе, и то лишь на срок, достаточный, чтобы исполнить приказ. По окончании службы Лэнг втягивает в себя временно отпущенного гражданина, как огромный пылесос. Исключений лишь два — Йог-Сотхотх и Нъярлатхотеп, все остальные обречены прозябать здесь до пробуждения Ктулху. Вот и гонят для себя караваны рабов — хреновое, но все же утешение.

Первоначально я, конечно, возмущался. Потом понял, что плетью обуха не перешибешь: помочь я им все равно ничем не могу, а вот легенду себе испортить — запросто. Ну не революцию же мне устраивать! Какая уж тут революция — местный рабочий класс такой зашуганный, что даже кашлянуть без разрешения боится. Очень уж их давят. Скажете, мол, пора прорваться возмущению народных масс? Ан нет. Как писал кто-то из классиков, тираны спокойно правят до самой смерти, а троны трещат под их наследниками. Вот если Йог-Сотхотх ослабит нажим, тогда, может, что-то и получится. Только он не ослабит. Ему одних только восстаний шогготов хватит по гроб жизни.

Ну, ничего, ничего, если клетку нельзя сломать изнутри, сломаем ее снаружи. Клубятся тучи над Лэнгом, миледи Инанна и та шумерская мумия собирают войска... Скоро, скоро грянет буря! Вот он я, шестирукый буревестник, витаю над умирающим миром!

Хотя к Глубинному Царству я без нужды стараюсь не летать — страшновато. Бурлят воды холодного океана, волнуются; шевелится на дне ужасный Ктулху... Трудновато ему, конечно, проснуться — труднее, чем первого января с тяжелого похмелья. Но он не сдастся. А уж когда все-таки пробудится богатырь земли лэнговской... в общем, желательно придушить его еще сонного.

Смесь пепла, снега и костей постепенно сменилась чистым снегом — я влетел в Ледяное Царство. Здесь нет вулканов, столь обычных для метрополии — их заменяют сотни ледяных игл, называемых Полюсами. Говорят, тут очень холодно — человек, оказавшись здесь, замерзнет почти мгновенно. Средняя температура — шестьдесят пять градусов ниже нуля. По Цельсию, само собой. Хорошо, что я этого не чувствую... хотя штаны уже затвердели.

Да, я ношу штаны. Тоненькое спортивное трико — не для какой-то серьезной надобности, а просто чтобы не забыть, что я не просто чудовище, но еще и человек. Думаете, одежда нужна исключительно ради тепла? Нет, товарищи, большинство разумных существ носит либо одежду, либо какой-то заменитель. Ну, доспехи, ювелирные украшения, татуировки, косметику всякую... Встречаются, конечно, и народы-нудисты, но это скорее исключение, чем правило. Как известно, у одежды есть шесть основных назначений: тепло, защита кожного покрова, чистота, обозначение общественного статуса, украшение и приличия. Для тепла ее несут только теплкровные, защитой пренебрега-

ют такие, как я, — те, у кого сама кожа лучше любой брони, а вот остальные четыре применения... Это всякому сгодится.

Хотя есть виды, которые просто не в состоянии что-либо носить. Ну какая одежда подойдет, например, тому же Нъярлатхотепу? Не представляю подобного фасона. Да и Йог-Сотхотх... хотя нет, у него есть татуировка на груди. В общем, разум обычно все-таки старается как-то себя обозначить — голый человек мало отличается от обезьяны.

— Нам за тот бархан, патрон, — вмешался в мои мудрые мысли Рабан. — И побыстрее — там, похоже, шогготы.

Шогготы... Да, там действительно оказались шогготы. Всего четверо, но этого вполне достаточно.

В замке Кадаф обитают Твари — это своего рода шогготская элита. Самые разумные из них. Но их сравнительно мало — рядовой шоггот похож на Тварь, но на порядок тупее. Они бесформенные, уродливые, безмозглые и дико злобные. В Ледяном Царстве их очень много — когда-то Старцы забавлялись с биомагией, и в результате налепили таких вот монстров.

Рецепт создания шоггота очень прост: берутся три-четыре живых существа (любых, но приблизительно одинакового размера) и запикиваются в... не знаю, как они называют эту машину — Старцы изъясняются на своем языке, на редкость сложном. Ну, пусть будет Смеситель.

То, что потом вылезает из Смесителя, — это и есть шоггот. Если для производства использовались представители одной расы, то он выглядит еще более-менее пристойно, но если разных... Особенно жуткие твари получаются, когда Старцы отправляют в Смеситель кого-то из демонов.

Хотя новых шогготов не появлялось уже довольно давно — Смеситель законсервирован и опечатан. Это слишком дикие и необузданные создания, они частенько бунтуют против своих же прародителей. Даже сами Старцы, хоть и неохотно, согласились с этим решением Йог-Сотхотха после того, как не в меру расплодившиеся монстры истребили добрую треть хозяев. С тех пор прошло больше трех веков, но Старцев до сих пор намного меньше, чем было до того восстания, — как и прочие обитатели Лэнга, размножаются они чрезвычайно медленно.

— Брысь отсюда! — прохрипел я, приземляясь рядом с многоголовыми чудовищами.

Шогготы злобно обернулись в мою сторону. В десятках уродливых глаз едва просматривался разум — эти существа даже разговаривают с большим трудом. По статусу они стоят где-то посередине между рабами и надзирателями: слишком тупы для надзирателей, слишком могучи для рабов. Цепные псы.

Но напасть на меня они не осмелились — даже у шогготов хватает мозгов не связываться с архидемоном. Я сделал шаг вперед, демонстративно выпуская когти из пазух, и уроды попятнулись от того, что обнюхивали все это время. Еще шаг — и вот они уже отступают. Медленно, неохотно, поминутно оборачиваясь, но отступают. Правда, далеко не ушли — засели за ближайшим ледяным гребнем, видимо надеясь, что я скоро уйду, оставив им добычу.

Добыча оказалась человеком. Мертвым, разумеется, — разве может быть жив человек с отрубленной головой? Странное у него лицо — как бы из двух половинок. С левой все в порядке, а вот правая... кислотой ее облили, что ли? И глаза одного нет — только дырка, как будто шилом ткнули...

— И откуда же ты тут взялся, товарищ?.. — пробормотал я, задумчиво потыкав труп кончиком хвоста. — Сбежал, что ли?

— Патрон, если верить Направлению, несанкционированный переход совершил именно он.

— Правда? А кто же его тогда убил?

— Шогготы? — саркастично предположил Рабан.

— Угу. Шогготы бы в ключья изодрали, а тут голова отрублена. Ты на срез посмотри — гладкий, ровный... обветрился, правда, да и подгнил здорово. Значит, уже давно умер. Шашкой его, что ли, рубанули?..

— Лаларту, это ты?! — неожиданно заорал мертвец.

ГЛАВА 2

Нет, я не один. Меня пять. Пять гениев в одном человеке.

Алекс Экслер

Глаза... глаз отрубленной головы распахнулся. Я невольно отступил назад. Мертвое тело зашевелилось и начало подниматься на ноги. Безголовый труп вслепую зашарил по снегу, разыскивая голову.

— Лаларту?! — вскричал мертвец, когда я попал в поле его зрения. — Везение! О, хвала Червию, какое везение! Я надеялся, что это будешь ты, но боялся...

«Рабан, это кто такой? — мысленно произнес я, подозрительно пялясь на этот подергивающийся обрубок. — Я его знаю?»

— Что-то я так сразу даже и не скажу... — засомневался мой симбионт. — Может, спросим?

«Да он меня, похоже, знает... значит, и я его должен знать. Думаешь, амнезия тут прокатит?»

— Я понимаю, ты меня не узнаешь! — заторопился труп, едва не роняя голову. — Я Саккакх! Помнишь? Иак Саккакх!

Я почувствовал, как у меня медленно отвисает челюсть. Само собой, я помню, кто такой Саккакх — здесь, в Лэнге, его имя звучит... ну, если опять проводить аналогию со сталинским режимом, то Саккакх будет Троцким. То есть когда-то он рука об руку с Ктулху и Йог-Сотхотхом построил это измерение. А потом Ктулху упокоился вечным сном на дне холодного океана, Йог-Сотхотх начал править Лэнгом железной десницей, а Саккакх... Саккакх сбежал в далекие края. В Каабар. Там он занял место Властелина Тьмы, долгое время сражался за влияние с миледи Инанной, потом был похоронен в огромной горе силами лода Каббаса со товарищи и, наконец, добит окончательно Креолом.

М-да, выходит, все-таки не окончательно... Хотя считается, что ада-

мант — вернейшее средство, чтобы убить бога. Насколько я помню, Креол вогнал ему в голову целое копьё... Как же он после этого выжил? Никак не должен был.

— Так ты, значит, Иак Саккакх? — задумчиво переспросил я.

— Ничего подобного! — резко возмутился безголовый труп. — Я Трой! Трой, сын Гишбара, архимаг Шумера!

А ведь я только что вернул челюсть на место. И этот здесь! Трой — любимый троюродный племянник Креола, убитый в той же самой пещере, что и Саккакх! И ведь тоже убили стопроцентно надежно — сначала воткнули в глаз нож, а потом еще и отрубили голову. Никакое колдовство не помогло бы ему остаться в живых — стены в той пещере обиты холодным железом, полностью гасящим любую магию. Архимаг и нефит, святой и колдун равно лишатся всех сил. Да будь этот Трой самим воплощением Зла (коим он, кстати, отнюдь не является — самый обычный маг с уклоном в Тьму, таких бесчисленные тысячи), умер бы обязательно! Мне ли не знать — мне, путнику по дорогам меж миров?! Но почему-то он здесь, и вполне себе живой!

— Здравствуйте, я ваша тетя... — хмыкнул я. — Встречайте оживших родственников. «Восставшие из ада», часть четвертая.

— Эх, патрон, а третью мы не видели... — загрузил Рабан.

— Так все-таки — ты Саккакх или Трой? — деликатно уточнил я.

— Саккакх!.. Трой!.. Йя-а-а-а-а!!! — дико завопило странное создание.

Его начали бить ужасные корчи. Он воздел руки к небесам (уронив при этом голову) и задергался в припадке, одновременно выдавая нечленораздельные крики. Упавшая голова не только орала, но еще и ворочала единственным оставшимся глазом... меня аж передернуло — глазное яблоко вращалось в орбите, будто ни к чему не было прикреплено.

— Знаешь, очень скоро здесь будут люди Носящего Желтую Маску, — задумчиво поведал я, поняв, что этот концерт может затянуться надолго.

— Будхи?! — ужаснулся Саккакх/Трой. — Лаларту, ты всегда был моим другом, я всегда хорошо к тебе относился, спрячь меня, умоляю, спрячь! Я полностью обессилен!

Я задумался. Спрятать его?.. Или все-таки убить? Нет, как раз здесь его убивать нежелательно: душа демона не сможет выскользнуть из Лэнга, ее обязательно поймают и допросят. И узнают много интересного... Да и вообще, будет очень скверно, если этот «два в одном» попадет в местное НКВД: он слишком много знает.

— Ладно, полетели до дому... — неохотно прохрипел я. — Давай голову, поддержи...

— Нет! — вцепился в свое сокровище Саккакх/Трой. — Это мое! Мое! Нет, мое! Мое, мое, мое, мое!!!

«Видишь, к чему приводит раздвоение личности? — мрачно подумал я. — Это и называется — шизофрения. Совсем свихнулся мужик... мужики».

— Ты это чего, патрон, намекаешь на что-то? — подчеркнуто невинным голоском спросил Рабан.

Перевозка мертвцов — дело грязное и неприятное. Но мне не привыкать. Блин, да я родился буквально по горло в трупах! К тому же некоторые из них еще и хотели меня сожрать! Саккакх/Трой хотя бы ведет себя спокойно... если не считать громких бессвязных выкриков.

— Заткнись, а то брошу! — пригрозил я, когда он заорал особенно громко.

— Да бросай, мне все до задницы!!! — завопил мертвец и уронил голову.

Пришлось опускаться, искать ее в сугробе, потом отгонять подкравшегося шоггота... Хорошо хоть, нашлась быстро — голова так горланила, что ее и слепой бы не пропустил.

Пока искал голову, куда-то ушло все остальное. Недалеко, правда, — всего лишь до ближайшего оврага. Туда и свалилось, неестественно вывернув руки и ноги. Хорошо, мозгов нет, а то было бы сотрясение.

В конечном итоге до дому я добрался только через час, успев на всю жизнь возненавидеть Саккакха и Троя.

Оказавшись в сравнительно комфортных условиях, «два в одном» постепенно оклемался. Слуги вымыли его, привели в порядок этот гниющий остов (он умер почти два месяца назад и за это время успел здорово провонять) и упаковали в контейнер из какого-то магического вещества, похожего на целлофан. Примерно такие же носят эг-мумии — у них нет кожи, и им приходится как-то оберегать себя от грязи. Гигиена.

— Игорь, меня нет! — категорично приказал я, запирая двери. — Ни для кого! Даже если зайвится сам С'ньяк — меня нет!

— Будет исполнено, хозяин, — понимающе захихикал уродец, прижимая палец к губам. — Вот, вам тут доставили...

Он протянул мне запечатанный конверт. Клякса ярко-алого сургуча сразу вызвала у меня смутные подозрения, и я неотложно распаковал послание.

Было ли у вас когда-нибудь такое: вы идете по улице в теплый солнечный полдень и вдруг вам на голову выливают ведро ледяной воды? Вот примерно это я испытал, прочтя коротенькое письмо. Всего-навсего пять слов.

«Я знаю твою тайну, «Лаларту».

Слово «Лаларту» заключено в кавычки. Нет, на самом деле не в кавычки — в Наг-Сотхе, на котором написана фраза, нет знаков препинания. Зато есть надстрочные символы, всякие точки и черточки. И данная их комбинация означает иронию и намек на то, что пишущий прекрасно понимает, что пишет неправду. Значит, он действительно что-то знает...

Несколько секунд я стоял неподвижно, пытаюсь справиться с желанием немедленно сделать ноги из этого проклятого измерения. Если вся эта орда чудовищ узнает о том, кто я на самом деле и на кого рабо-

таю... Не хотел бы я оказаться на своем месте в этом случае, ох как не хотел бы...

Но вот вопрос: а смогу ли я чувствовать себя в безопасности в другом мире? Ньярлатхотеп способен покидать Лэнг, Йог-Сотхотх тоже. Ни с тем, ни с другим я отнюдь не желаю схлестнуться в единоборстве. Конечно, на Девяти Небесах я смогу спрятаться — туда-то они сунуться не рискнут... только примет ли меня леди Инанна после того, как я фактически отдам весь их план в склизкие клешни Лэнга? А мистер Креол... насколько я слышал, он ненавидит предателей... А с ним мне тоже не очень хочется враждовать: такого врага врагу не пожелаешь...

— Игорь, кто это принес? — как-то очень сипло прохрипел я.

— Пазузу, хозяин! — пискнул слуга.

Впрочем, я и сам уже чувствовал. Направление ясно указывало — Пазузу. Интересно, кто его послал? По чьей наводке он... или это он сам написал?

Я обдумывал эту версию какой-то миг и едва не рассмеялся. Нет! Кто угодно, только не Пазузу! Да я скорее поверю, что Инанна переметнулась на сторону Лэнга, нежели хоть на миг допущу, что автором послания может оказаться Пазузу! Невозможно!

Поясню свое умозаключение. Пазузу — это архидемон, такой же, как я. Но он поразительно, просто феноменально туп — рядом с ним даже надзиратели кажутся кладезями премудрости. Лаларту по сравнению с ним был светочем знаний и удивительно догадливым созданием. Пазузу способен только выполнять простейшие приказания — подай-принеси-убей-загрызи. Обычно его и используют примерно так. Тем более что по частоте призываний он бьет все рекорды — ритуал вызова Пазузу чрезвычайно прост, и маги частенько его беспокоят...

Делаем вывод — Пазузу использовали втемную, поручив доставить письмо. А написал его... м-м-м... если верить Направлению, написано самопишущим пером. Все, что было до этого, как в тумане. И единственный, кто прикасался к пергаменту после, — все тот же Пазузу. Это лишний раз подтверждает, что неизвестный враг кое-что обо мне знает — по крайней мере, о моем чувстве Направления он точно в курсе. Хотя нет, это необязательно — многие демоны могут определить по ауре, кто написал письмо. Направление заменяет мне магическое зрение, и не более того.

А вот теперь на повестке дня два вопроса — кто это сделал и что ему нужно? Рабан благоразумно помалкивал, не пытаясь выдавать версии, так что думать пришлось самому. Всякая мелочь отпала сразу — Пазузу чрезвычайно высокомерен и исполнять приказы младшего демона или даже Эмблемы ни за что не станет. Только кого-то, кто выше его по рангу. А таковых не так уж много. Во-первых, С'ньяк. Во-вторых, архидемоны — Ктулху, Азаг-Тот, Йог-Сотхотх, На-Хаг, Шаб-Ниггурат, Носящий Желтую Маску, Ньярлатхотеп, Хастур, Кутулу, Акхкхару, Лаласу и я сам, Лаларту. Есть и еще парочка архидемонов, но они стоят ниже Пазузу — в Лэнге очень четкая табель рангов. В-третьих, Темные боги, союзники Лэнга, — Дагон и Нергал. По рангу эти двое стоят ниже

Ктулху и Йог-Сотхотха, которые одновременно являются демонами и богами, но выше всех остальных.

Думаем, думаем... Так, ну меня, ясное дело, вычеркиваем — я-то этого точно не делал. А вот остальные... Ну, С'ньяк вряд ли. За последние несколько веков он ни разу не спустился со своей скалы и ни с кем не общался. Это очень могущественное божество — Инанна рядом с ним жалкая дилетантка. Возможно, Мардук Двуглавый Топор смог бы сразиться с ним наравне... Или кто-нибудь другой такого же уровня — Саваоф, Аллах... Только где же мне раздобыть такого бога?

Раздумья прервал слабый стон, донесшийся из-за двери. Я матюгнулся, вспомнив о другой проблеме, повесившейся мне на шею, и решил пока отложить эту чертову записку. В карман. В конце концов, если бы неизвестный враг хотел только уничтожить меня, он не стал бы предупреждать, а просто сообщил обо всем в главный штаб. Узнав мою тайну, Йог-Сотхотх разорвет несчастного ящера в мгновение ока...

Значит, сколько-то времени у меня еще есть.

Я вернулся в кабинет и ожидающе встал перед смрадным трупом, распластавшимся на ложе. Рядом торчала его голова — я насадил ее на шест, чтобы больше не потерялась. Само собой, разрешения спрашивать не стал... Впрочем, мой гость отнесся к этому безразлично.

— Ну что, очухался? — сурово спросил я. — Какого хрена ты сюда за явился? И не кровотошь так сильно — диван чистый, а ты его поганишь. Тебя зачем в целлофан заворачивали? Чтоб мебель не пачкал!

— Я... я... я...

— Ну ты хотя бы определился, кто ты такой? — терпеливо скрестил руки на груди я.

— Я Саккакх, — все еще с некоторой неуверенностью промямлил безголовый. — Саккакх... но в теле Троя. У меня теперь даже голос другой... И его душа тоже здесь... и тоже иногда вмешивается. Мысли путаются... Лаларту, если я вдруг начну вести себя странно... нет, лучше прямо сейчас — свяжи меня. Этот маг был очень сильным, а я за века во льду очень ослаб... В момент соединения мы были почти на одном уровне...

Я внимательно слушал, поддакивая и одновременно выполняя его просьбу — связывая его, да покрепче. Меня это вполне устраивает — я отнюдь не собираюсь позволять этому типу бродить где попало.

Выяснилось, что в момент смерти Иак Саккакх сумел-таки воспользоваться единственной оставшейся у него возможностью. Он покинул прежнее тело и стремглав бросился на поиски чего-нибудь другого более или менее подходящего. В другом месте мистер Креол просто перехватил бы его на полпути, но, к сожалению, в той пещере, обитой хладным железом, он даже не заметил этого побега.

К услугам Иак Саккакха была целая куча мертвых мордентов и Бат-Криллах-Меццкой-Некхре-Тайллин-Мо. Но он избрал Троя, рассчитывая воспользоваться могуществом мертвого мага. И, как оказалось, зря.

Увы, собственные силы отныне закрылись для Саккакха навсегда.

Он сумел сохранить жизнь... точнее, некое существование, отдаленно напоминающее жизнь. Но силу утратил. И божественную, и демоническую. Бог-демон Саккакх умер — вместо него родился некий призрак, слабая тень былого величия.

Да, теперь он обрел новое тело — тело Троя. Однако племянник Креола отнюдь не собирался в благодарность за воскрешение из мертвых немедленно передать это тело побратиму С'ньяка. И становиться слугой существа, поселившегося внутри него, тоже не желал. Две души, заключенные в одной емкости, немедленно начали беспощадную борьбу за господство. Первые сутки труп Троя так и оставался трупом, а Саккакх и Трой внутри него рвали друг другу глотки.

Но постепенно они достигли если не согласия, то, по крайней мере, перемирия. Вместе им удалось оживить то небольшое, в чем их вынудили ютиться, — они кое-как выползли из сундука и почти на две недели засели в подвале башни экзорцистов. Благо те, раздираемые собственными проблемами, совершенно позабыли об этом «морге».

Выходить наружу ни тот ни другой особо не стремились. Саккакх, как уже было упомянуто, усох до состояния бесплотной тени. Трой сохранил кое-какие умения, но весьма и весьма незначительные — его разум повредился, мозг, отделенный от туловища, функционировал с перебоями, он лишился всех магических инструментов и значительного объема памяти. Три четверти заклинаний он попросту забыл, а вспомнить их надежды не было — Кристалл Памяти, который он использовал вместо магической книги, исчез бесследно. Куда? Вероятно, один из экзорцистов под шумок сунул его в карман — эта штучка очень напоминала крупный изумруд.

В общем, Трой здорово скатился. Теперь он ни за что бы не решился выйти против Креола один на один — дядя растер бы его в пыль без малейшего труда. Да и Саккакх, отлично запомнивший холодные глаза архимага и алмазовое копьё, вонзающееся в переносицу, отнюдь не горел желанием продолжать знакомство. Поэтому они долгое время просто сидели в подвале, набираясь сил.

Постепенно им все-таки удалось кое-что поднакопить. Они поймали и сожрали послушника экзорцистов, случайно забредшего в «морг», потом схарчили еще парочку... хотя я ума не приложу, как это у них получалось — с отрубленной-то головой. Но, в общем, постепенно начали оживать.

Ну а одной прекрасной ночью рискнули выйти поохотиться в город. Креол в этот момент уже приближался к воротам Баан-диль-Ламмариха, так что его они могли не опасаться. Однако Зингенцефельд, попривыкший к самой разной нечисти, оказался крепким орешком. Первый же мальчишка, на которого напали «два в одном», не растерялся, выбил у них из рук голову и, пока они искали ее на мостовой, дал деру, оглушительно крича тревогу. Горожане стремительно закрылись на засовы и захлопнули ставни, а из немногих окон, оставшихся открытыми, высунулись арбалеты, заряженные серебром. Саккакх и Трой изрядно смутились. Когда же из-за поворота вылетел взмыленный конь с палладином в седле, они едва не развалились на кусочки от дикого ужаса.

Хорошо, что паладин не знал, что перед ним сам Близнец, — он пожертвовал бы жизнью, но насадил бы его на копьё! А так он действовал не слишком торопливо, посчитав безголового мертвяка обычным упырем и не восприняв его всерьез. Правда, когда в него ударило заклятие Молнии, он переменял свое мнение. Заклятие Серебряный Рыцарь отбил просто мечом — керфовые доспехи отлично исполняют роль громоотвода.

Саккакх/Трой все-таки сумел в последний момент улизнуть. Не ногами, ясное дело — попробуй-ка убеги на таких гнилушках! Да еще от конного! Использовали заклятие Побега.

После этого они еще целый месяц скитались по Каабару, без особого успеха нападая на мирных граждан и бегая от паладинов. У этих начался сезон охоты — в отсутствие Близнеца полчища нечисти изрядно поределели, новых больше не прибавлялось, так что Серебряные Рыцари буквально дрались за каждого некростера. Да и миряне здорово осмелели — по Каабару валом прокатилась новость о Четвертом Посланнике и победе над Близнецом, во всех городах гремели празднества, стремительно закладывались новые храмы и монастыри, возносились хвалы Пречистой Деве... Ну а нежить, ряды которой таяли с каждым днем, гоняли уже просто пинками.

Последней каплей для Саккакха/Троя стал случай, произошедший с ними буквально вчера. Они всю ночь прятались в деревенском колодце, ожидая, когда бабы придут за водой... и дождались в конце концов. Однако когда они оттуда выпрыгнули, бабы не только не испугались, но даже начали дубасить их коромыслами. А самая бойкая тетка еще и приговаривала: «А ну, вали отседова, мохрица вонюча! Шо, не слышал — бабку твою святой Хреол захолол! Нетуги его, хончилси! И ты за ним вали! А ну, пошел, хому хаварю!» В королевстве Чри говорят на кахальском, но произношение немного отличается.

Саккакх/Трой сбежал, скуля от злости и обиды. И очень торопливо — на бабы крики уже спешили встревоженные мужья, кое у кого в руках поблескивало серебро... Каабарцы истари привыкли иметь в доме хотя бы иголку из этого металла.

После случившегося «два в одном» окончательно решили драпать из этого мира. Только вот куда? Да, они могли без особого труда отыскать в бесконечной плейде миров укромный уголок и залечь там на пару веков, зализать раны и накопить сил. В принципе такой уголок вполне можно было найти и на Каабаре — та же самая пещера, где их обоих убили, в конце концов. Там до сих пор лежит прежнее тело Саккакха... а тело бога, даже Темного, слишком ценно, чтобы просто так им пренебрегать.

Но они предпочли драпануть сюда, в Лэнг. И не просто в Лэнг, а ко мне — точнее, к Лаларту. Насколько я понял, когда-то Иак Саккакх и Лаларту были очень дружны... настолько дружны, что он рассчитывал, что я помогу ему даже теперь. Правда, мне кажется, что великий предатель надеялся в первую очередь не на дружбу, а на бестолковость Лаларту.

— Ночь. Непогодь. Ливень. Квартира рабочего Иванова. Стук в

дверь. На пороге Ильич. Меня срочно накормить и спрятать! — задумчиво процитировал я, глядя в окно.

Саккакх, спокойно разлагающийся на ложе, не отреагировал на мой пассаж. Похоже, он впервые за почти два месяца слегка расслабился. Голова, торчавшая на шесте, прикрыла глаз и высунула язык. Да уж, выглядело это зрелище просто омерзительно... Но здесь, в Лэнге, к подобному быстро привыкаешь — тут почти все омерзительно.

— Рабан?.. — тихонько прикрыв за собой дверь, я вполголоса окликнул своего симбионта.

— Да, патрон?

— Предложения будут?

— Ну-у-у, патрон, что ж я тебе — универсальный советчик на все случаи жизни?

— Мне говорили, что да.

— Это кто ж тебе такое говорил?

— Ты.

Рабан слегка смутился. Он действительно неоднократно хвастался своими всеобъемлющими знаниями. Хотя советы обычно дает плохие — проще уж самому родить идею, чем ждать от него помощи.

Интересно, а что бы сказал по этому поводу Кальтенбруннер?

Но это уже из другой оперы.

А вообще — идея хорошая. В смысле — может, еще разок «Семнадцать мгновений» посмотреть? Плюсы очевидны. Во-первых, очень может быть, что я извлеку оттуда какую-нибудь подсказку — уже несколько раз извлекал. Во-вторых, не помешает освежить в памяти основы профессиональной разведки. Что поделаешь, учебников таких у меня нет, вот и приходится по беллетристике учиться... Тем более что Юлиан Семенов, говорят, написал очень жизненную книгу. Ну и в-третьих, мне просто нравится этот фильм, так почему бы не пересмотреть?

— Лаларту... — донесся слабый голос из оставленного мной кабинета. — Лаларту, помоги...

— Сейчас, сейчас... Шойгу уже спешит на помощь... — язвительно буркнул я, заходя внутрь.

Там все осталось так же, как пять минут назад. Связанное туловище на ложе, отрубленная голова на шесте.

— Что, голову почесать? — хмыкнул я. — Сам не дотягиваешься?

— Меня надо спрятать! — заскулил Саккакх. — Меня ищут и скоро найдут! Я не должен попадать к Йог-Сотхотху, он раздергает меня на части! Мою душу отдадут на терзание шогготам! Я не хочу!

— Угу. А где же это мне тебя спрятать...

Я поперхнулся на полуслове. В голову робко постучалась на редкость занятная мысль... Конечно же я ее впустил и радушно поприветствовал.

— Знаю я одно место... — очень добрым голосом сообщил я. — Я тебя там так спрячу — никто не найдет!

— Лаларту, ты настоящий друг... — облегченно вздохнул Саккакх.

После этого мозги у него опять раскиселились, и он выдал очередную порцию несусветной чуши. Все-таки хорошо, что Рабан знает свое

место, а то и я мог бы свихнуться, как этот... Вот кто он сейчас такой? Не бог, не демон, не человек, вместо мозгов каша...

— Игорь!

— Слушаю, хозяин. — На пороге возник горбатый уродец.

— Я отлучусь на пару дней. Знаешь, что делать?

— Конечно, хозяин! Если спросит Носящий Желтую Маску, вы у Ньярлатхотепа. Если спросит Ньярлатхотеп, вы у Нергала.

— А если спросит Нергал?

— А Нергал не спросит! — радостно откликнулся Игорь, уже выучивший мои инструкции наизусть. — Нергалу по барабану!

Конечно, мелкий демон понятия не имеет, как это что-то может быть «по барабану», — просто повторяет за мной как попугай. В Наг-Сотхе нет такого выражения. И в Ша-Ккине нет. И в Глубинном Наречии. И в Языке Мертвых. В Лэнге четыре основных языка... хотя Наг-Сотх — самый главный.

— Правильно, запомнил, хвалю, — похлопал его по сальной шевелюре я. — Что еще будешь делать, пока меня не будет?

— Охранять ворота. Не пускать гостей. Приглядывать за дьяволицами. Отгонять Бледных Призраков и Птиц Лэнга.

— И еще паутину вымети. Откуда ее так много набралось?

— Вы развели, — подобострастно ухмыльнулся Игорь. — Вы раньше пауков кушать любили... да чтоб пожирнее...

— Угу. Правда, что ли? Врешь, по-моему...

Уродец обиженно замотал головой.

— Ладно, верю. Но больше я пауков не люблю, так что вымети.

— А можно я их сам съем? — жалобно попросил Игорь.

— Да хоть в уши себе затолкай... Просто сделай так, чтоб я ее больше не видел, уи?

Горбатый дворецкий снова поклонился и выскочил за дверь, с ходу созывая дьяволиц — другой прислуги на верхних этажах нет. Оно и правильно, впрочем — представляю, если бы завтрак мне подавали Твари или эг-мумии... Так и стошнить может.

— Поднимайтесь, товарищ рабочий, пора доставить вас к вашей колхознице, — прокряхтел я, поднимая Саккакха на ноги и втыкая ему в обрубок шеи длинную шпиговальную иглу.

Думаете, я садист? Хрена вам, товарищи, я просто чрезвычайно находчив и сообразителен. Другой конец я воткнул в его одноглазую башку — а то она все время теряется. Ну не клеем же мне ее приклеивать?

Нет, я бы приклеил, но клея под рукой нету.

— А куда мы?.. — с трудом просипел Саккакх. — Что-то я себя плохо чувствую...

— Неудивительно. Ты же на куски разваливаешься... Может, тебя скотчем обмотать?

— Пфу-уф-фф... — невнятно буркнул бывший бог.

— Ну разве можно так за собой не следить? — неодобрительно прохрипел я. — У меня есть один знакомый мертвец — отлично выглядит, если не знать, что мертвый, ни за что не догадаешься...

— Что-то у меня в заднице как-то нехорошо... — обеспокоенно завертел кое-как прикрепленной башкой Саккакх.

— А что же там может быть хорошего? — удивился я. — Вставай, морда, будем тебя чинить... Давай, держи меня за руку — сейчас отправимся в желтый дом, там тебя встретят добрые внимательные санитары...

— А?..

— На! Руку давай, говорю! — рявкнул я. — Рабан, стартуй!

— Лиасса аллиасса алла и сссаа алла ассалла! Алиии! Эсе! Энке иллиалссаа оссса асса эллеасса оссо иииииии! Эссеееаааааа! Алаасса!

Пространство вокруг меня раздвоилось, изображения наложились друг на друга, а потом миры сменились. Вместо мрачного замка посреди мертвой равнины, освещаемой тусклыми красными лунами, я очутился в великолепном дворце, стоящем на хрустальном поле, со всех сторон окруженном садами удивительной красоты.

— Дорогая, я дома... — еле слышно прошептал я.

А вот Саккакх отнюдь не разделял моей радости. Он резко вырвал руку и дико завопил, ошалело оглядываясь по сторонам.

— Это... это... это ДЕВЯТЬ НЕБЕС?! — завизжал он. — Лаларту, ты предатель!!!

— Предать можно только своих, — раздался мягкий голос с лестницы. — А Олег Бритва никогда не был одним из вас.

Светловолосая красавица приятно улыбнулась мне, протягивая руку для поцелуя.

— Добро пожаловать домой, друг мой... — ласково коснулась моего плеча она.

ГЛАВА 3

Мы не так уж различны — вы и я.

Доктор Зло

Спустя час мы сидели за столом — леди Инанна на редкость гостеприимна и очень вкусно меня кормит. Сама она ничего не ела — ей кажется, что в процессе питания она выглядит менее привлекательно, чем обычно. Миледи, конечно, богиня, но кроме этого еще и женщина. В первую очередь женщина.

Саккакху никто ничего не предложил. Впрочем, его даже за стол не посадили — сейчас он покачивается рядом со столом, посаженный в какую-то специальную клетку для демонов. Вид у него не просто несчастный — он буквально излучает горе пополам со злобой.

— У вас хороший аппетит, друг мой, — слегка улыбнулась Инанна, наблюдая, как жадно я поглощаю поданные деликатесы. — Отрадно видеть, что вы по-прежнему в хорошей форме.

— Угу. Мг-м, ам-гм, чавк-чмак, аармммх.

— Прожуйте, Олег, — с легкой укоризной посмотрела на меня богиня. — Вот, возьмите еще тост. Джем будете?

Я попробовал тосты — масло было нежнейшим, корочка хрустела. Восхитительно. Как же я все-таки счастлив, что Рабан восстановил мне чувство вкуса — без него жизнь утрачивает много красок.

— Хорошее масло, — прокомментировал я, отправляя в пасть еще порцию. — А «Рама» боги едят?

— Нет, конечно... и плитусов не едим, — улынулась тому, что она посчитала шуткой, Инанна.

— Да нет, это из рекламы... Масло «Рама» — его там все боги уплетали... Особенно Афродита. Оно вроде как одновременно и вкусное, и полезное.

Инанна только пожала плечами. Ни один земной продукт не может сравниться с кухней богов. А полезность... боги не нуждаются в диетах и витаминах.

Между прочим, Афродита — это как раз одно из имен Инанны. Многие боги известны под несколькими именами. К примеру, Энлиля греки называли Посейдоном, а Нинхурсагу переименовали в Деметру. Инанну знают под именами Иннин, Нинанна, Иштар, Ишхара, Ашторет, Ануниту, Нанайя, Астарта, Атаргатис, Шавушка... И это еще только малая часть!

Конечно, наиболее известен именно эллинский вариант — Афродита. Но моя начальница всегда недолюбливала этот народ — очень уж они сократили ее полномочия. Да и вообще ей не нравится та эра в ее жизни — вспомнить хотя бы Троянскую войну, когда ее ранили в плечо. Увы, прекрасная богиня никогда не была хорошей воительницей...

— Позвольте уточнить еще раз, — приступила к делу Инанна, убедившись, что я наконец насытился. — Вы абсолютно уверены, что никто, кроме нас с вами, не знает, что Близнец... Иак Саккакх возродился к жизни?

— Еще я знаю... — вяло буркнул Саккакх.

— Сиди смирно и не вякай! — швырнул в него обглоданной костью я. — Твое место возле параша!

— Вяк, вяк, вяк, вяк, ВЯК!!! — истошно завопил обозленный бог... или демон?.. или все-таки человек?.. Ума не приложу, кто он теперь такой.

— Никто, миледи, — вернулся к прерванному разговору я. — Игорь его видел... это мой дворецкий... но он не знает, кто это такой.

— Это очень хорошо... — задумалась Инанна. Одновременно она посмотрелась в зеркальце — не испортила ли задумчивость ее прекрасные черты?

Саккакх что-то злобно бубнил на тему, как нам повезло, что он сейчас такой слабосильный, и что бы он сделал с нами, вернись к нему вдруг прежнее могущество. В принципе я это вполне представляю — появление здесь, в Хрустальных Чертогах, другого архидемона, не ущербного, сулило бы нам огромные неприятности. Конечно, тут он утратит значительную часть сил, однако далеко не все...

— Ну а теперь подумаем, что же с ним делать... — удовлетворенно обернулась к клетке богиня. — Ваши предложения, друг мой?

● Демоны
в Ватикане ●

Владыка всех лихорадок и бед, скалящийся Темный Ангел о Четырех Крылах, Рогатый, с гниющими чреслами, боль которых вынуждает Его выть через клыки над землями городов, посвященных Апххаллу, как на высоте Солнца, так и на высоте Луны; со смерчем и ветром, и очень способный чародей тот, кто сможет изгнать Пазузу, однажды вселившегося в человека, потому что вселение это приводит к смерти.

Некрономикон

И Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах.

Евангелие от Матфея

ГЛАВА 1

Что-то мне хреново в последнее время. Причем с каждым днем — все хреновее и хреновее.

Меня однозначно поймали. Поимели в самой что ни на есть циничной форме. Как ни глянь, не везет просто фатально. Наверное, высшие силы постоянно обо мне думают.

Очень плохо думают.

Но давайте все по порядку. А то у меня, чего доброго, мозги вскипят от перенапряжения.

Расстались мы на том, что я весьма ловко, как мне тогда казалось, разоблачил одного из архидемонов Лэнга — Пазузу. Этот здоровенный монстр с совино-черепашней мордой на протяжении тысячелетий благополучно косил под дурачка, притворяясь чемпионом мира по слабоумию. Выходило у него это на диво недурно — натренировался, надо полагать.

На самом же деле Пазузу оказался очень даже неглупым парнишкой. Раскрыл мою тайну и вздумал шантажировать, требуя помощи в побеге. Спросите, каком побеге? Тут дело в том, что, будучи уроженцем совсем другого Темного мира, он не испытывал особо теплых чувств к Лэнгу. Поэтому все это время вынашивал планы — как бы это ему хитриться и сделать ноги в какой-нибудь другой мир.

Уж не знаю, куда конкретно он планировал свалить... на Канары, может быть? Я бы на его месте свалил на Канары. Или в какое-нибудь другое место, где много солнца, моря, прохладительных коктейлей и загорелых девчонок в бикини. Да чтобы при этом от меня еще и не разбегались с воплями, как бывает обычно.

Знаю-знаю, у меня высокие запросы, но никто же не запрещает бедному ящхену чуточку помечтать?

В любом случае Пазузу достались совсем не Канары. Досталась ему Земля-1691. Я так называю этот мир, потому что он есть одно из множества отражений моего родного. В нашем секторе таких отражений довольно много. Почти каждый двадцатый мир — очередная копия старушки Земли. Почему так — не имею ни малейшего понятия.

Мироздание — штука сложная.

Конечно, эти копии — довольно условные копии. Вот хотя бы та же Земля-1691, на которую притащили нас с Пазузу. Год там, как нетрудно догадаться, 1691-й от Рождества Христова. Но планета выглядит малость по-другому, чем наша в аналогичную эпоху. Техническое развитие — по-прежнему позднее Средневековье. До сих пор не изобретены ни порох, ни книгопечатный станок.

Насчет компаса не уверен, не уточнял, но Америку точно пока еще не открыли. Зато до Австралии уже добрались, поэтому можно предположить, что тамошние мореходы по-прежнему плавают вдоль береговой линии, стараясь далеко от нее не удаляться. Поскольку на месте Суэцкого перешейка у них Суэцкий пролив (и довольно широкий), искать короткий путь в Индию не требовалось — куда уж короче-то?

И вообще карта мира там несколько другая, хотя общие очертания и похожие. Я, правда, видел только карту Европы, но отличий насчитал немало. Британия — не остров, а полуостров. Зато Испания — наоборот. Черное море — никакое не море, а огромное озеро на манер Каспийского. Ибо пролив Босфор отсутствует напрочь. Та же картина и с Балтийским морем — даже еще хуже.

Про политическую карту я вообще молчу. Совершенно иная расцветка. И мне, как патриоту, особенно обидно, что в этом мире нет России. Есть великое княжество Славия, но тамошние жители к русским отношения не имеют — так, отдаленные родственники.

А на месте Москвы вообще разместились земли гоблинов!

Да-да, я не оговорился. Именно гоблинов. В том мире человек — не единственный разумный вид. В одной только Европе преспокойненько живут гоблины и тролли, эльфы и цверги, огры и гномы...

И магия у них тоже присутствует, ага. Тамошняя христианская церковь не то чтобы ее одобряет, но уничтожить под корень пока что не стремится. Священники и маги худо-бедно ухитряются сосуществовать.

Кстати, Церковь там единая, без разделения на православие, католицизм, протестантизм и всякие малые конфессии и ереси. Их вариант наиболее близок именно к католицизму — с Папой Римским (правда, сам Рим здесь пару веков назад переименовали в Ромецию, да и располагается он немного не там, где у нас) и прочим. Но все же есть и определенные отличия — миры-то все-таки разные. Богослужение уже много лет ведется не только на латыни, но и на национальных языках.

Так, стоп. Это мы куда-то не туда заехали. На хрена это я здесь ввязался историю с географией преподавать? Нас на данный момент интере-

сует несколько иное — а именно, за каким хреном нас с Пазузу туда за-тащили.

Вообще-то тащили одного только меня. Магнус Рыжебородый, придворный волшебник королевства Дотембрия, пригласил меня... ну, по знакомству, если можно так выразиться. В Дотембрии я уже свой человек... демон. У меня там много знакомых, можно даже сказать — друзей. В самых высоких кругах, кстати. Тут тебе и принц Сигизмунд, и принцесса Лорена, и кардинал дю Шевуа...

Вот меня и пригласили — как бы в гости.

А Пазузу им достался попутно. Паровозиком, так сказать. На момент вызова мы с ним были крепко-накрепко сцеплены. Потому что дрались.

Это я так, на всякий случай уточняю. Для тех, кто не помнит.

Что было дальше? Дальше Пазузу сбежал. Он до сих пор принимает меня за Лаларту и полагает, что у меня есть все положенные архи-демону примочки. А тут еще и придворный волшебник мне малость подсобил — вот наш здоровенный демон и решил очкануть на всякий случай.

Однако если Пазузу узнает, что я никакой не Лаларту, а просто «китайская копия»... блин, мне уже заранее себя жалко. В обычном бою мы с ним более-менее на равных — он сильнее, зато я шустрее. Но если он поймет, что у меня нет папиных способностей... тогда пустит в ход магию. У архидемонов она страшно мощная. Правда, на других архидемонов почти не действует — между собой они дерутся когтями и зубами.

«Они»?.. Или все-таки «мы»?.. До сих пор не уверен в своем статусе. А после того, что сегодня случилось, — в особенности.

Но пардоньте муа, я ведь так и не рассказал, что же такого сегодня случилось. И вчера тоже. Ведь с момента разоблачения и побега Пазузу прошло уже несколько дней. И эти несколько дней...

Начнем с того, что в Дотембрии я первоначально задержался ненадолго. Собственно, вообще не задержался. Даже не успел спросить, зачем меня призвали. Точнее, спросил, но мистер Магнус замямлил, что это очень долго объяснять, что об этом лучше побеседовать в присутствии короля и кардинала...

Поэтому я задал еще только один вопрос — может ли это обождать пару дней? Мне ответили, что времени в запасе не вагон, но обождать два-три дня все же можно. Так что я извинился, попросил разрешения ненадолго отбыть, тут же его получил и быстренько переместился... на Девять Небес, к леди Инанне.

Прекрасная богиня выслушала мой рапорт, вежливо удивилась тому, что редиской оказался как раз тот, кого мы меньше всего подозревали, и выдала дальнейшие инструкции. Предельно простые — разыскать Пазузу и вломить ему.

А чтобы у меня был реальный шанс это сделать, Инанна пообещала специальное средство — персонально против Пазузу. Одно прикосновение — и демон... нет, не умрет. Богиня Добра и Света не убивает живых существ.

Меня она, правда, в свое время как раз убила, но тут ситуация совершенно иная. Вы же не станете привлекать к суду детского хирурга за то, что он, сволочь такая, потрошит ножом младенцев? Разницу понимать надо — лекарства редко бывают сладенькими.

Нет, Пазузу не умрет. Всего лишь будет заточен в магической клетке. Соответственно моя задача сводится к тому, чтобы исхитриться этой штукой до него дотронуться... но уж это-то я смогу.

Наверное.

Загвоздка в том, что Инанна Пазузу ни разу не видела. Или все-таки видела, но так давно, что уже напрочь забыла. А для создания такого оружия ей нужно хотя бы одним глазком взглянуть на ауру объекта. И это логично — как можно соорудить, скажем, волчий капкан, если даже не знаешь, как эти самые волки выглядят?

Однако лично с волком встречаться все же необязательно. Вот и Инанне не нужна личная встреча с Пазузу — достаточно образца ауры. А таковой образец заполучить не так уж сложно — он присутствует на любой частице тела, на фотографии, на оставленном следе, на личных вещах... вот на этом мы и решили остановиться. Фотографий и частиц тела Пазузу у меня нет, рыскать по Лэнгу в поисках следов, которые оставил персонально он, желанием не горю... но добыть какую-нибудь его вещьцу вполне реально.

И именно для этого я и нахожусь здесь — в Башне Пазузу. Точнее, пока еще рядом с ней — стою и жду, когда отпрут.

Многоколонный Ирем ничуть не изменился за несколько прошедших дней. Башни, бесчисленные башни куда ни кинь взгляд. И в каждой башне сидит демон или даже целая куча демонов. Есть частные дома, есть административные учреждения.

Есть и магазины — о, если вы никогда не посещали универмаг Ирема, вы не знаете жизни! Там можно приобрести практически все. Даже не представляете, какой океан всевозможного добра хранится на этих складах.

Только в продуктовый отдел лучше не заходить — с непривычки стошнить может. Деликатесы демонов — это не то, что может прийти по вкусу гурману человеческого рода.

Разве что особо искушенному.

Причем со склонностью к каннибализму.

И копрофагии тоже — там ведь и для маскимов есть отдел.

— Сухарики! Сладкие сухарики! — словно отвечая моим мыслям, прошел мимо маским-лоточник. — Сладкие сухарики со вкусом говна!

Не стану я это покупать, пожалуй.

А погода сегодня хорошая. По меркам Лэнга, конечно. Как всегда, сумрачно, холодно, дует леденящий ветер, а в небе светятся алые лунно-близнецы.

Все-таки интересно, что это такое? Помнится, Носящий Желтую Маску, когда разговор случайно коснулся этой темы, назвал их аркалами. Однако я так и не решился спросить, что такое «аркал». Потому что архидемон по идее и так должен это знать. Представьте, что к вам на

улице подходит прохожий и спрашивает — а что это у вас за желтый шар такой в небе болтается?

С каким лицом вы на него посмотрите?

А вдруг и вправду нечто вроде спутников, а?.. Может быть, даже искусственных. Ведь у Лэнга тоже есть определенного рода «космос» — только состоит он не из вакуума, а из чистой Тьмы. И где-то в этом бесконечном мраке размещены другие «спирали Мёбиуса», подобные Лэнгу. Другие «планеты». С настоящими планетами эти загадочные образования не имеют ничего общего, но надо же их как-то называть.

Скорее всего, они тоже населены демонами, только уже «инопланетными» — ничего не знающими ни о Кадафе, ни о Ктулху, ни о Мардуке с его печатями. Равно как жители альфы Центавра (если они существуют, конечно) даже не подозревают о нашей Земле и о тех, кто ее населяет. И мир наш они называют вовсе не Землей, а... хрен его знает, как они его называют. Брщбрыггруддык или как-нибудь наподобие.

Я бы туда с удовольствием заглянул... ну или на Марс хотя бы. Но вот те хрен — обломись, шестирукий урод. Все миры разделены на «подконтинуумы», и межмиренное перемещение идет между теми планетами или иными «сегментами», что соответствуют друг другу. Лэнгу соответствует планета Земля, планета Каабар, планета Рари и так далее. Между ними и путешествуем. А вот куда-нибудь на Луну слово энгаха не перенесет, хоть ты тресни.

Возможно, тут может помочь какая-нибудь другая магия, более мощная... но у меня к ней доступа нет.

Кстати, Девять Небес устроены почти так же, как Лэнг, только с другой «полярностью». Тамосный космос заполняет чистой Свет. И этих самых Небес там на самом деле вовсе не девять, а бесчисленное множество. А сгруппированы они в своеобразные созвездия по девять штук, отсюда и название.

Измерение Земля ведь тоже не ограничивается одной только планетой Земля. Просто все остальные звезды и галактики нам, землянам, пока что недоступны, а потому малоинтересны.

Полноценные миры именно тем и отличаются от анклавов, что простираются в бесконечность. Правда, не всегда во все стороны — Эйкр, например, бесконечен только в длину и ширину, а в высоту очень даже конечен. Никакого космоса там нет.

А если космос присутствует, то совсем не обязательно вакуумный, как у нас. В Темных мирах, как уже говорилось, пространство между «пузырями жизни» заполняет чистая Тьма. В Светлых, как тоже уже говорилось, эту роль играет чистый Свет. А еще это может быть какой-нибудь газ (был я в одном таком мире), жидкость, раскаленная плазма... Рядом с нашей Землей есть мир под названием Лабиринт — там «космос» твердый, из каменных пород. А в нем кое-где — циклопические полости размером с планету.

Представляете — путешествовать по космосу не в ракете, а пешком, с отбойным молотком наперевес?

Хотя и это меркнет рядом с одним миром, названия которого я не помню. Там космос заполнен... организмом. Прикиньте-ка сами — живой мир! Живое существо бесконечной размерности! У меня башка пухнет, когда я такое представляю — а я там был, видел собственными глазами!

А ведь встречаются даже более удивительные варианты...

Однако есть кое-что, что миры объединяет. Они все (ну хорошо, почти все) населены. Далеко не всегда людьми или хотя бы разумными существами, но кто-нибудь (а иногда — что-нибудь) живет везде. Наша многомерная Мета вселенная буквально кишит жизнью.

И ничего удивительного — ведь вселенные и их планеты рождаются не сами по себе. Их создают Боги. Боги такие могущественные, что миледи Инанна рядом с ними выглядит маленькой скромной девочкой, а Ктулху — просто головастик в лужице. И создают они их не просто так, а для определенных целей. Чаще всего — чтобы населить «квартирантами».

Наша Земля, например, затачивалась специально под человекоподобных существ и сопутствующую экосистему. Случайно такие комфортные условия сложиться бы не смогли — только путем целенаправленного конструирования.

А вы думали, вселенные тупо начинаются с Большого Взрыва? Ага, наслушались детских сказок...

Дверь наконец-то распахнулась. Я задумчиво уставился на узловатый пупок. Поднял взгляд повыше и пробормотал:

— Ох и ни хрена ж себе ты вымахал, маленький Пятачок...

Четырехметровый демон с кабаньей мордой грозно хрюкнул. Меня передернуло — с жировых складок на брюхе капает сало пополам с вонючим потом. Хорошо, что я не чувствую запахов.

Запахов-то я не чувствую, зато зрение у меня — завидуйте, человекообразные! Я, если не успели забыть, ящхен. То есть довольно-таки жуткая тварь о шести руках. На каждой руке по семи пальцев, в каждом пальце — длиннющий коготь с мономолекулярным лезвием. Режет даже сталь и бетон. А еще у меня двухметровый хлыстообразный хвост с ядовитым жалом. И пара крыльев. И дугообразный гребень на макушке. А голова намертво сращена с туловищем — головогрудь, как у пауков.

И глаз у меня тоже три. Вот вы никогда не задумывались — а как должен видеть окружающий мир тот, у кого целых три глаза? Нелегко представить, верно? Вот на место циклопа или иного одноглазого монстра поставить себя проще простого — зажмурь одну гляделку, да и дело с концом. А на мое место сможете?..

Так вот, три глаза — это следующий уровень, качественно превосходящий обычную двуглазость. Так же, как два глаза качественно превосходят один. Изображения, получаемые правым и левым глазом, очень близки, но все же не одинаковы. Картинка чуть-чуть иная, и как раз эти различия дают человеку возможность видеть все вокруг рельефным, а не плоским, как на фотографии. А если добавить еще и третье изобра-

жение... тогда картина станет свехрельефной, приобретет необычайную глубину и детальность.

Именно так все вокруг вижу я. Человеку такого не добиться.

— Хозяин дома? — вежливо спросил я.

Я отлично знаю, что Пазузу дома нет. Его и в Лэнге-то сейчас нет. Он сейчас на Земле-1691, и я боюсь даже думать, что он там сейчас творит. Но спросить-то я должен, верно?

— Бургурурук! — угрожающе хрюкнул свинтус. — Харрыза!

— А если на наг-сотхе?

— Хроазяин драма эту! — с трудом прорычал демон.

— Дома нету, говоришь? — Я пошкрябал когтями бок. — Ну тогда подожду, пока вернется. Возражений нет?

— Гы-ы-ы-ы...

— Возражений нет.

Пазузу много веков весьма удачно притворялся дебилом. А вот его слуги, думаю, не притворяются. Если у этих здоровенных свинтусов и есть мозг, то разве что костный.

Исключение — старшая повариха, тетушка Нукхзе. Вот с этой матроной-свиноматкой мне встречаться совсем не хочется — она отлично говорит на Наг-Сотхе, все время скандалит и ни перед кем не робеет.

Полагаю, она и самому Йог-Сотхотху не постесняется врезать половником.

По крайней мере, с этими уродами можно больше не церемониться. Хозяин башни в ближайшие часы не вернется. А если все пройдет гладко — вообще никогда не вернется.

Значит, я могу спокойно нашинковать в капусту хоть всех его слуг — и ничего мне за это не будет.

Отодвинув привратника и войдя внутрь, я запоздало вспомнил, что мог просто влететь в окно. Как, собственно, делает сам Пазузу — на кой хрен двери летучему существу? Но я все еще иногда забываю, что у меня за спиной болтается эта байда с перепонками — родился-то я человеком и человеком прожил большую часть жизни. Старые привычки так легко не умирают.

В башне Пазузу темно. Очень темно. Вдоль стен висят тускло чадающие глиняные светильники, вот тебе и все освещение. Правда, мне-то свет не особо и нужен — в темноте я вижу получше любой кошки. Как и большинство демонов.

Хотя я не демон.

Стены покрыты старыми-престарыми фресками. Во дворцах и башнях Лэнга такие встречаются очень часто — это своего рода летописи. Если ухитриться разыскать их все, а потом еще и расположить в хронологическом порядке, то получишь полную историю этого мира.

Вот, например, события, запечатленные на стенах башни Пазузу, возвращают к далеким, очень далеким временам. Все это происходило многие десятки тысяч лет назад — задолго до войны с Мардуком.

В те времена Лэнг еще населяли настоящие Древние, а не их выродившиеся потомки, как сейчас. Да и сам Лэнг был совершенно другим. Он еще не был Темным миром... точнее, он вообще не был ЭТИМ ми-

ром. В ту глубочайшую эпоху нынешний Лэнг находился где-то в другом измерении... не исключаю даже, что на нашей Земле или где-то рядом.

Но потом... потом Древние во главе со С'ньяком сделали то, что сделали. Понятия не имею, как у них это получилось и зачем понадобилось, но они вырвали кусок... мм... планеты?.. Пусть планеты. Вырвали кусок планеты размером с Африку и перенесли сюда, в это жуткое измерение. Сделали частью вечной Тьмы.

Не знаю, как данный Темный мир называли до этого, но с тех пор его называют Лэнгом. И только на фресках еще можно увидеть, каким был Лэнг до того, как стать частью Темного мира. До того, как его жители стали демонами.

Впрочем, судя по все тем же фрескам, они и раньше не были топ-моделями. Рогатые, хвостатые, когтистые... Люди-жабы, люди-пауки...

А вот эти твари сильно смахивают на меня, Лаларту и Лалассу. Когда-то таких было множество, великое множество. Целые полчища яцхенов. Мы, яцхены, — существа древние и хтонические. В глубокой древности подобные нам населяли долину Анот и были чем-то вроде приграничных войск Лэнга. Царя наших далеких предков звали Ноденсом — кошмарный яцхен ослепительно-белого цвета. Шипастая корона росла у него прямо из головы, как у меня дугообразный гребень.

Но потом... потом почти все яцхены исчезли. Куда-то. Я не знаю, что с ними стало. Уцелели только Лаларту и Лалассу — и не просто уцелели, но и «получили повышение», из рядовых демонов-боевиков став архидемонами.

Как им удалось?.. Этого я тоже не знаю. Возможно, Йог-Сотхотх решил сделать ребятам подарочек. Возможно, в них двоих воплотилась мощь исчезнувшего народа яцхенов. Возможно, они каким-то образом унаследовали могущество прежнего архидемона-яцхена — царя Ноденса. Тот, кстати, в плане способностей как раз примерно соответствовал Лаларту и Лалассу, вместе взятым. Да к тому же приходился им родным дедушкой.

А мне соответственно прадедушкой.

Фиг разберешься, короче. Вполне может статься, что обо всем об этом рассказывается еще на какой-нибудь фреске — но где же мне ее искать?

По соседству нарисован уже другой эпизод истории Лэнга — приземление космического корабля. Да, я не оговорился, именно корабля. Древние много и часто путешествовали меж звездами. А потом, перебравшись в другое измерение, создали новые корабли — чтобы бороздить уже местный «космос». Обычные звездолеты тут не годятся — чистая Тьма буквальным образом пожирает любую привычную нам материю.

Корабли Древних... жутковато они выглядели, надо сказать. Этакие огромные галеры цвета беззвездной ночи — только их «весла» загребали не воду, а Тьму, неся своих хозяев по бездонным просторам Лэнга. А также в другие миры — на этих «галерах» можно было путешествовать сразу в нескольких измерениях.

Сейчас таких не осталось — исчезли вместе с Древними. Самые последние были уничтожены во время войны с Мардуком. Технологии утрачены, и возрождать их никто не чешется.

— Рабан, ты здесь?

— А ты сам-то как думаешь, патрон? — проворчал мозговой паразит.

— И правда — куда ты с подводной лодки денешься? — хмыкнул я.

Рабан — это моя личная шизофрения, если можно так выразиться. Такое крохотное существо — мозговой полип керанке. Спокойно живет где-то у меня в мозгах, паразитирует себе.

Правда, за квартиру он все-таки платит — не позволяет врагам читать мои мысли, снабжает полезной информацией и еще кое-чего по мелочи. А главное — не дает мне самоуничтожиться. Дело в том, что тело-то у меня яцхена, а вот мозг человеческий. И друг с другом они не очень контактат — ядовитая кровь, все такое. Если бы не этот мозговой полип, я бы уже давно содох. Как бракованный трактор.

А еще именно Рабан перебрасывает меня между мирами. Он когда-то жил в голове у одного профессионального путешественника по Осям мироздания — некоего Волдреса. Что там с ним произошло и как вышло, что в конце концов Рабан переместился ко мне в черепашку, рассказывать слишком долго. И лениво.

Конечно, это не сильно здорово — постоянно слышать в голове чей-то голос. Для меня побыть наедине с самим собой — непозволительная роскошь.

Точнее, совершенно невозможная.

Хотя если вдуматься, мне это не особо-то и нужно. Пригласить на свидание девушку я и без того не сумею — только законченная извращенка клонет на кавалера с шестью руками и харей монстра из ужастика.

Правда, еще Рабан слышит все мои мысли. И это тоже не шибко приятно — мало ли о чем я там думаю? Вы вот свои мысли всегда контролируете? Нет-нет да и забредет в голову что-нибудь такое, о чем даже на исповеди не скажешь. А Рабан все слышит и запоминает, сволочь такая. У этого гада абсолютная память.

Но с другой стороны — рассказать-то он точно никому не расскажет. Его голос слышу только я... ну за парой редких исключений. Он мои мысли слышит, но сам не передает — посылает звуковые сигналы прямо во внутреннее ухо.

Я толком не понимаю, как вся эта анатомическая байда устроена. Да и не особо рвусь понимать — оно мне надо? Я яцхен простой, мне все пофиг. Жив-здоров — и на том спасибо. На Канары бы еще съездить неплохо, на пляже пожариться недельку-другую — но такое счастье мне недоступно.

Хотя в некоторых мирах есть курорты, что обслуживают и демонов. Лишь бы башлять не забывали...

Есть хочется. Опять есть хочется. Как, впрочем, большую часть жизни. Тело яцхена потребляет бешеную прорву энергии. Лишите меня продовольствия — уже на второй день откину копыта. Скорее всего. Проверять как-то не особо хочется.

Вообще-то формально я архидемон. А эти твари могут ничего не есть годами... даже веками. У них такой обмен веществ, что нашим биологам и не снилось. Демоны вообще не вписываются в стройную систему Карла Линнея — тут нужен кардинально другой подход.

Но как раз в том-то и проблема, что архидемон я исключительно формально. У меня нет никакой демонической силы. До недавних пор я полагал, что она уже пробудилась, самонадеянно считал себя самым настоящим архидемоном... но потом осознал, сколь глубоко ошибался. Слегка возросшие сила, скорость и острота когтей — это еще не демоническая сила. Это так, обычное взросление. Как пробивающаяся борода у подростка.

Возможно, со временем появится и настоящая, но пока что, повторяю, ничего нет. Аура точно соответствует батьке Лаларту — спасибо миледи Инанне, — но это полностью фальшивая аура. Я очень живучий ящбен, однако убить меня все-таки относительно несложно. Хорошая бомба или заклинание оставят меня мокрым местом.

А полноценный архидемон даже не прочищается. Такая тварь выживает и в эпицентре ядерного взрыва, и в недрах звезды, и вообще где угодно. Правда, Лаларту я кокнул просто миксером из когтей, но тут уже заслуга не моя, а Хрустальных Чертогов миледи Инанны. Там, в средоточии божественного Света, батяня лишился львиной доли демонической силы и стал просто опасным, но уязвимым чудовищем.

Таким же, как я сам.

За мной опасно наблюдают. Слуги Пазузу подглядывают изо всех щелей, явно не понимая — чего это Лаларту зачастил к ним в гости? Мой сверхчуткий слух уже уловил несколько фраз типа «опять приперся пожрать на халяву...».

Халявную жратву я люблю, кстати. Потому что жру очень много. А зарплату выплачивают крайне нерегулярно. Вот и приходится перебиваться по принципу: что нашел, то и съел. Ничего не нашел — ходи голодным. А иногда, бывает, находишь нечто такое, что само готово тебя съесть.

Это самый худший вариант, естественно.

Я даже где-то понимаю настоящих демонов, жрущих все, что попадает под лапу, включая собственных детей. Если их тоже терзает неутолимый голод, то неудивительно, что они такие злобные по жизни.

К тому же демон с моральными принципами — это все равно что тигр-вегетарианец. Может, где-то и есть такое чудо, но я не встречал.

— Чего пялитесь, дети кунсткамеры? — проворчал я, косясь на выглядывающих из-за угла уродов. Ну и рожи...

Уроды вздрогнули, выкатываясь на открытое пространство. Блин, а ведь я ошибся — это не уроды. Это урод. Один. Только с несколькими головами. Тварь Кадафа — нечто вроде шоггота, только вполне разумное.

Я недавно двух таких замочил. Это не полноценные демоны, а только надзиратели, поэтому мочить их относительно легко, они не бессмертны. Гранатома вполне достаточно... а вот пулемет, пожалуй, не справится. Надсмотрщики Лэнга изрядно уступают своим госпо-

дам-демонам, но недооценивать их все равно не стоит. Те же утку по моци примерно соответствуют боевым вертолетам и танкам.

Личная вещь Пазузу, личная вещь Пазузу... Что-то пока ничего подходящего не попадает. Ауры-то я видеть не умею, а без этого нелегко определить, Пазузу из данной кружки пил или какой-нибудь мелкий демон-туберкулезник.

Правда, у меня зато есть чувство Направления... О, кстати! Только сейчас пришло в голову — если у меня будет личная вещь Пазузу, то я и разыскать его сумею без проблем... или не сумею? В принципе для Направления достаточно знать, как объект выглядит, но срабатывает это не всегда. Мистер Креол, например, в Направлении был глухо невидим — кто бы знал, как я замаялся шариться за ним по всему Рари! Леди Инанна тоже хороша — главное, послать гонца, а дальше он сам разберется...

Хотя на то они и боги, если вдуматься. Начальство не работает, оно распоряжается.

А боги — это самое главное начальство.

Ладно, с Пазузу и Направлением разберемся, когда до этого дойдет. Сейчас нужно все-таки надыбать что-нибудь вроде зубной щетки или наручных часов. На худой конец и мышка компьютерная сойдет... опаньки?... И вправду — мышка. А к ней прицеплен остальной компьютер. Интересно, откуда у Пазузу такое богатство?

Хотя чего я спрашиваю? Энгахи, конечно. Контрабандный товарец. Причем явно с нашей родной Земли — очень уж знакомо выглядит. Не новая модель, но все же и не полное старье. На четырнадцатидюймовом мониторе написано «SAMSUNG».

А вот интересно, что там внутри? Не напихал ли Пазузу на жесткий диск каких-нибудь секретных файлов? Или у него там демонская порнушка? Даже не знаю, что интереснее...

Нет, нету ни того, ни другого. Жестокое разочарование. Винт на десять гигов — и пусто, как в голове депутата. Всего-то и есть, что компьютерная игра «Diablo». Никогда про такую не слышал.

Компьютерные игры — развлечение для идиотов. Таких, как Пазузу.

— Хорошая игра, кстати! — подал голос Рабан. — Мы с Волдресом в нее играли... до конца не прошли, правда. Там в конце сложно.

— Вам что, больше заняться было нечем? — пожал плечами я, выключая хренов ящик.

— Нечем. Мы там вынужденно зависли дней на десять — ждали, пока... ну это долго рассказывать.

— Последней серии «Санта-Барбары», что ли? — хмыкнул я. — Ходит издревле на Руси предание, что, как закончится «Санта-Барбара», тут и белому свету конец...

— Правда? — удивился Рабан.

— Нет. Это я сам только что выдумал. Но не удивлюсь, если правда.

Я оттопырил указательный палец на верхней правой руке, и из пазухи выскочил длиннющий коготь. У меня и сами пальцы довольно длинные, но когти еще длиннее — ровно вдвое длиннее. И эти когти —

воистину страшное оружие. Настоящие мономолекуляры, способные резать сталь и бетон легче, чем папиросную бумагу.

Им не хватает демонической мощи Лаларту — мой батя, по слухам, мог просто указать на человека пальцем, и тот распался надвое — но это все равно кошмарные когти. Особенно в сочетании с моей скоростью, реакцией и костно-рогово-хитиново-карапаксной броней, выдерживающей самые ужасные атаки.

За последний год по мне проезжал поезд, меня заживо съедал дракон, меня расплющивало в лепешку и поджаривало в адском пламени. Я бывал в открытом космосе без скафандра и нырял в серную кислоту. Я сбился со счета, сколько уже раз мои крылья разрывались в клочья. Мне много раз было хреново — очень, ну просто очень хреново! — но я всегда каким-то чудом выживал.

И собираюсь продолжать в том же духе.

Выпущенным огнем я перерезал провод, суя компьютерную мышку в карман брюк. Или не брюк. Не знаю точно, как эта штука называется. Нормальная человеческая одежда странно на мне смотрится, поэтому обычно я ограничиваюсь штанами. Однако при моем образе жизни их приходится часто менять. Вот эти, которые на мне сейчас, я взял займы у мистера Магнуса. Штаны и штаны. Непривычного покроя, ну да и хрен с ними.

Надеюсь, леди Инанне хватит этого железного грызуна. По идее — очень даже личная вещь, помнящая, как говорится, тепло хозяйской ладони. Или Пазузу холоднокровный?.. Хрен его знает.

А вот интересно, как этот громила умудрялся пользоваться стандартным человеческим компьютером? При его-то размерах! Жутко неудобно, должно быть...

Хотя кто их, демонов, знает — вдруг он умел и уменьшаться при необходимости? Архидемон все-таки. Архидемоны много чего умеют.

— Я ухожу! — крикнул я, распахивая дверь пинком. — Пока, уроды!

— Это ты мне? — послышалось сухое шелестение.

Не было печали, черти накачали. По телу пробежал холодок — люблю я вот таких вот неожиданных встреч.

Особенно с этим жутким типом в желтой маске.

ГЛАВА 2

Носящий Желтую Маску — Жрец Древних. Верховный Жрец Древних. Местный первосвященник. А заодно и «серый кардинал». Я понятия не имею, кто он такой, откуда взялся и как выглядит под этой маской. Я даже его имени настоящего не знаю.

И никто не знает.

Честно говоря, Носящего Желтую Маску я чутка побаиваюсь. С остальными мне как-то проще. Ньярлатхотеп хоть и страшный, как атомная война, но мужик в принципе свойский, с ним есть о чем побазарить. Шаб-Ниггурат — просто психованный кровожадный козлина с мозгами прапорщика. Простой и понятный, как советский гривенник.

А вот Носящий Желтую Маску... Его я никогда не мог понять. Уж не знаю, что за мысли бродят за этой маской, но явно ничего хорошего. Жрец Древних постоянно себе на уме, с ним держи ухо востро.

Правда, ушей у меня как раз нет.

— Не ожидал тебя здесь встретить, Лаларту, — прошелестел Носящий Желтую Маску. — Что ты здесь делаешь?

— Да так, — мрачно прохрипел я. — Решил вот к корешу в гости за-
скочить.

— К Пазузу?

— Угу. А что, нельзя?

— Отчего же, можно... Кстати, он дома? Мне нужно с ним кое о чем побеседовать.

— Нету. Не застал я его. Смылся куда-то.

— Понятно...

Носящий Желтую Маску на несколько секунд замолчал. Я тоже ничего не говорю — только сверлю его настороженным взглядом. Жрец Древних объявился в башне Пазузу почти одновременно со мной. Очень подозрительное совпадение.

И интересно, чего это ему от Пазузу понадобилось? Поскольку нашего громилу в Лэнге считают полным дегенератом, его редко тревожат. Сидит себе в своей башне — и пускай сидит.

— Ладно, раз Пазузу я не застал, побеседуем с тобой, — чуть слышно прошептал Носящий Желтую Маску. — Я давно хотел с тобой побеседовать, но все откладывал... Надеюсь, ты не возражаешь, Лаларту?

Я возражаю. Я еще как возражаю. Мне совсем не улыбается попасть на допрос к этой твари. Потому что я не строю иллюзий насчет своих конспираторских способностей. Хреновый я конспиратор, честно говоря. Не учили меня этому. Да и природных способностей нема. Так уж нема, что дальше некуда.

Но отказываться нельзя.

Хотя настоящий Лаларту как раз отказался бы. Скорее всего. Просто послал бы Носящего Желтую Маску куда подальше.

Эти два брата-акробата — Лаларту и Лалассу — самые долбанутые чуваки во всем Лэнге. Этакие шестирукие Бивис и Батхед. По сравнению с большинством прочих архидемонов — совсем еще зеленая молодежь, пацаны. Демонические силы довольно маленькие. Резать и рвать, гадить и жрать — вот все их таланты. Всерьез их не воспринимали, ничего сколько-нибудь важного не поручали. Отправляли на самые мало-значительные задания: справится — хорошо, провалит — потеря невелика.

Еще хуже репутация разве что у Пазузу. Но Пазузу вообще особый кадр.

Я надеялся, что Носящий Желтую Маску захочет провести политбеседу прямо здесь, в башне Пазузу. Но он вежливо попросил сопроводить его в Храм Ночи. Козел. Только у меня сейчас и дел — бегать за ним вприпрыжку.

К тому же он даже не предложил провести туда кратчайшим путем. Носящий Желтую Маску способен мгновенно переместиться в любую

точку Лэнга. Поэтому к себе в гости приглашает редко — обычно сам заглядывает на огонек. Всегда неожиданно, без всякого предупреждения.

Хуже Берии, честное слово.

Хорошо ему, конечно. Никаких телефонов не нужно. Пришло на ум, что давненько не портил настроение Лаларту... и хоп — уже стоит в замке Лаларту. В моем то есть. Или все-таки не моем. Хрен его знает.

Не уверен, может ли он таким образом брать попутчиков. Наверное, может. Но не хочет. Во всяком случае я ни разу не видел, чтобы Носящий Желтую Маску перемещал кого-нибудь, кроме себя самого. Да и в Храм Ночи он редко кого-нибудь приглашает... хотя про это я уже говорил.

— Слышь, шизофрения, ты хотя бы комментируй, когда я всякую хрень думать начинаю, — недовольно проворчал я.

— Не могу, патрон, — с готовностью отозвался Рабан.

— Это почему?

— А ты, кроме всякой хрени, ни о чем и не думаешь.

— Выцарапать бы тебя из черепа, да ведь сам при этом сдохну...

— Точно. Ты об этом не забывай.

До Храма Ночи мне в итоге пришлось добираться своим ходом. А это не так-то близко, между прочим. Город Ирем, в котором расположена Башня Пазузу, находится на востоке Лэнга. Ониксовый Замок Кадаф — точно в центре. А Храм Ночи где-то между ними. Ближе к Кадафу, чем к Ирему, но не намного. Километров двести пятьдесят, а то и триста. Я не мерил.

Скорость у меня хорошая. Четыреста километров в час делаю без проблем. До сверхзвукового истребителя, конечно, далеко, но я все-таки не на авиационном топливе работаю.

Для живого существа это и без того чрезвычайно много — в земной фауне таких скороходов нету, можете проверить. Мировой рекорд у сокола-сапсана — сто восемьдесят пять километров в час. И то лишь в пикирующем полете. Нехилая такая разница.

Лэнг. Мир демонов. Таких пейзажей, как здесь, на нашей Земле не встретишь. Пылающие вулканы, длиннющие пики голубого льда... они здесь отлично соседствуют. Вулканический пепел вполне нормально сочетается с медленно падающим снегом. В воздухе, а потом и на земле образуется довольно необычная смесь — снегопепл. Или попросту грязь.

Возможно, что-то похожее можно увидеть зимой в Исландии, среди извергающихся вулканов. Сам я там не бывал, так что судить не берусь.

Долина Инкванок. Житница Лэнга. Здесь, в ее северной области, и расположен Храм Ночи. Все как обычно, за прошедшие дни ничего не изменилось. Я тут бывал пару раз, пакостил по мелочам. Больше от скуки. Местная охрана меня не трогала — нет у них прав таких, архидемонов трогать.

Носящий Желтую Маску встретил меня неприветливо. Ему-то хорошо — он просто подумал, куда ему нужно, и уже там. А я целый час крыльями махал, как проклятый. И этот гад еще недоволен, что я, видите ли, заставил его ждать.

Храм Ночи ничуть не похож на святилища земных культов. Барельефы на стенах выглядят так, словно мазюкал обдолбавшийся Сальвадор Дали. В полу огромная дырища, рядом с которой вытянулись в линию шесть окровавленных алтарей. Говорят, эта дыра достигает самых недр Лэнга — Подземья, где бродят жуткие слепые чудовища и живут омерзительные Йаг и Абхот. Тоже архидемоны, между прочим, причем не самые хилые.

А еще там покоится Демон-Червь размером с небольшой материк.

Мертвая тишина Храма Ночи нарушается лишь легким шорохом шелковых одеяний. Беспросветно черные сутаны жрецов Древних — подчиненных Жреца Древних. Носящего Желтую Маску. Они тоже демоны — жуткие, могучие и довольно многочисленные демоны.

Тел у них нет совсем — лишь клубящийся мрак, заполняющий жреческие сутаны. Одно прикосновение этого демонического дыма превращает человека в иссушенную мумию, вытягивает жизнь в считанные мгновения.

Вдобавок еще и страшное ментальное давление — смертному нельзя даже смотреть на жрецов Древних. Раз взглянешь — и накатит такой ужас, что несколько дней будешь биться в истерике, пуская слюни. Многие потом на всю жизнь оставались буйными психопатами или напроць теряли память.

И это при том, что самих жрецов невозможно убить обычными способами. Как убить того, у кого нет тела?

Носятся ребята по храму, суетсяя. Перекладывают туда-сюда глиняные таблички. В Лэнге неделю назад закончились выборы — до сих пор голоса подсчитывают.

Нет, я не пошутил. В Лэнге действительно каждый год проводятся выборы. Причем я понятия не имею, кого именно они выбирают. Не президента, это точно. Кого-то. Просто выдают всем на рыло по бюллетеню — голосуй, электорат.

Кандидат каждый раз один-единственный — Ктулху. Его каждый раз и переизбирают. Он вообще пользуется популярностью в народе.

Зачем вся эта фантазмагория нужна? Не имею представления. Так уж повелось испокон веков — каждый год выбирать Ктулху в... повторяю, я ума не приложу, на какой пост его выдвигают. И что за смысл вносить в бюллетень кандидата, который беспробудно спит на дне океана.

Особенно если никаких других кандидатов нет и не предвидится.

Какие-то культурные особенности, полагаю. В каждой избушке свои погрешности. Может, это у них перепись населения так оформлена. Или неким загадочным способом проверяют лояльность. Не знаю, в общем. Баллотируется Ктулху куда-то там — ну и пускай себе баллотируется. Мне-то какое дело?

— Вы опять забыли проголосовать, господин Лаларту? — укоризненно прошелестел один из жрецов.

— У меня открепительное, — машинально ответил я, стараясь не смотреть, как мой визави клубится под своим капюшоном. Даже мне не по себе от этого демонического дыма.

Отмахиваясь от жрецов, я двинулся вперед, к каменному помосту. Носящий Желтую Маску восседает в самом его центре, на золотом троне. Пялится так, словно я у него последнюю сигарету стрельнул.

Хотя на самом деле это просто мои домыслы — попробуй-ка рассмотри его глаза под этой маской.

Подойдя поближе, я остановился, настороженно зыря по сторонам. Не нравится мне здесь. В Лэнге везде зловещая атмосфера, но здесь — особенно. Даже Ониксовый Кадаф проигрывает Храму Ночи в умении нагнетать ужас.

Вот рядом с тронном стоит мраморная шахматная доска на тоненькой колонне. Пешки и фигуры выточены из человеческой кости, и в каждую вселена человеческая душа. В момент гибели они каждый раз испытывают адские мучения — словно заживо сдирают кожу. Партия всегда сопровождается агонизирующими криками.

На общем фоне — мелочь, но показательная.

— Ну что ж, Лаларту, вот и пришло нам время поговорить с глазу на глаз, — чуть слышно прошелестел Жрец Древних. — О жизни, о смерти, о судьбе и предназначении... обо всем.

— Угу, — мрачно ответил я. — А пиво с раками будет?

— Будет. Но попозже. А пока не соблаговолишь ли ты ответить на несколько очень простых вопросов?

— Всегда готов.

Сказав это, я с неудовольствием подумал, что пиво с раками как раз бы не помешало. Или любая другая еда.

Еда, еда, еда. Жрать хочу. Ужасно хочу жрать. Просто ужасно. У меня бешеный метаболизм, поэтому и аппетит просто зверский.

Может, отрезать и съесть собственную руку? У меня их целых шесть, да и отрастают заново они довольно быстро — хорошая регенерация.

Интересно, каков я на вкус?

— Как твое имя? — перебил мысли Носящий Желтую Маску. Похоже, решил провести полное анкетирование по всем пунктам.

— Лаларту с утра был, — пожал плечами я. — Что, дедуль, склероз замучил?

— Возраст?

— Давно со счету сбился.

— Общественный статус?

— Спасибо, не жалеюсь.

— Семейное положение?

— Одинокий.

— Уровень благосостояния?

— Как у Христа за пазухой.

Носящий Желтую Маску чуть заметно дернулся. Я в очередной раз лопухнулся, угу. Мог бы и запомнить уже, что из демона такую фразу клещами не вырвешь. Ему даже слышать подобное неприятно.

— Ты всегда был несколько несдержан, Лаларту, — прошептал Носящий Желтую Маску. — Но сейчас я прошу тебя хотя бы в храме

воздержаться от упоминания... нежелательных имен. Ни к чему это здесь.

— Как скажете, группенфюрер, — мрачно ответил я.

Носящий Желтую Маску уставился на меня немигающим взглядом. Мне показалось или прорези маски в самом деле блеснули синим светом? Что бы это могло означать?

— С тобой всегда было особенно трудно, Лаларту, — помолчав, заговорил снова Жрец Древних. — Я никогда не мог до конца понять тебя. Твой младший брат проще и понятнее — ему не нужно ничего, кроме улады для чрева и чресел. Со стороны может показаться, что и тебе тоже. Но это не так. Скажи мне, как ты добился разницы Аль-Дим в мухкбелле?

Я сделал рожу «ничего не знаю, ничего не помню, дневник съела собака, идите все на хрен». Получилось плохо — ну хреново у меня с лицевыми мускулами, непереносимо хреново!

По-моему, их вообще нету. Выражений лица у меня всего два — пугающе-спокойное и кошмарно-яростное. Отличаются только тем, закрыт ли рот или открыт.

— Так что скажешь, Лаларту? — так и не дождался ответа Носящий Желтую Маску.

— А чего я-то?.. Я тут вообще не при делах.

Пока что буду косить под дурачка. Потому что ответить нечего. Все-таки хорошо, ужасно хорошо, что я заместил Лаларту, а не кого-нибудь другого. Мой батя серьезно страдал психозами, припадками, вспышками гнева и выборочной амнезией. Меня пару раз даже подмывало сделать вид, что я не узнаю Носящего Желтую Маску, и посмотреть, как он отреагирует.

Хотя здравый смысл все же останавливал. Я, может, и безбашенный, но все же не настолько.

— Ты печалишь меня, Лаларту, — скрестил тонкие пальцы Носящий Желтую Маску. — Ты заставляешь меня грустить. Я вижу, что мы с тобой не сможем поговорить обо всем доверенно — ты и дальше будешь кривляться и юродствовать, призывая мое сердце к страданиям.

Меня аж перекосило. Вот это он ничего себе завернул. Поганок, что ли, нажрался несвежих? Или благовоний неправильных нанюхался? От Жреца Древних чего угодно можно ждать.

— А посему у нас с тобой теперь один путь, — снова заговорил Носящий Желтую Маску. — Отправляйся сейчас же в Кадаф. Господин наш Йог-Сотхотх повелел передать, что желает устно общаться с тобой.

Теперь я едва удержался от стога. Теперь еще и с Йог-Сотхотхом перетирать?! Да что они, сговорились?! Чего им всем вдруг так резко понадобилось от бедного ящхена? Причем в такой неподходящий момент!

Что бы им подождать недельку-другую, пока я разберусь с Пазузу, а потом уже доставать?

— Ты все еще стоишь неподвижно, — прошелестел Носящий Желтую Маску. — Но Йог-Сотхотх не любит ждать.

— Знаю, знаю, — буркнул я, разворачиваясь к выходу. — Увидимся. Да пребудет с тобой Шворц.

Придется все же навестить Большого Папу. Если этот огромный червяк потеряет терпение... не знаю, что он тогда сделает. И особо не стремлюсь узнать. Йог-Сотхотх в Лэнге самый главный, и отношения с ним лучше не портить.

Хотя формально он не самый главный. Формально самый главный — Азаг-Тот. И Ктулху по идее главнее Йог-Сотхотха. И С'ньяк тоже.

Только вот воспользоваться своей властью ни один из этой троицы не может. Азаг-Тот лишен тела и большей части мозгов — так, формальный зищпредседатель. Ктулху сладко поживает на дне океана.

А С'ньяк... ну С'ньяк при необходимости может что-нибудь сделать — только не хочет. По-моему, он давно забил на все вокруг большой тяжелой болт. Сидит себе на своей горе, косячки смолит, Достоевского почитывает...

Кадаф. Ониковый Замок Кадаф. Огромный, черный, непередаваемо жуткий. От него так и веет мраком, ужасом, безнадежностью. Человеку со слабой нервной системой нельзя даже смотреть на эти стены — есть серьезный шанс потерять рассудок.

Этот замок стоит здесь уже хрен знает сколько тысячелетий — навиделся такого, что нашему Кремлю и не снилось. Вокруг выются тучи Птиц Лэнга — мерзкие твари, скажу я вам. Не шибко сильные — просто злобные маргитки с крыльями. Мозгов тоже мало. Про магические способности вообще молчу. Но зато их охрененно много. Навалются всей бригадой — даже архидемону прическу испортят.

Впрочем, мне сейчас не до них. У меня аудиенция с большим начальством. Йог-Сотхотх, Хранитель Врат Бездны, Мира Лэнга, земное воплощение Азаг-Тота.

Наш старый добрый Папа-Червяк.

В Кадафе я бывал неоднократно. Но ориентируюсь по-прежнему с большим трудом. Ониковый Замок — это колоссальный лабиринт, больше похожий на небольшой город, чем на собственно замок. Одних только демонов-господ здесь постоянно проживает больше тысячи. Про надзирателей и рабов даже и не заикаюсь — начнешь считать, так со счета собьешься.

Тороплюсь, тороплюсь, тороплюсь. Безумно тороплюсь. В голове свербит мысль о Пазузу, оставшемся без присмотра. Он там всю Дотембрию раскурочит, пожалуй! Буйствующий архидемон — это похуже всех террористов, вместе взятых. Мистер Магнус в одиночку не справится — он волшебник не из угловых. Третий-четвертый дан, не больше.

— Патрон, а ты хоть знаешь, сколько этих данов всего? — насмешливо поинтересовался Рабан.

— Нет.

Ну да, не знаю. Я не разбираюсь в восточных единоборствах. Понятия не имею, много это или мало — третий дан. И что это вообще такое — «дан».

Ну и что с того? Я что, теперь уже и подумать об этом не могу?

А интересно, какой дан был у Брюса Ли?

По дороге я нос к носу столкнулся с Лалассу, обгладывающим детскую ручку. Моя зеркальная копия как раз вышла из тронного зала. На меня этот поганец глянул с нескрываемым превосходством и противно хихикнул, облизывая окровавленные пальцы.

— Привет, братишка! — оскалился он. — Обидно, что выбрали меня, а не тебя? Обидно, да? Не расстраивайся, я тебе тоже оставлю... пару косточек. Может быть. А может, и нет. Хе-хе!.. Хе!..

Интересно, что бы это могло значить? Расспросить подробнее я не успел — Лалассу унесся вдаль по коридору так, словно ему подожгли пятки. Можно, конечно, догнать, но меня ждет большое начальство. Опаздывать на такие аудиенции чревато неприятностями.

Йог-Сотхотха я застал за важным делом. Огромный червь с где-то отчасти человеческого торсом обвил кольцами весь тронный зал. Длина его хвоста — величина непостоянная, зависящая только от воли хозяина. При желании Йог-Сотхотх может опоясать государственную границу России... или даже экватор Юпитера.

Некоторые сегменты туловища расплылись, потеряли очертания, а другие вовсе исчезли из виду. Сейчас Йог-Сотхотх одновременно находится здесь и в каком-то другом мире. Или даже в нескольких.

Хранитель Врат слушает. Он внимает происходящему в иных вселенных, вбирая в себя бездны информации. К счастью, ему открыты лишь дела низших форм жизни... вроде людей. Боги и другие архидемоны могут не опасаться этого шпионства.

— А, Лаларту... — прошипел Йог-Сотхотх, обращая ко мне холодное нечеловеческое лицо. — Проходи, проходи. Я тут как расссс собираю данные по Рари. Интересные факты вскрываются...

— Например? — осторожно поинтересовался я.

— Например... — клацнул длинными когтями Йог-Сотхотх. — Например... Об этом пока рано говорить вслух, но я предвижу успешное завершение... Когда все будет кончено... впрочем, об этом тоже пока рано говорить вслух. Очень скоро один из насссс освободится от печатей Мардука, и вот тогда...

— Что? — не понял я. — В смысле?

— Малый зиккурат. Мы повелим колдунам серых построить малый зиккурат перед большим. Его хватит только на одного из насссс, но он станет эмиссаром, способным в случае нужды приструнить несогласных...

— Зачем?

— У насссс есть опасения насчет лидера колдунов. Бестельглосуд Хаосссс труслив и слаб духом — он не годится на роль истинного лидера. Он не подходит для... неважно. Но его колдовские силы чрезвычайно велики, и он может воспользоваться ими, чтобы освободиться от наших тенет... и он пользуется! Он боится, он очень боится насссс, и этот страх на данном этапе играет против насссс. Большой зиккурат будет строиться еще почти год — мы не можем поручиться, что за этот срок Бестельглосуд не передумает, не взбунтуется, не пожелает сопротивля-

ться... Сейчассс его полностью поглощают военные хлопоты, но к тому времени, когда война будет закончена... Его сопротивление не опасно нам, но и не нужно... К тому же меня беспокоит один сигнал... Я пока не могу сссс полной уверенностью сказать, что понадобилосссс бывшему Верховному Магу Шумера на Рари, но у меня нет гарантии, что он не пожелает вмешаться в игру... а это пока еще рановато... На его счет у меня другие планы...

Я окаменел. По спине и рукам пробежала морозная дрожь. Челюсти очень медленно разомкнулись, и я осторожно спросил:

— Верховный Маг Шумера? Креол Урский?

— О да, он на Рари, и уже довольно давно... — равнодушно отмахнулся Йог-Сотхотх. — Тоже разыскивает Сердца Султанов — и уже все разыскал. Это насссс вполне устраивает. Хорошо, если они будут у него... я уверен, что он найдет им верное применение... Но я все еще не до конца уверен, что он предпримет дальше... за ним несколько сложнее наблюдать, чем за другими — для смертного он довольно силен. Вполне возможно, что он решит помериться силами с колдунами серых... что же, мы будем наблюдать за ним... мы увидим, что из этого выйдет... Я верно сделал, что вручил ему персонального шпиона в виде Камня Врат... сссс его помощью я легко могу отслеживать его перемещения...

— Но... но разве он его не сломал?! — поразился я. — Я думал...

Я же отчетливо слышал разговор Эмблем!

— Ты имеешь в виду беседу Эмблем Моих — Загана, Элигора и Анабота? — словно услышал мои мысли Йог-Сотхотх. — Но это же как раз я и повелел им незаметно донести до твоих ушей нужные слова... Как и многое, многое, многое другое, что тебе довелось услышать в стенах Кадафа. О Сердцах четырех Султанов Креол Урский ведь узнал от тебя, верно?.. А ты от кого, не забыл?.. Да от меня же. Из нашего с Носящим Желтую Маску разговора... разговора, который я позволил тебе подслушать. В результате ты сделал именно то, что я хотел.

Сердце остановилось и полетело куда-то вниз. В фигуральном смысле, конечно. У меня вообще нет сердца. А если бы было — вполне могло бы просто разорваться от шока.

— Кстати, ты можешь не стоять так официально, — усмехнулся Йог-Сотхотх. — Присаживайся, Лаларту... или предпочитаешь, чтобы тебя называли Олегом?..

ГЛАВА 3

Я молча сел. Прямо на пол. Ноги сами собой подкосились, обрушивая меня на холодный камень. Уж не знаю, был ли причиной тому шок или Йог-Сотхотх применил какой-нибудь фокус, но меня словно парализовало.

— Значит, ты знаешь... — с трудом выдавил из себя я.

— Знаю.

— И давно?

- Давно.
- Откуда?

Йог-Сотхотх посмотрел на меня с небывалым весельем. Длинный хвост пошел кольцами, когти сухо клацнули, жуткое лицо исказилось в гримасе.

— Наивное смертное создание, — осклабился Йог-Сотхотх. — Неужели ты в самом деле верил, что я, Йог-Сотхотх, Хранитель Врат Бездны, не смогу отличить одного из архидемонов Лэнга от довольно-таки посредственной подделки? Я на первой же нашей встрече понял, что ты не Лаларту.

— И почему я тогда все еще жив? — хрипло спросил я.

— Неужели не догадываешься? Уж если враги наши оказались столь глупы, что посчитали Йог-Сотхотха слепым глупцом, было бы истинной глупостью не воспользоваться их глупостью.

— Как воспользоваться? — слотнул я.

— Вначале я тебя использовал. Разными путями поставлял ложные сведения. Время от времени приоткрывал крохотные частички наших планов — то, что мне хотелось донести до врагов наших. То, что все равно ни для кого не являлось секретом. Кроме того, я постоянно наблюдал за тобой, имея целью выяснить твоё настоящее имя, твои намерения, а главное — имя твоего господина. Мне нужно было знать — кто именно осмелился заслать ко мне фальшивого Лаларту. И теперь я это знаю.

— Знаешь?.. — прошептал я.

В голове мутно. Мысли путаются и играют в чехарду. Перепонка на крыльях мелко дрожит. Рабан не издает ни звука — похоже, тоже ошалел от всего услышанного. Выходит, большую часть времени в Лэнге меня откровенно и цинично пасли, внутренне хохоча над тупорылым ящхеном...

Чувствую себя полным идиотом.

— Да, теперь знаю. Богиня Инанна вновь начала строить против нас козни. Перехватила одного из наших полудемонов и решила натравить его на хозяев. Обычная ее манера — самой оставаться в тени, используя для черной работы пешек... таких, как ты. Это вполне в ее стиле — я ссс самого начала именно ее и подозревал...

— А кто еще знает... обо мне? — осторожно спросил я.

Сейчас главное — не паниковать. Собраться. Успокоиться. Прийти в себя. Выяснить, что конкретно Йог-Сотхотху известно, а что неизвестно. В конце концов, я энгах — если что, Рабан меня вытащит.

Конечно, Йог-Сотхотх может и не дать такой возможности — если захочет, то убьет меня одним движением. Поэтому нужно пока что потянуть время.

— Кто еще? — задумался Йог-Сотхотх. — Носящий Желтую Маску несомненно знает. Мы никогда не заговаривали ссс ним об этом, но я сомневаюсь, чтобы твои жалкие уловки смогли его обмануть. Жрец Древних — единственный из нас, кто всегда обыгрывал меня в шахматы... Да и Ньярлатхотеп, полагаю, давно догадался — во всяком случае, он прилежно докладывал мне обо всех твоих ссс ним разговорах,

не забывая упомянуть о каждом твоём просчете... Вот разве что насчет Шаб-Ниггурата не уверен — до нашего полководца всегда все доходило медленнее, чем до остальных... сссс... во всем, что не касается ратных дел, он довольно ограничен, тут уж ничего не поделаешь...

— А Пазузу?! — невольно вырвалось у меня.

— Пазузу?.. Нет, Пазузу тоже вряд ли. Он все-таки не слишком умен.

Я облегченно вздохнул. Что ж, по крайней мере, один козырь у меня на руках есть — о секрете Пазузу Йог-Сотхотху неизвестно. И о том, что он сбежал, — тоже...

— Поэтому я не слишком волнуюсь из-за того, что Пазузу удрал, — рассеянно продолжил Йог-Сотхотх, скрипя когтями. — Должен признаться, меня слегка забавлял этот наивный мальчишка. Он так искренне верил, что никто не подозревает о его маленькой тайне... Так старательно разыгрывал из себя законченного дегенерата... Еще и пытался крутить какие-то нелепые интриги, воображал себя невесту кем... Конечно, всяких болванов ему и в самом деле удавалось обводить вокруг пальца. Но со мной такие детские хитрости не проходят. Даже скучно.

Вот блин. Очередной облом. Вся конспирация оказалась секретом Полишинеля — и у меня, и у Пазузу.

Интересно, есть вообще хоть что-нибудь, о чем Йог-Сотхотх не знает?

Я уставился на Хранителя Врат коровым взглядом, напряженно размышляя о дальнейших действиях. Сваливать подобру-поздорову в другой мир? Или еще немного подождать?

— Полагаю, теперь ты гадаешь, что я намереваюсь сделать с тобой, — прошипел Йог-Сотхотх.

— Ну-у-у-у... в целом... — невнятно промычал я.

— Можешь не дрожать за свою шкуру. Твоя смерть в мои намерения не входит. Пока что, по крайней мере. Шаб-Ниггурат убил бы разоблаченного шпиона в тот же миг, но я — не Шаб-Ниггурат.

— Перевербовывать будете, что ли? — угрюмо поинтересовался я.

— Совершенно правильное предположение. Причем заметить, что я не даю выбора. Точнее, даю, но очень маленький. Смерть или жизнь.

— Блин, тут надо как следует подумать...

— Подумай, подумай. Рассмотрим варианты. Смерть будет не просто смертью, а очень-очень долгой и мучительной пыткой. Мои жертвы умирают тысячелетиями, каждый миг моля о прекращении страданий. Но я им этого не даю...

— А жизнь означает службу Лэнгу?..

— Да, Лэнгу. То есть мне. Я Есмь Лэнг и Врата Его.

— И что я должен буду делать?

— Да ничего особенного. По сути — все то же самое, что делал и раньше. Пока серые не достроили большой зиккурат, нам будет весьма полезен архидемон, способный свободно действовать за пределами Лэнга. Очень скоро таковым станет Лалассу — его мы избрали в качестве первого эмиссара на Рари.

- Почему именно его?
- У него скоро день рождения. Я решил сделать ему подарок.
- А если серьезно?

— Потому что он самый бесполезный, — пренебрежительно отмахнулся Йог-Сотхотх. — Он слаб. Глуп. Несдержан. Прожорлив. Легко поддается эмоциям. Ведом звериными инстинктами. Годится только для устрашения толпы и тупого крошения всего вокруг в фаршши. Почти таким же был и Лаларту — так что я не слишком расстроился, узнав о его гибели. Мусора не жалко. А вот ты кажешься несколько более перспективным сотрудником. Для демона ты очень молод и неопытен, но эти недостатки со временем проходят. Что скажешь, Лаларту-младший? Желает ли ты принять из моих когтей силу истинного архидемона?

— Силу истинного... — тупо повторил за ним я.

— Да, так. Стать архидемоном по-настоящему, а не по названию. Принять дар Йог-Сотхотха. Великий дар. Полностью отдаться Тьме.

— Спасибо, что-то не хочется.

— Ты не понимаешь, от чего отказываешься, глупец. Тьма — это абсолютная неограниченная свобода...

— Ну да, всякая мразь именно так и оправдывает свою ублюдочность, — перебил его я. — Наслушался уже. Очень красивая отмазка. Я приверженец Тьмы, а потому могу творить что угодно, ибо я абсолютно свободен... мля, тошнит меня от таких выродков. Какой бы гнилой идеологией кусок говна ни прикрывался, смердеть от него все равно не перестанет!

Йог-Сотхотх ничего не ответил. Я буквально услышал, как в тронном зале нарастает напряжение. Папе-Червяку явно не понравилась моя откровенность.

Ну и плевать мне на него. Задолбали уже со своей поганой философией. Лэнг — отличный пример того, что демоны, сатанисты, гопники и прочие пидорасы понимают под «абсолютной свободой».

Свободу жрать всех, кто слабее.

— А что взамен-то? — для порядка поинтересовался я.

— Ты слышал, что взамен, — холодно ответил Йог-Сотхотх. — Преданность. Вечная преданность Мне и Лэнгу. Клянись Бездной и Тайным Именем Червя. Клянись тем, что свято и дорого для тебя, Лаларту-младший. И прими благословение Когтя. Истинную Жизнь и Могушество.

Эк он расщедрился-то. Только мне все равно неохота соглашаться. Успел усвоить, что за подарки от демонов вечную вечность будешь платить — не рассчитаешься. Что-нибудь возьмешь, черканешь подпись под договором — и все, увяз с концами.

Демон всегда в одной руке держит подарок, а другой хватает за горло.

Да и нафиг мне сдались эти его Истинные Хренотени? Это мистер Креол завизжал бы, как фанатка на рок-концерте — но он вообще долбанутый на всю голову. Круче него и так уже только вареные яйца, а ему все мало, чмошнику жадному. Как тот мужик из пластилинового

мультика — уперся башкой в небеса, стучит кулаком со всей дури и орет: «Маловато! Маловато будет!»

Хотя, может, все-таки спросить для порядка, в чем это будет выражаться? А то я так и не понял толком, что конкретно мне тут сулят.

— Думай быстрее, — сухо напомнил Йог-Сотхотх. — Времени мало.

— Почему?

— Через десять минут наступит полночь.

— И что будет?

— Полночь.

— И все?

— Все. Поэтому думай быстрее.

Меня в очередной раз переключило. Будь на моем лбу кожа — пошла бы сейчас складками.

Вот что он имеет в виду? Кто-нибудь может объяснить?

— Да не пытайся ты это понять, патрон, а то окончательно свихнешься, — подал голос Рабан. — Он же не человек.

Да, верно. Йог-Сотхотх не человек. И логика у него нечеловеческая. Забывать об этом нельзя ни в коем случае. Подойдешь к демону с привычной меркой — быстро поймешь, как сильно ты неправ.

Может, солгать? Притвориться, что я согласен, усыпить бдительность? Нет,дохлый номер. Йог-Сотхотх наверняка почувствует, если я попытаюсь с ним хитрить. Да и договор... мне же придется заключить договор.

А после этого пути назад уже не будет.

— Я отказываюсь! — поднялся на ноги я. В голосе почему-то прорезались визгливые нотки. — Вы наверняка хотите меня надурить! Ни хрена не получится!

Как-то очень по-детски у меня это прозвучало. Перенервничал малость, вот и сорвался.

— Патрон, да не дури ты! — жалобно взвыл Рабан. — Не руби сплеча, будь дипломатичней! Таким крупным шишкам нельзя отказывать вот так грубо! Помятче нужно!

— Ты хорошо подумал, Лаларту-младший? — холодно прошипел Йог-Сотхотх.

— Лучше некуда.

— Тогда подумай еще вот о чем. Я знаю твое настоящее имя. Я знаю, откуда ты здесссьссь взялся. Я знаю о тебе даже такое, чего не знаешь ты сам. Теперь подумай, что я еще о тебе знаю.

— В смысле?..

— Если ты надеешься просто скрыться от возмездия сссс помощью дурацкого фокуса энгахов — лучше сразу забудь.

Блин. Он и про это тоже знает.

— Да, я знаю, что ты энгах, — как будто прочел мои мысли Йог-Сотхотх. — А еще я прекрасно знаю, что энгахи не умеют распахивать Врата одним лишшшь усилием воли. Их Слово звучит по-разному, но оно всегда довольно длинное. Начнешшь его произносить — умрешшь в тот же миг.

Так, минуточку... Вот здесь у меня вдруг сверкнула искорка надежды. И Рабан ее тоже уловил, потому что возбужденно затараторил:

— Патрон, а ведь он думает, что ты сам говоришь это Слово! Значит, про меня он ничего не знает! Значит, разведка все-таки собрала неполные данные! Значит, у нас еще есть один туз в рукаве! Значит, мы все-таки можем незаметно смыться! Будем смываться, а?! Давай смоемся! Прямо сейчас, а?!

Йог-Сотхотх на эти вопли никак не отреагировал. Похоже, он и в самом деле не подозревает о присутствии Рабана. Наконец-то моя личная шизофрения для чего-то пригодилась...

— Я не шизофрения, я настоящий, — обиженно заявил Рабан. — Ну так что, начинать?

«Нет, погодь минутку. Попробуем нарыть еще какой-нибудь инфы. Чтоб не с пустыми руками драпать».

Я задумался. Я очень крепко задумался. При этом, естественно, стараясь не встретиться взглядом с Йог-Сотхотхом. Эти жуткие фасетчатые глаза... почему я раньше не замечал, до чего они жуткие? Такое впечатление, что тебя выворачивают наизнанку, вытягивают все мысли, желания и стремления, оставляя только пустоту и отчаяние...

— Решайся, Лаларту-младший, — холодно прошипел Йог-Сотхотх. — Мое терпение безгранично, я не собираюсь ждать вечно. Близится переломный момент. Уже скоро Азаг-Тот обретет новое тело. Уже скоро Лэнг возродится из пепла подобно фениксу. И Врата Древних уже скоро вновь распахнутся, выпустив нас на свободу.

Меня передернуло. Вновь вспомнилась история Плонета. Вспомнился ужас, творившийся там, когда Ньярлатхотеп и несколько демонов — буквально горстка! — сумели прорваться сквозь Врата. Им выпал выигрышный билет — и они забрали столько призов, сколько поместилось в пасть.

Сейчас Плонет — мертвый мир. Нисколько не похожий на то цветущее великолепие, что было сто с чем-то лет назад. От цивилизации остались обломки. Руины городов и ржавеющие машины.

Лазеры, танки, реактивные самолеты, ядерное оружие... Демоны с легкостью обратили человеческое оружие против его же создателей...

Правда, в конце концов плонетцам удалось изгнать захватчиков из другого мира... ценой гибели своего собственного.

— Так что ты надумал, Лаларту-младший? — прервал мои мысли терпеливый шип Йог-Сотхотха. — Я даю тебе последние десять секунд. Если через десять секунд твои уста не произнесут клятву верности, ты станешь мокрым пятном на этом ониковом полу.

Все, больше ждать нельзя. Надо сматываться немедленно. Йог-Сотхотх — пахан конкретный, у него слово железное. Мужик сказал — мужик сделал.

Рабан все понял без лишних слов. В голове зазвучало нечто вроде скороговорки на непонятном языке:

— Лиасса алиасса алла и ссаа алла ассалла! Алиии! Эсе! Энке илиалссаа осса асса эласса оссо иииииии!

— ...Три!.. Два!.. Один!.. — тем временем угрожающе шипел Йог-Со-

тхотх, скручивая змеиный хвост кольцами. — Время вышло! Твое слово?!

— До свиданья! — ухмыльнулся во всю пасть я, делая ручкой.
— Эссеееаааааа! Алаасса! — довершил Слово энгахов Рабан.

И я переместился между мирами.

Вот скажите, вы когда-нибудь перемещались между мирами? Не думаю. Есть у меня такое подозрение, что подавляющее большинство хомо сапиенсов подобного опыта не имеет.

Не знаю, почему я так думаю. Интуиция, наверное.

Но в любом случае — ничего особенного при этом не испытываешь. Во всяком случае при том способе, который используют энгахи. Вот другие пути частенько несут разные интересные и далеко не всегда приятные побочные эффекты.

Говорят, что может заболеть голова или возникнуть такое ощущение, будто тебя разбирают на миллиард кусочков и тут же собирают заново. Часто появляются всякие видения — светящиеся туннели, сюрреалистические картины и образы. Слышатся всякие звуки и тому подобное. Различные побочные эффекты присутствуют часто.

Но путь энгахов — самый быстрый, легкий и удобный. Во всяком случае из тех, о которых мне известно. Произносишь особую кодовую фразу в нужной тональности... и вуаля! Никаких тебе туннелей, никакого скольжения по бездонному Хаосу и потусторонних видений. Просто перед глазами какое-то мгновение двоится, пока смотришь сразу на два мира одновременно.

Неслабое зрелище, доложу я вам.

Девять Небес. Третье Небо. Хрустальные Чертоги миледи Инанны.

При виде всего этого я едва удержался, чтобы не смахнуть пот со лба. Яцхены не потеют, но некоторые привычки у меня до сих пор остались человеческие.

Такое сразу блаженство разлилось в душе, такое умиротворение...

— Есть еще похер в похеровницах! — облегченно выдохнул я, суя нижние руки в карманы. — Ну что, наведаемся на ковер к начальству? Ох, чувствую, будут мне сейчас голову мылить...

Сам не пойму, что заставило меня в следующий миг сигануть в сторону. Мое чувство Направления?.. Интуиция?.. Или просто счастливый импульс?..

В любом случае этот резкий прыжок спас мне жизнь. В воздухе просвистело что-то невидимое — невидимое, но очень даже осязаемое. Хрустальная земля Третьего Неба распоролась глубокой бороздой — словно плуг со всего размаху вонзили. Да не простой плуг — алмазный. Обычные металлы это покрытие даже не царапают — я пробовал.

Отпрыгнув, скоренько отползаю назад, спеша оказаться подальше от прежнего места.

Стало очень страшно.

И кому бы на моем месте не стало? Прямо в воздухе разверзается нечто вроде... с чем бы это сравнить? Нечто вроде рваной черной трещины. Трещины в самом мироздании. Это оттуда только что ударило невидимым когтем, едва не убившим меня на месте.

Черная трещина расширилась еще больше. И мне стало еще страшнее. Из этой бездонной дыры на меня глядит лицо — нечеловеческое, непостижимо жуткое лицо с парой фасеточных глаз, напоенных самой Тьмой.

Йог-Сотхотх.

— Мусор, — с ледяным безразличием прошипел он, высываясь из портала по плечи. — Жалкий человеческий мусор. Ты думал убежать от Хранителя Врат? Подумай еще. От меня невозможно убежать. Тем более с помощью дурацкого фокуса энгахов. Я найду и достану тебя везде, корм. Даже скучно.

Видели когда-нибудь, как ползают тараканы? Я тоже так умею. Быстро-быстро, на всех восьми конечностях — как можно дальше от портала в Лэнг.

Но убежать от Йог-Сотхотха — задача не для начинающих, тут он прав. Гибкое змеиное тело метнулось вперед со скоростью света, ударя меня... чем он меня ударил?.. Я даже не успел разглядеть.

Отшвырнуло так, словно попали баллистической ракетой.

В следующий миг меня хлестануло чем-то невидимым. Все тело рассекло страшной болью, по хитину прошел косой разрез. Оттуда хлынула черная слизь — субстанция, хвастливо нареченная профессором Краевским краевинном.

Но я даже не успел осознать, как мне сейчас больно. Меня вновь ударили. Невидимый шип на сей раз вошел прямо в грудную клетку, пробив ее насквозь. Глаза вылезли из орбит, пасть раскрылась в беззвучном крике — меня же убивают!!!

Сопrotивляться?.. Даже звучит смешно. С тем же успехом гусеница может сопротивляться паровому катку. Все, на что меня хватает, — ползти, ползти к ослепительному свету Хрустальных Чертогов.

Надеяться...

Новый удар — теперь нематериальный. Прямо в мозг. Ментальное давление чудовищной мощи — разум коверкается, плющится, мозги буквально вытекают через уши. Чей-то чужой голос в голове хохочет и рыдает одновременно, требуя немедленно прекратить сопротивляться, лечь на землю, расслабиться и сдохнуть. Рабан по мере сил приглушает этот ужас, но силы у него уже на исходе — мой керанке практически визжит от боли.

Это называется Крик Бездны — мощнее него разве что Зов Ктулху.

Блин, сознание меркнет... Йог-Сотхотх уже давно мог бы меня убить — и не просто убить, а размазать, как блоху. Однако пока что он меня щадит — видно, хочет растянуть агонию. Хочет, чтобы я как следует прочувствовал, что происходит с прогневившими Хранителя Врат Бездны.

А ведь он до сих пор не выбрался из портала полностью... Агонизируя, я отполз довольно далеко — даже в столь плачевном состоянии я по-прежнему куда шустрее человека. На целый километр, наверное, уже отдалился от черной трещины в воздухе. Туловище и голова Йог-Сотхотха нависают прямо надо мной, на кошмарной роже светит-

ся какая-то мрачная удовлетворенность... но хвост до сих пор по другую сторону портала, в замке Кадаф.

Ни хрена ж себе он растянулся! Куда там резиновому шлангу!

Однако поражаюсь я себе. Возможно, мне осталось жить минуты полторы. Возможно, я прямо сейчас сдохну, как таракан, раздавленный тапочкой. Но все равно нахожу в себе силы юродствовать и зубоскалить.

И откуда во мне это берется? Может быть, хихоньки и хахоньки для меня — нечто вроде защитного механизма? Чтобы совсем не скатиться в пучину отчаяния. А то я уже давно балансирую на грани сумасшествия. Собственно, с самого рождения.

Зато и к дамоклову мечу, постоянно висящему над головой, я тоже привык уже давно. Смерть уже как-то не особо и страшит.

А интересно, что меня ждет на другой стороне? Надеюсь, не большая сковородка...

Хрустальные Чертоги! Корчась и ползя, я незаметно сам для себя добрался до особняка миледи. Ну что же там никто не чешется?! Неужели до сих пор не прочухали, что тут творится?!

— АААААААААААААААААААА!!!

Это я кричу. Кричу, как никогда еще в жизни не кричал. Потому что меня подняло в воздух чем-то вроде невидимых клещей, сдавливая покрепче любых тисков. Сверхпрочный хитин треснул во множестве мест.

Но если бы еще только это! Йог-Сотхотх с ласковой улыбкой садиста единым рывком оторвал мне... да всё! Дернул в одиннадцать сторон разом, к чертовой матери оборвав ящину хвост, крылья, ноги и все шесть рук.

Как же больно, мать его иху... Так больно мне было в жизни всего... да я уже со счета давно сбился. Не знаю сколько раз. Много. Слишком много.

Хрустальная земля уже вся залита моей черной слизью... Валяются мои руки и хвост... и все еще подергиваются. Надо же. Прямо как лапки у сенокосца. Аж смеяться хочется.

Только вот я почему-то не смеюсь. В глазах мутнеет. В голове полный мрак. Все-таки ящэн — на удивление живучая тварь. Человек отбросил бы коньки уже раз двадцать. А я жив даже в таком отвратном состоянии.

Но терпеть осталось уже недолго...

— Тебе не следовало отвергать мое предложение, корм, — холодно прошипел Йог-Сотхотх, приблизив меня вплотную к лицу. — Теперь твоя душа отправится в Бездонный Хаос. Навечно.

Склизкие когти зловеще шелкнули. И я понял, что вся боль, которую я испытывал до этого, была еще вполне терпимой. В голове лопнула какая-то невидимая пружина, и перед глазами поплыли разноцветные круги. Мозг словно просверлило раскаленным буравом. Где-то на заднем фоне дико заверещал Рабан.

А потом Йог-Сотхотх размахнулся и швырнул меня к Хрустальным Чертогам. Изуродованный обрубок, который он от меня оставил, с си-

лой впечатался в стену и прилип, оставив паутину трещин. Вниз потекла прозрачная маслянистая жидкость.

— Было больно... — прохрипел я, медленно сползая по стене.

— А будет еще больнее, — презрительно пообещал Йог-Сотхотх, взмывая высоко в воздух. — Пришло время сгнить, отродье. Последнее слово?

— Сам дурак, — чуть слышно прошептал я, безуспешно пытаюсь сфокусировать взгляд.

В воздухе замерцал невидимый коготь. Страшное оружие Йог-Сотхотха, способное уничтожить кого угодно и где угодно. Именно им был убит один из величайших демонологов в истории человечества — Абдул аль-Хазред.

— Патрон, нам хана!.. — чуть слышно донеслось до меня сквозь непереносимую боль. — Патрон, нам каюк!.. Патро-о-он!..

— Заткнись... — еле-еле выговорил я. — Заткнись лучше...

Вместе со словами из пасти хлынул поток черной слизи.

ГЛАВА 4

Нет, конечно, Йог-Сотхотх меня не убил. Иначе как бы я смог об этом рассказать?

Я это давно заметил — если повествование идет от первого лица, то можно не бояться, что главный герой погибнет. А вот если от третьего... тут всякое может случиться. Дон Кихот умер, Гамлет умер, Ромео и Джульетта умерли, Анна Каренина умерла, Остапа Бендера — и того зарезали. В следующей книге, правда, он ожил, но это уже к делу не относится.

Так что я жив, не сомневайтесь. Раз думаю всякую хренотень — значит, пока не сдох.

Каким образом я выжил? Ну, дело в том, что на шум наконец-то вышла хозяйка хаты. При виде Инанны даже Йог-Сотхотх отвлекся и замер с поднятым когтем. В фасетчатых глазах на миг промелькнуло что-то вроде смущения... хотя, может, и показалось. У меня сейчас перед глазами и круги плавают, и радуга мерцает, и даже розовые слоны уже появлялись.

— Ахррррррр... — тихо-тихо проворчал архидемон, меряя Инанну холодным взглядом.

Прекрасная богиня наклонила голову набок и с любопытством спросила:

— А что здесь происходит?

Дурацкий вопрос. На диво дурацкий вопрос. Меня тут колбасят по полной, а она спрашивает, что происходит. Сама не видит, что ли?

Похоже, Йог-Сотхотху тоже стало смешно. Он отвернулся от меня и с тихим клацаньем навис над Инанной. Будь миледи просто красивой женщиной в белом платье, каковой в данный момент кажется, она бы наверняка пронзительно завизжала. Червяк в километр длиной, да еще с этакой харей и когтищами, да еще капающий слизью...

Хотя, может, и не в километр. У меня рулетки с собой нет, а глазомер хреновый. Два глаза вообще ничего не видят, а третий... тоже не телескоп, в общем.

— А, так вы тут заняты... — совершенно спокойно констатировала Инанна, отступая на шаг. — Ладно, продолжайте, не буду вас отвлекать.

И в следующий миг она просто исчезла. Растаяла в воздухе... хотя нет, не растаяла. Просто в данное мгновение все еще здесь, а в следующее — уже нету. Словно стерли из кадра.

Это не просто какая-то там телепортация, как у колдунов. Это, если можно так выразиться, смена местонахождения. Для бога переместиться в пространстве — что переключить канал телевизора. В одно мгновение — хоть на Гавайи, хоть на Юпитер, хоть в Туманность Андромеды, хоть в шестое измерение.

Достаточно просто пожелать.

— Враг сбежал! — язвительно и вместе с тем чуть растерянно хохотнул Йог-Сотхотх. — Легкая победа!

Куда уж легче. Вот дерьмо-то, а? Конечно, я и раньше знал, что миледи не слишком охотно участвует в драках, но все-таки на что-то надеялся...

Хотя выручить она меня все же выручила — Йог-Сотхотх отвлекся и, похоже, совершенно позабыл о некоем недобитом ящере. Теперь он ломает дворец. Исполинское змеевидное тело ходит волнами и закручивается в спираль, круша Хрустальные Чертоги, как песочный замок. Воздух бурлит и клокочет, взрываясь невидимыми вспышками в тысячах мест сразу. Шпили, башенки, балконы, галереи — все разлетается в клочья, тут же истаивая невесомой сверкающей пылью.

— Хорошая хата была, патрон... — грустно произнес из глубин сознания Рабан.

Интересно, как я сейчас выгляжу со стороны? Искалеченная трехглазая мерзость, медленно-медленно сползающая по разноцветному хрусталу, оставляя грязные потеки кровянистой слизи. Неаппетитное, должно быть, зрелище.

И это только вопрос времени, пока весело отрывающийся Йог-Сотхотх не спохватится, что кое-кого не добил. В крайнем случае — просто разрушит к чертям и ту стенку, к которой прилип я. Ему уже недолго осталось.

Кажется, там внизу появились солнечники. Подарок бога Шамаша, семьдесят бойцов из его личной гвардии. Парни бросились в бой не задумываясь... и лично мне очень интересно, где они прохладжались до этого. На тараканьих бегах играли?

На некоторое время солнечники Йог-Сотхотха заняли. Минут на пять где-то. От силы на шесть.

А потом ликующий архидемон вновь вернулся к игре в стенобитное орудие.

— Семьдесят — ноль в пользу Лэнга, — печально озвучил счет я, глядя на исход побоища.

От солнечников осталось удивительно мало... собственно, вообще

ничего не осталось. Йог-Сотхотх их просто... прекратил. Прекратил их существование. Это даже не магия, это что-то намного более мощное.

По крайней мере у меня положение начинает понемножечку выправляться. Все-таки регенерация в моем теле идет с феноменальной, прямо-таки неприличной скоростью. Особенно здесь, во владениях леди Инанны. Здесь сам воздух напоен жизнью.

Зрение уже почти восстановилось. На месте оторванных конечностей что-то булькает, там проклеваются своеобразные «почки». Если Йог-Сотхотх даст мне полчаса времени — возможно, сумею втихаря смыться.

Улететь вряд ли — в крыльях у меня очень мало краевина, так что они восстанавливаются медленнее всего. Их мне уже несколько раз отрывали (вот такая вот хреновая жизнь!) — каждый раз потом ждал сутки, а то и двое, пока не отрастут заново.

Над одной из башен взметнулось облако черного дыма. Загорелось что-то?.. Странный какой-то дым — черный с желтизной, поблескивающий тонкими молниями. Из облака слышны звуки — что-то вроде тонкого рыдающего хохота. Причем на два голоса.

Ума не приложу, что бы это могло быть. В Хрустальных Чертогах вроде бы нечему породить такое дымное облако. Даже Йог-Сотхотх уставился на него в явном недоумении.

Но в следующую секунду мы с ним думать забыли о непонятном явлении. Кадры снова сменились. В переносном смысле, конечно. Просто перед дворцом Инанны прямо из воздуха выросли четыре фигуры. Сама хозяйка дворца, два важных длиннородых старика и гигантский паук.

Йог-Сотхотх тоже их заметил. И резко прекратил безобразия. Длиннущее тело изогнулось вопросительным знаком, когти заскрежегали, фасетчатые глаза налились злобой.

— Друзья мои, умоляю, защитите меня от этого беспардонного вторжения! — звонко воскликнула Инанна, указывая на архидемона.

— Положись на меня, Прекраснейшая, — поцеловал ей руку старик слева.

— И на меня тоже, — поцеловал ей другую руку старик справа.

Друг на друга эти двое поглядывают с явной ревностью.

— Энлиль!.. — сумрачно прошипел Йог-Сотхотх. — Шамаш!.. Вы!..

Если бы у меня было сердце, оно бы сейчас застучало с облегчением. Прибыла тяжелая артиллерия! Владыка океанов Энлиль, солнечный бог Шамаш и паучий царь Анансэ. Плюс еще сама миледи Инанна.

Один против четверых Йог-Сотхотх махаться не станет точно — он же не дурной.

Этих троих я раньше уже встречал — у них тоже хазы на Девяти Небесах. В Хрустальные Чертоги Инанны они захаживают частенько — чайку попить, посплетничать о всяком-разном.

Хотя на самом деле я не знаю, о чем разговаривают между собой боги. Меня на эти междусобойчики ни разу не приглашали. Миледи в таких случаях всегда просила меня покурить где-нибудь в другом месте.

В обычное время боги и выглядят обычно — те же люди, только... идеализированные. На божественном лице вы не найдете ни прыщика, ни бородавки, ни морщинки. Точнее, морщины встречаются, но только если это часть образа — скажем, убеленный сединами старец, само воплощение мудрости. Соответственно, богиня красоты — идеал красоты, любой модельный журнал без раздумий поставит на обложку. Если одежда или доспехи — так безупречно чистые, словно нарисованные.

Ни единого признака... несовершенства.

Но сейчас... Вы никогда не видели разгневанного бога? Счастье вам и радость. Энлиль, Шамаш и Анансэ в одно мгновение выросли выше небоскребов. В руке Энлиля материализовался исполинский трезубец, по всему телу побежала искрящаяся река, над головой повисла грозовая туча. Шамаш засветился ярче всякого солнца, вокруг головы запылали ослепительные сполохи. А уж Анансэ... японский Годзилла рядом с этим чудовищем — милый маленький котенок, уж вы мне поверьте.

Вырос и Йог-Сотхотх — вырос пуще прежнего. Все-таки он не только архидемон, но и Темный бог — один на один он будет достойным противником любому из этих троих. Исполинский бог-червь зашелкал когтями, угрожающе шипя.

— ДА КАК ТЫ ОСМЕЛИЛСЯ НА ТАКУЮ ДЕРЗОСТЬ, НАГЛЫЙ ЧЕРФФЯК?! — разъяренно заскрежетал Анансэ. — МОИ ПАУКИ ОБРАТЯТ ФФ ПЫЛЬ ФФЕСЬ ТФФОЙ ГАДЮЧНИК!!!

— ТЫ НАРУШИЛ ГРАНИЦУ, ДЕМОН! — присоединил свой трубный глас Энлиль, потрясая трезубцем. — МНЕ ЧТО, ПРЕВРАТИТЬ ТВОЙ КАДАФ В ЩЕБЕНЬ?!

А Шамаш промолчал. Но сияние, исходящее от него, усилилось так, что я отвернул голову — повелитель солнца способен сжечь дотла целый мегаполис, просто взглянув на него чуть пристальнее.

Йог-Сотхотх тоже не остался в долгу. Страшные когти заискрились синим, хвост часто запульсировал, фасетчатые глаза превратились в настоящие черные дыры, поглощающие дневной свет.

Буквально кожей чувствую, как раскаляется и дрожит воздух, как разливаются волны жуткого, звенящего напряжения. Среднестатистический человек в присутствии разгневанного бога мгновенно теряет сознание или даже рассудок. Только очень сильный духом способен выдержать подобный прессинг.

Я и сам держусь из последних сил — причем исключительно благодаря поддержке Рабана.

— У вас есть полный доступ, друзья мои, — спокойно произнесла откуда-то снизу Инанна. Она единственная не сочла нужным принять боевую стойку.

Архидемона ее слова явно не порадовали. Хотя я не совсем понял, что миледи имеет в виду. Кажется, на чужой территории боги связаны определенными ограничениями — уж не знаю, в физическом ли смысле или это просто нечто вроде кодекса чести. Король в чужой стране тоже ведь не обладает такой властью, как в собственной... наверное, и у богов есть что-то наподобие.

Дома, как говорится, и стены помогают.

● Сын
архидемона ●

Объект ЯЦХЕН. Искусственно созданное существо. Степень опасности — красная. Отличается невероятной агрессивностью, атакует всех и каждого в пределах видимости, бьет насмерть. Хорошо сопротивляется большинству известного оружия, но может быть остановлен мощным электрическим разрядом. Адекватно оценить разумность невозможно. В случае освобождения немедленно уничтожить любыми способами вплоть до чрезвычайных.

Выписка из дела №342-40b

Хигйджайя кошмарны обликом, крылаты, хвостаты, трехглазы и шестируки, питаются человеческим мясом и никогда не оставляют в покое человека, единожды избранного Ими в качестве добычи. Лишь очень сильная магия способна оградить от Их ужасных когтей и зубов, но даже сильнейшие из кудесников не способны совладать с Прародителем всех хигйджайя Ноденсом, ибо мощь Его безгранична.

Из Книги Червя

ГЛАВА 1

Я медленно шел по коридору. Когти чуть слышно цокали по полу, все три глаза смотрели в разные стороны, хвост с ядовитой колючкой извивался буквой «S».

Я ждал. Ждал, когда услышу шорох, увижу движение. Чувство Направления ясно говорило, что тварь где-то совсем рядом — затаилась в тенях и тоже ждет. Этой темной ноябрьской ночью под кровлей старого замка Цератуш друг за другом охотятся два монстра, и один из них — я.

Замок Цератуш находится на западе Молдавии, на границе с Трансильванией и Малой Валахией. Местечко тут очень живописное — если вам нравятся горы и леса, конечно. Лично я предпочитаю пляж с кокосовыми пальмами, но кого в этом мире волнует мнение яцхена?

Так вот, о чем это я. Отвлекся, простите. Отвлекся... кхххххх!..

Тварь вылетела из какой-то темной дыры, врезаясь в меня всем телом. Яцхен — зверь могучий, но весит мало, так что я отлетел в сторону, складываясь пополам, как циркуль. Моего противника боженька тоже силищей не обделил — вон он как раз вздымает над головой булдыган центнера этак в три... йеееее!..

Я увернулся. В мгновение ока перенесся на восьмереньки и зашкрябал по полу, уклоняясь от тяжелой каменюки. На бледной роже твари отразилась досада.

— Моя очередь, — оскалился я, отталкиваясь всеми лапами.

Теперь уже противник отлетел к стене, а я заработал когтями, пере-

малывая его в фарш. Крови из этого ушастого уродца не вылилось ни капли — мясо сухое, словно полгода вялилось на солнце.

Мои когти мелькали с такой частотой, что я сам с трудом их различал. Любой другой на месте этой твари уже давно бы сдох. Но чертов упырь... его раны срастались в доли секунды. С тем же успехом я мог бы шинковать комок геля.

Так продолжалось секунд десять. Зубы упыря часто клацали, лысая башка с силой колотилась о стену. А потом пара бледных рук взметнулась вверх, хватая меня за верхние запястья... и ломая их на хрен! Черт, какая же все-таки силища!

Впрочем, моя регенерация оказалась не намного хуже. Упырь только собрался перейти к другой паре рук — а я уже снова заработал всеми шестью.

Тогда он досадливо рявкнул и просто толкнул меня что есть мочи. Мной вновь как будто выстрелили из пушки — я отлетел и впечатался в стену, сползая по ней раздавленным насекомым.

— Твою ж мать... — прохрипел я, собирая глаза в кучку.

— Да что тебе от меня нужно?! — прошипел хозяин замка, с шумом втягивая воздух. Две рваные дыры на месте носа гневно раздувались, из левой ноздри на миг высунулся червяк. — Я же тебя не трогал! В тебе даже крови нет!.. съедобной, я имею в виду.

— Тут ничего личного, — заверил я, подымаясь на ноги. — Мне просто людей жалко. Ты же их харчишь почему зря.

— В этом тоже нет ничего личного! — возмутился хозяин замка. — Ты не понимаешь! Я вампир, я не могу без крови! Если я не буду пить человеческую кровь, то умру!

— Клобы тоже. Но это не значит, что я им сочувствую.

Мы пару секунд мерили друг друга злыми взглядами. Поганый вампирюга как-то странно выгнулся — не иначе приготовился взлететь. Я на всякий случай тоже расправил крылья.

Взлетать упырь не стал. Вместо этого он вдруг раздулся, почернел и расточился жирным дымом. Весь зал заполнился вонючими клубами — запаха я не чувствовал, но догадывался. Газообразный монстр охватил меня тесными объятиями, лишая воздуха, проникая в пасть, пытаясь задушить.

Это бы сработало, будь на моем месте кто-нибудь, кто дышит. Я же только матюкнулся, размышляя, как мне драться дальше. Даже миллион самых острых когтей бесполезен против дымного облака. Мы с вампиром оказались в патовой ситуации.

— Эх, пылесос бы сюда... — вздохнул я.

Пылесоса у меня не было. После прошлого раза я предложил быстренько сгонять за ним в другой мир, но начальство идею не оценило. Они тут по старинке привыкли работать, не дошла еще до них научно-техническая революция.

Поэтому вместо пылесоса я начал втягивать дым сам — пастью. Много втянуть не смог, но вампиру это все равно не понравилось — кажется, он забоялся, что ко мне в брюхо попадет его палец, язык или еще какая-нибудь мелкая, но важная деталь.

Так или иначе, он снова обернулся человеком. Если это чудище можно так назвать, конечно. Плюгавый, лысый, с остроконечными ушами, кривыми длинными зубами, отвалившимся носом и жутко слезящимися глазами. Я и не знал, что у нежити они могут слезиться.

— Что тебе от меня нужно? — устало повторил вампир. — Ты же демон. Зачем тебе-то в это лезть?

— Во-первых, я не демон, а заботливый мишка, — поправил я. — У меня и сердечко на пузе есть, просто под одеждой не видно. А во-вторых — ви что-то таки имеете против демонов? Это дискриминация, между прочим.

— Дискриминация?! — прошипел вампир. — Я мог бы многое рассказать тебе о дискриминации! Мой народ подвергается ей с начала времен! Никто и никогда не пытался нас понять — вместо этого нам предпочитали отрубать головы, пронзать нас кольями, наштиговывать серебром!..

— Я сейчас прямо зарыдаю, — скривился я, бросаясь в атаку.

Вампир даже не шелохнулся. Он лишь брезгливо поморщился и процедил:

— Ты что, до сих пор ничего не понял? Сколько бы ты меня ни кромсал, это бесполезно! Ты не можешь меня убить!

— А с чего ты взял, что тебя убью я?

Сказав это, я сомкнул хватку. Все шесть рук сцепились за спиной вампира прочной решеткой, все сорок два когтя вонзились в ледяную плоть мертвеца. И в то же время из темного прохода появились те, кого я ждал, — девять человек в белых доминиканских рясах с капюшонами.

— Держи его! — скомандовал самый главный. — Держи его крепче, тварь!

Восемь монахов стремглав заняли позиции вокруг нас с вампиром, выхватили четки с крестиками и забормотали молитву. Девятый медленно пошел вперед — и вот при виде него вампир в панике заметался. Он явно не ждал сегодня испанскую инквизицию.

Кровосос попытался вырваться — но я вцепился в него так, словно хотел никогда не расставаться. Он попытался взлететь вместе со мной — но я вонзил когти ног глубоко в пол. Он попытался снова превратиться в дым — но отовсюду текла молитва, лишаящая вампира сверхъестественных сил.

И тогда он тоскливо завыл.

Торквемада подошел к нам вплотную. Из левого рукава показалась черная, как головешка, кисть. Великий инквизитор возложил ее на плечивую бошку вампира, и тот закричал еще страшнее, забился так, что я с трудом его удержал.

— Когда-то ты был человеком, Кароль Круду, — сурово произнес Торквемада. — Не желаешь ли принять покаяние?

— Засунь его себе вфффххххххххх... — просипел вампир, рассыпаясь пеплом.

Монахи спрятали четки и разомкнули строй. Двое из них собрали

оставшийся от вампира пепел, вынесли наружу и развеяли по ветру. Торквемада сухо кивнул мне и неохотно процедил:

— Ты хорошо потрудился, брат Олег.

Мы еще на некоторое время задержались в замке Цератуш. Торквемада со своими доминиканцами обыскивал подвалы — искал черную магию и прочую крамолу. Я же, как ничего в этом не понимающий, просто таскался следом, грызя черствую булку.

Эти восемь монахов — личный отряд Торквемады. Элитные борцы с нечистью и черными колдунами. Брат Харольд, брат Йожеф, брат Леонтъен, брат Пиррос, брат Давид, брат Дорандо, брат Ханс и брат Юхан. Первоклассные охотники и экзорцисты со всех концов Европы, лучшие из лучших. Возглавляемые смиренным братом Томмазо, они могут завалить даже архидемона.

Особенно теперь, когда к ним присоединился еще и я, брат Олег. Я ведь с некоторых пор тоже монах ордена святого Доминика. Самый, пожалуй, необычный монах в мире — трехглазый, шестирукий, с крыльями и хвостом.

Звучит невероятно, но я действительно вступил в ряды инквизиции. Пока что, правда, на испытательном сроке — нахожусь в послушничестве у смиренного брата Томмазо. Как бы стажер. Добрый дедушка Торквемада вполне оценил меня в качестве рабочего инструмента. Я полезный. Эффективный. И благочестивый. А что рожей не слишком удался, так это дело десятое. Торквемада и сам страшен как смертный грех.

Не могу сказать, что это та работа, о которой я мечтал с детства, но надо же куда-то себя приткнуть. На Девяти Небесах мне больше делать нечего, в Лэнге тем более, а опять прыгать по мирам не хочется. Куда, зачем? Здесь у меня хотя бы друзья есть.

Прошло четыре с лишним месяца после битвы с шатирами и три с половиной — с тех пор, как дотембрийская делегация покинула Ромецию. Впрочем, от делегации осталось совсем немного — кардинал дю Шевау и Аурэлиэль.

Кстати, эльфийка так и не простила мне необдуманных слов. Или просто воспользовалась этим поводом, чтобы разорвать отношения. Не знаю точно, но до самого расставания она старалась меня избегать, а если не удавалось — разговаривала сухо, односложно и только по делу. Печально, но ничего не поделаешь. Незачем себя обманывать — у нас бы с ней все равно ничего не получилось. Она из страны эльфов, а я из страны монстров. Граница на замке, а ключ расплавлен.

Закончив обыскивать вампирячий замок, Торквемада скомандовал отбой. Когда мы вышли наружу, на востоке уже занималась заря. В этом нежно-розовом свете наш отряд спустился по узенькой тропинке к подножию скалы — здесь разместилась крохотная деревенька Крудуешти, вотчина князя Круду. Почтенный патриарх прожил в своем замке больше тысячи лет и числился кем-то вроде некоронованного царя восточноевропейских вампиров. Его уже раз десять убивали разными способами, но он всегда возвращался. На редкость неугомонный старикашка.

Как я уже сказал, сейчас мы в Молдавии, на полевых работах. В этой стране последние годы никакого порядка — каждый делает что хочет, всем заправляют мелкопоместные князья. Нынешнему господарю Молдавскому шестнадцать лет, и он грезит созданием Великой Молдавии от Итальянского озера до Колхидского. Хочет собрать под своей рукой Венгрию и Трансильванию, Галицию и Буковину, Лигурию и Черногорию, Валахию и Малую Валахию... такая невинная детская мечта. А архиепископу Молдавскому уже восемьдесят семь, он практически оглох и каждое утро на полном серьезе пишет письма в Голос — упрекает демонов за их ужасные злодеяния и призывает одуматься. Ответа пока что не получил.

В Крудуешти нас приняли радушно, гостеприимно, но улыбки на лицах были какими-то вымученными. Седоусый батька Лукаш, испокон веку сидящий в этой деревне старостой, выслушал известие о гибели князя без особой радости, даже с некоторым огорчением. Кароль Круду, будучи рачительным хозяином, никогда не охотился возле дома, поэтому деревня при нем жила спокойно, как прилипала на акульем брюхе. Разбойники и нечисть обходили земли князя десятой дорогой, оброками он крестьян не душил, работать на себя не заставлял, девок местных не портил, трапезничать летал куда-то за горизонт... чего б не жить? А теперь на его место придет кто-то другой, и неизвестно, будет ли лучше.

С куда большим воодушевлением староста отнесся к тому, что мы покинем Крудуешти уже сегодня, сразу после обеда. Мы бы ушли прямо сейчас, но Торквемада решил на всякий случай осмотреть и деревню — мало ли что тут сыщется? Инквизитор везде ересь найдет.

Монахи, даже не позавтракав, встали на утреннюю молитву. Торквемада же извлек откуда-то из рукава толстую разлинованную тетрадь и принялся делать отметки.

— Это был девятнадцатый, — сурово произнес он. — Самый могучий и самый последний. План по вампирам мы в этом году выполнили успешно.

— И ведь ни одна гнида не захотела покаяться! — посочувствовал ему я. — Ни Грошич, ни Кратцер, ни Кристинка Божик... вообще никто!

— Каждый обладает правом на свободный выбор.

— А тех, кто выбирает неправильно, мы сжигаем, — поддакнул я.

— По-моему, отличная система, — недовольно покосился на меня великий инквизитор. — Ты вот можешь предложить что-нибудь лучше костра, тварь?

— Дихлофос.

— Это звучит как имя какого-то демона.

— Ну извините, что огорчил, Лаврентий Палыч. Что у нас там дальше по списку?

— Пойдем на север, в Славонию. Мне поступило донесение, что там завелась весьма сильная ведьма.

— Жечь будете?

— Буду.

— А если она добрая?

— Тогда я оболюю дрова маслом, чтобы она сгорела быстро. Мне тоже не чуждо милосердие, тварь.

— Да вы вообще душа-человек, Лаврентий Палыч.

Торквемада неодобрительно покачал головой. Его раздражает мое легкомыслие. Мои вечные идиотские шуточки, мое ерничанье по поводу и без повода, всякие странные словечки, которые я постоянно вворачиваю в разговор... Первое время Торквемада меня одергивал, потом смирился и стал просто пропускать все излишнее мимо ушей.

Допрашивая еретиков, он весьма поднаторел в этом искусстве.

— До обеда можешь отдыхать, тварь, — неохотно отпустил меня Торквемада. — Но не забывай молиться.

Разумеется, как же иначе. Поплотнее закутавшись в рясу, я отправился бродить по деревне — искать, кого бы перекусить. Остальные монахи тоже все разбрелись — никого не вижу, только Направлением чувствую.

Хотя нет, вон под деревом пристроился брат Юхан с клещами. Лечит местному больному зуб. Пациент сидит ни жив ни мертв — наверняка уже жалеет, что попросил о помощи святую инквизицию. Конечно, орден святого Доминика в вырывании зубов толк знает... только обычно они выдирают их все — один за другим, по очереди.

— Именем Божьим, приступаем к удалению зла, — сурово произнес брат Юхан, налагая клещи на зуб.

— Ы-ы... святой отец, а больно не будет? — жалостливо простонал крестьянин.

— Будет, сын мой, будет. Будет очень больно. Через страдания, через мучения придем мы... к свету!

— А-а-а-а!!! — взвыл пациент, хватаясь за щеку.

— Уже все, — продемонстрировал крошечный белый комочек инквизитор. — Дьявол покинул тебя, сын мой. Вот, поддержи во рту освященное вино, а потом глотай.

Кстати, говорили они по-молдавски. Или по-венгерски — я уже запутался в здешних наречиях. Их тут до хрена и больше — в каждой деревеньке свое. Первоначально я вообще не понимал ни слова, но понемногу начал приспособливаться и теперь суть вполне улавливаю. Через два слова на третьем, о половине так вовсе догадываюсь, но все же могу нормально понимать.

Вообще, самый лучший способ учить языки — побольше болтаться среди их носителей. А мы вот уже почти три месяца без усталости мотаемся по Восточной Европе, среди Карпатских гор. Путешествовать в Средневековье оказалось плевым делом. Конечно, в этом мире нет быстрого транспорта — только пешком, верхом или на корабле, — зато нет и бессмысленной бюрократии. В большинстве стран не нужны ни визы, ни паспорта, ни вообще документы. Езжай куда хочешь.

Нет и особых проблем с финансами — на протяжении всего пути можно ночевать просто в гумне или странноприимном доме. Монашеские ордена содержат их целую кучу — особенно вдоль маршрутов паломников. Столоваться можно в многочисленных монастырях — разносолов там не предлагают, но миску супа и краюху хлеба дадут всегда.

В крайнем случае можно просить подавание. Нищенство тут не считается постыдным — даже благородный рыцарь не погнушается протянуть руку, если в кармане гуляет ветер. А вот я, наверное, все-таки не смогу — смирение смирением, но внутри все протестует при одной мысли. Другой менталитет.

Впрочем, Торквемаде столь унижительные методы не требуются. Он и его команда — люди непритязательные. Спят на голой земле, питаются подножным кормом, из имущества у каждого только четки да Библия. А если уж совсем жрать нечего, Торквемада подходит к первому встречному толстосуму и просит оказать услугу простому великому инквизитору.

Пока что никто не отказывал. Добрый здесь народ живет.

Кстати насчет жрать нечего. Есть уже хочется довольно сильно. Я, в отличие от братьев-монахов, питаюсь не только медом и акридами — меня такая диета живо в могилу сведет. На каждой остановке шарюсь вокруг, охочусь на всякую бегающую и летающую живность, рыбку ловлю. Доминиканцам тоже каждый раз предлагаю, но они обычно отказываются, блюдут... чего-то там.

В деревнях, конечно, дичи небогато — разве что ворону какую изловишь или крысу. Зато домашний скот — ну буквально на каждом шагу. Я быстренько облюбывал симпатичного жирного поросенка, подозвал настороженно глядящего на меня мужичка, сунул ему пару серебряных талеров и попросил:

— Зажарь мне этого поросеночка, добрый человек. Очень уж он мне приглянулся.

— Но как же, святой отец, сегодня же постный день... — растерялся добрый человек.

Я позыркал вокруг, проверяя, нет ли поблизости Торквемады, потом размахисто перекрестил свинку и возвестил:

— Именем Божьим, сие порося да обратится в карася. Зажарь мне эту рыбку, добрый человек.

Мужичок понимающе кивнул, покрепче сжал серебряки и поволок поросенка на задний двор. Я почувствовал, как во рту начинает скапливаться слюна.

— Перекусим, а, Рабан? — жизнерадостно прохрипел я.

— Твой уровень голода пока что приемлем, патрон, — заметил мой мозговой паразит. — Ты еще часа три можешь ничего не есть, не испытывая неприятных ощущений.

— А твой уровень занудства, как всегда, под потолком.

Да, разумеется, Рабан по-прежнему со мной. Куда ж он денется? По-прежнему дает мне дурацкие советы, рассказывает всякую нудятину, комментирует погоду и перебрасывает меня между мирами... хотя этого он не делал уже почти полгода. После побега из Лэнга и ухода с Девяти Небес я ни разу не покидал Землю-1691. Подумываю о том, чтобы остаться здесь навсегда. А что? Свежий воздух, много хороших знакомых, связи в верхах, интересная работа — что еще нужно для жизни? Девушку бы неплохо, конечно, но я реалист, я понимаю, что таких извращенков на свете не водится.

А если вдруг и сыщется — нафиг она мне нужна, дура ненормальная? Еще ножиком пырнет.

Хотя ножиком меня многие пыряют.

В ожидании жареной сви... рыбы я устроился на небольшом пригорке за деревней. Сейчас бы пивка еще. К рыбе — самое оно.

За неимением пива я принялся повторять урок. Торквемада заставляет меня каждый день заучивать новую молитву и прочитывать ее вслух ни много ни мало — пятьдесят раз. Просто потому, что я демон. Вначале я протестовал и отлынивал, потом понемногу привык. Все равно заняться больше особо нечем.

— Господь, пастырь мой... — забормотал я. — Господь, пастырь... блин, забыл, как там дальше.

Открыв молитвенник на заложенной закладкой странице, я еще два раза прочитал сегодняшний урок и собирался начать в третий, когда во внутреннем кармане что-то заскреблось. Я достал порядком задолбавший меня за эти месяцы ковчежец и устало спросил:

— Чего тебе, жертва аборта?

— Эй, шестирукий, ты там? — послышался приглушенный голос Пазузу.

— Я-то там. А ты здесь. Фигли ты меня опять перебиваешь, а? Что за манеру взял постоянно лезть под руку? Не отвлекай от душеспасительной молитвы, демон.

— Ты тоже демон.

— Вот я сейчас и пытаюсь что-то с этим сделать. А ты меня отвлекаешь по пустякам.

— Выпусти, а? — заладил старую песню Пазузу. — Договоримся по-хорошему...

— По-хорошему у нас с тобой не выйдет. Ты это только сейчас смиренный, пока в камере. А на воле опять беспредельщиком станешь.

— Я клятву дам.

— Ну тебя нафиг, — отказался я. — Не хочу я с этим связываться. Знаю я вашего брата — обязательно где-нибудь подлянку пригодишь.

Пазузу недовольно заворчал. Я взвесил на правой средней руке ковчежец и сказал:

— Кстати, все забываю спросить. За каким хреном у тебя на компьютере та игра была? «Диябла», что ли?..

— Забавно было поиграть время от времени, — приглушенно усмехнулся Пазузу. — Попробовать себя в роли истребителя демонов. Так смешно было.

— Дураку все смешно...

Я подбросил ковчежец в воздух и задумался. Битых четыре месяца таскаю Пазузу в кармане и до сих пор не решил, что с ним делать. Закопать? Выкинуть в океан? Нет, знаю я этих архидемонов. Сам он, конечно, не выберется, зато непременно рано или поздно кого-нибудь к себе подманит. Рыбу какую-нибудь, крота или вообще человека. И освободится. Не скоро — может, через несколько веков или даже тысячелетий, но освободится.

К ковчезцу теперь крепко пришпилен маленький пузыречек с алой жидкостью. Это кровь Пазузу — я собрал немножко на том месте, где мы дрались. Именно на тот случай, если он вдруг нечаянно освободится. Правда, леди Инанна сказала, что кровь должна быть свежепролитой — но у Пазузу она, как выяснилось, не свертывается, так что может сработать.

А если не сработает... значит, не сработает.

Так я просидел в размышлениях минут десять. А потом раздался легкий хлопок и прямо из воздуха появился светловолосый широкоплечий детина с остроконечными ушами и таким лицом, словно его сейчас стошнит. Он бросил на меня недовольный взгляд и сухо спросил:

— Так ты и есть тот, кто использует Слово Волдреса?

ГЛАВА 2

Вот так в мою жизнь и вошел Джемудан Роя Атаби айки Кйодоля. Но тогда я еще не знал, как его зовут. Я видел перед собой просто крупного хлыща с эльфийскими ушами и лицом голливудской кинозвезды. Платинового оттенка волосы, длинные, смазанные лаком, брови закручены в спирали, по вискам спускаются завитые пряди — что-то среднее между пейсами и бакенбардами. Одет он был в темно-коричневый фрак с высоким бархатным воротником и темный шелковый жилет. На ногах шерстяные панталоны и зеркального блеска сапоги, на руках желтые лайковые перчатки, на шее длинный черный шарф с пестрыми узорами, а на голове высокая шляпа-колпак. В довершение всего гранатовые пуговицы, бриллиантовые застежки, на плечах что-то вроде эпolet из перьев, на лбу нарисован узор в виде двойной S — нормальной и зеркально отображенной... фронт, да и только.

Мне почему-то сразу захотелось разбить ему морду.

— Ты что, эльф? — спросил я, таращась на остроконечные уши.

— Я сид, полудурок, — процедил этот холеный красавчик.

— А это что за зверь?

— Высший эльф.

— А чем высшие эльфы отличаются от обычных?

— Телесной организацией.

— В смысле?

— На руку мою посмотри, полудурок. Видел когда-нибудь такие руки у эльфов?

Да, действительно. У эльфов ручки всегда тонюсенькие, мускулатуру и под микроскопом не разглядишь. А у этого бицепсы, как у культуриста. И рост под два метра.

— Мы, сиды, объединяем в себе все лучшие черты эльфа и человека, — наставительно сообщил Джемудан. — Мы почти бессмертны, сильны, выносливы, обладаем высокими магическими способностями. Мы — высшая раса!

— Высшей расой себя называют только моральные уроды с манией величия, — пробурчал я.

— Да, мы именно такие, — гордо кивнул Джемулан. — А тебе завидно?

— Нет.

— Зря. Я бы на твоём месте завидовал.

— А я вот не завидую. Чего тебе нужно-то? Ты энгах, я так понимаю?

— Не просто энгах. Я из ОВР. Гильдия Эсумон.

— Ой, патрон, а вот это очень плохо... — простонал Рабан. — Помнишь, я тебе рассказывал про ОВР? Они занимаются тем, что отлавливают энгахов-рenegатов, нарушающих правила. Похоже, гильдия нами недовольна...

— Где твой контракт энгаха? — перешел с места в карьер Джемулан.

— Тут где-то был... — похлопал себя по карманам я. — Хотя чего это я? Он же в Лэнге остался.

— Работу ты мне не облегчаешь, да? — вздохнул Джемулан.

— Какую ещё работу? Ты скажешь наконец, чего приперся? — скрестил на груди все шесть рук я.

— Видишь ли, какое тут дело, странный уродец... — задумчиво поморщился Джемулан. — Я полевой агент — разыскиваю и устраниваю нарушения. Вот и тебя разыскал.

— Зачем это?

— Не имею ни малейшего понятия. Мне просто приказали разыскать тебя и доставить в штаб-квартиру. Пошли.

— Как же вы меня задолбали, эльфы хреновы... — вздохнул я.

— Я сид.

— Один хрен.

— Один. Но у сидов он гораздо больше. И не завидуй.

— Да не завидую я, сказал же! — скрипнул зубами я.

— Зря. Я бы на твоём месте завидовал. Пошли.

— А если не пойду? — недобро оскалился я.

— Пойдешь.

Сказав это, проклятый сид как-то странно дернул пальцами... и меня скрючило. Все тело словно защемило огромной пружиной... которая ещё и начала сжиматься. Боли пока что не было, только сильное неудобство — но что-то мне подсказывало, что за этим тоже не заржавеет.

— Видишь ли, странный уродец, у каждой гильдии энгахов есть такая вещь, как паралич Слова, — встал надо мной Джемулан. — Ты используешь наше Слово — а значит, ты наш с потрохами. Я могу заставить тебя ползать на брюхе, могу изуродовать до полной неузнаваемости... а могу убить. Поэтому ты сейчас поднимешься и пойдешь со мной. Или будет ещё больнее.

Я почувствовал злобу. Какого черта этот напыщенный урод является сюда и ведет себя так, словно я ему по жизни задолжал? Какого черта он сплющивает меня своим колдунством, хотя я ему ничего плохого не сделал? Мне все сильнее хотелось вцепиться ему в горло.

И вот тогда во мне начала подниматься волна бешенства. Дикой, неконтролируемой ярости — той самой, что вырывалась из меня всеразрушающей силой во время битв с Пазузу и эль Кориано. Я тогда испытал страшный, непередаваемый приступ ненависти... и во мне что-то пробудилось. Понятия не имею, что это такое, но мне оно совсем не нравится.

— Патрон, прекрати... — жалобно бормотал Рабан. — Патрон, прекрати... Патрон, пожалуйста...

За минувшие четыре месяца эти приступы давали о себе знать несколько раз — всегда, когда я встречался с кем-то, вызывавшим особо сильную неприязнь. Например, с тем огром, которого я застал за обладыванием детских косточек... или вампиршей, которую я застукал в бассейне, наполненном кровью... Торквемада в этих случаях даже не успевал приступить к работе — я в считанные секунды размазывал наших «клиентов» до состояния жидкости. Вот князь Круду не вызвал у меня особой антипатии — вполне приличный мужик для кровососа, — поэтому внутри меня ничего не пробудилось.

Зато теперь...

— Беги, идиот... — прохрипел я, с трудом пытаюсь сдержаться. Еще немного, и меня прорвет. Из меня выплеснется... не знаю, что именно, но точно ничего хорошего.

Конечно, Джемулан не понял, что я имею в виду. Его холеная рожа только перекосилась в гримасе недовольства, и он резко повернул пальцы, усиливая нажим. Теперь меня колотило с двух сторон: снаружи — чертов энгахский парализатор, изнутри — пытающееся вырваться бешенство.

И тут мне на голову легла сухая морщинистая ладонь.

— Молись, тварь, — холодно приказал великий инквизитор. — Читай «Отче наш», пока не велю перестать.

Я принялся повторять зазубренные слова, чувствуя, как понемногу напряжение отступает. Торквемада уже был свидетелем этих моих приступов и без колебаний заявил, что это ищет выхода моя демоническая натура — ей-де не нравится, что я обратился к Богу.

Не уверен, что он прав, но монотонный речитатив меня действительно успокаивает. Уж не знаю, в самой ли молитве дело или просто действует эффект «расслабляющей музыки».

Торквемаде я об этих своих мыслях, понятное дело, не говорю.

Уже через несколько секунд я почувствовал, что снова могу себя контролировать. Разум стал спокойным и холодным, бешеная ярость схлынула.

— А теперь разберемся с тобой, тварь, — перевел взгляд на Джемулана Торквемада. — Кто ты есть и что тебе нужно от моего послушника? Я не вижу на тебе креста.

Джемулан так посмотрел на Торквемаду, словно искренне удивлялся — что это такое сюда приползло и каким образом оно научилось говорить. Лицо сида сморщилось, как будто он сожрал целиком здоровый лимон.

— Какого еще креста? — наконец процедил он.

— Хороший будет костер, — удовлетворенно кивнул Торквемада. — Принесите дров!

Крестьяне моментально забежали как муравьи. Дрова великому инквизитору принесли поразительно быстро — с готовностью и даже с предвкушением. Что подлаешь — телевизоров в здешних краях еще не придумали, да и футбол пока толком не прижился. Развлечений мало. И если уж Томмазо Торквемада устраивает бесплатное шоу с огненными спецэффектами... чего б не поглазеть?

Тем более что сжигают какого-то чужака, на которого всем плевать.

Джемулан взирал на эти приготовления с невыразимым презрением. Он ничуть не обеспокоился, только оттопырил нижнюю губу и скрестил руки на груди. Поскольку этот тип — агент-оперативник, он наверняка может постоять за себя. Уж не знаю, магией или каким-нибудь оружием... да и неважно. У святых отцов-инквизиторов оружия нет — только Божье слово и всеобъемлющая доброта.

В любом случае конфликт мне тут нафиг не нужен.

— Фра Томмазо, можно вас на минуточку? — вежливо попросил я.

Я отвел Торквемаду в сторонку и как сумел объяснил, что это меня настигла прежняя работа... одна из моих прежних работ. А поскольку энгахские гильдии — это не Йог-Сотхотх, всем будет лучше, если я просто пойду и договорюсь по-хорошему.

Не знаю, сколько Торквемада понял из моих объяснений. Они были довольно сбивчивыми и бессвязными. Однако немного подумав, великий инквизитор сурово кивнул:

— Хорошо, тварь, отпускаю тебя. Ступай и искупи свои прегрешения перед этими людьми.

Похоже, Торквемада все понял навыворот. Но тем лучше.

— А я отправлюсь с тобой и прослежу, чтобы ты сделал все как подобает, — неожиданно закончил Торквемада.

Вот эти его слова привели меня в ужас. Я представил великого инквизитора в каком-нибудь мире, населенном кем-либо, кроме католиков — да хотя бы на нашей Земле, — и буквально почувал запах горелого мяса. Торквемада не тот человек, что способен проявлять терпимость. Если ты стоишь перед ним, то должен быть либо крещен, либо сожжен — третьего не дано.

Мне стоило немалых трудов уговорить Торквемаду отказаться от этих планов. Поначалу он уперся как баран, не желая ничего слушать. Но понемногу до старика дошло, что в этом вояже он и в самом деле будет пятым колесом.

— Ступай же тогда с богом, тварь, — проворчал он. — Орден святого Доминика будет ждать твоего возвращения. Благословляю тебя именем Христовым.

— Это мне пригодится, — согласился я. — До свидания, Феликс Эдмундович. Даст бог, еще свидимся.

— Пошли, полудурок, — брезгливо взял меня за руку Джемулан. — До Эйкра два прыжка.

Я приготовился услышать знакомые льяссы и алаассы, но Джемулан лишь напрягся и что-то неразборчиво замычал. Рабан с легкой за-

вистью сообщил, что самые опытные и талантливые энгахи умеют проговаривать Слово про себя, не открывая рта. Покойному Волдресу подобное и не снилось — это у них считается высшим пилотажем.

Закончил Джемулан тоже быстрее, чем обычно Рабан. Я не успел даже махнуть рукой дедушке Торквемаде, а изображение вокруг уже раздвоилось, пространства наложились друг на друга... и мы перенеслись в другой мир.

Блин, а поросенка-то я так и не скушал. Обидно.
То есть это карась был. Карась.

ГЛАВА 3

Промежуточный мир между Землей-1691 и Эйкром я видел лишь мельком. Ничего интересного — угрюмый осенний пейзаж, опушка леса, на горизонте виднеется неподвижная громада, похожая на полуразрушенного робота-трансформера. В небе два солнца, оранжевые облака, да летают какие-то твари, смахивающие на крылатых утку. Больше я ничего не рассмотрел — Джемулан уже перевел дыхание и с удивительной скоростью промышчал Слово заново.

Теперь мы оказались на Эйкре. Я уже бывал в этом мире, когда добывал вавилонских рыбок для мистера Креола, но в тот раз я посещал лишь архипелаг Кромаку... а это явно не он. Там я нигде не видел высотных зданий, похожих на ярко-синие обелиски. А здесь они вздымаются повсюду — уходят в небеса на сотни метров, если не на целые километры. Кажется, город маленький.

Мы оказались на многолюдной платформе, напоминающей железнодорожный перрон. Вместо рельсов — длиннющие ряды совершенно одинаковых круглых возвышений, огражденных перилами и осветительными фонарями. На одном из таких мы и очутились... не на фонаре, конечно, а на возвышении.

Рабан, который уже бывал здесь вместе с Волдресом, объяснил, что это главный в городе прыжковый вокзал. Именно здесь всегда приземляются энгахи и межмировой транспорт.

— А что, в другое место приземлиться нельзя? — спросил я.

— Можно, но за это штрафуют, — сказал Джемулан, решивший, что я говорю с ним.

— Почему?

— Потому что запрещено. Пошли.

Мы спустились на платформу, и нас мгновенно затянуло людским потоком. Впрочем, людей здесь было в лучшем случае четверть — вокруг кишели сотни самых разных созданий. На меня в кои-то веки никто не обращал внимания, так что я спокойно откинул капюшон рясы.

Похоже, большую часть толпы составляли «перемещенцы». То и дело на том или другом возвышении объявлялся энгах или кто-нибудь наподобие. Многих встречали — уж не знаю, как тут узнают, что любимый брат или дедушка приземлится именно на этом возвышении, а не на другом, но ко многим пришельцам тут же устремлялись приветст-

венно машущие люди... эльфы... черти... девятиногие бегемоты... в глазах уже рябит от такого многообразия.

Был здесь и обслуживающий персонал — одни убирали мусор, другие что-то ремонтировали, третьи ковырялись в фонарях. На Эйкре нет солнца, воздух здесь светится сам благодаря уникальным свойствам территории, но только половину суток — а вторую половину царит крошечная тьма. Без искусственного освещения никак.

Джемулан уверенно провел меня к одной из дверей в длинной синей стене, ограждающей платформу. За ней оказалось что-то вроде зала ожидания — киоски, закусочные и огромное количество деревянных лавок с высокими спинками. На всех до единой была выгравирована одна и та же надпись — «Г. П. С.».

— Что это значит? — спросил я.

— Горнойские Пассажирские Службы, — коротко ответил Джемулан.

— Горнойские?..

— Этот город называется Горноем. Один из крупнейших межмировых центров.

— Угу. И народу тут до хренищи...

— Полтора миллиарда. Пошли.

— Да ты достал уже меня дергать...

В штаб-квартиру Эсумона мы ехали... точнее, летели на местном варианте маршрутного такси. Ярко-красная хреновина каплевидной формы неслась со скоростью пули, лишь каким-то чудом успевая вписываться в повороты. В пассажирском салоне царило адское столпотворение. Джемулана почему-то никто не трогал, а вот меня то и дело тыкали тростью или зонтом, требуя передать за проезд или сказать водиле, чтобы остановил свою колымагу. Входя или выходя, пассажиры преспокойно наступали мне и друг другу на ноги. Все кругом кашляли, сморкались, чихали, пердели, а в щупальцах у кальмароподобной тетки завывали сиреной два извивающихся младенца. К тому же в салоне, видимо, ужасно воняло — Джемулан брезгливо морщился и закрывал нос платочком. Вот когда я порадовался, что у меня отсутствует обоняние.

Дилижанс то и дело останавливался, чтобы подобрать попутчиков. Я не замечал, чтобы кто-то поднимал руку или голосовал другим способом, но водила каким-то образом всегда определял — этому господину, даме или бесформенному чудищу нужно сесть именно к нему. Ни разу не ошибся. А поскольку подбирал он всех и каждого, летели мы резкими рывками — фьюииииить!.. стоп! фьюииииить!.. стоп! фьюииииить!.. стоп! Тормозил и разгонялся этот драндулет мгновенно, что только добавляло кавардака в салоне.

— Твою мать, урод, не дрова же везешь!.. — прохрипел я, в очередной раз подлетев к потолку.

— Ты там что-то вякнул про дрова, моська трехглазая?.. — недобро прищурился пассажир напротив, похожий на гигантского Буратино. Вместо ушей из его головы росли веточки.

Должен сказать, у меня создалось впечатление, что город Горной

населен исключительно хамами. Здесь все друг друга толкали, пихали и оскорбляли, а вежливых слов я не слышал в принципе. На улицах стоял гвалт, шум, никто не шел спокойно, каждый прохожий несся так, словно куда-то опаздывал.

А уж транспорт! Я поначалу полагал нашего шофера лихачом, однако ж нет, здесь все мчались сломя голову, не обращая внимания на правила. Да и есть ли вообще в Горное такая штука, как правила дорожного движения? Во всяком случае, ни светофоров, ни регулировщиков, ни дорожных знаков я ни разу не заметил. Странно даже, что и аварий я тоже ни разу не заметил.

Кстати, транспорт здесь удивительно разнообразен. Машины всех возможных форм и расцветок едут по земле, парят над землей, летят по небу, совершают дикие прыжки, исчезают в никуда и появляются из ниоткуда — телепортация, видимо. Вторично выражаю удивление тому, что никто ни с кем не сталкивается, никто не попадает под колеса. Может быть, я просто попал в удачный час — ну как Магеллан, с легкой руки которого Тихий океан незаслуженно стал Тихим.

Зато сам город удивительно красив. Небоскребы-обелиски словно выточены из гигантских сапфиров и увиты живыми лозами с огромными цветами. Вдоль аллей высятся диковинные штуковины, похожие на помесь скал и деревьев. Этакие коралловые рифы, только сухопутные. Вместо рыбок вокруг снуют крохотные яркие птички и бабочки с размахом крыльев на полметра. Лепота.

Я бы еще полюбовался пейзажами, но тут наш шахидмобиль в очередной раз стопорнул и Джемулан выволок меня наружу. Так я впервые увидел штаб-квартиру гильдии Эсумон.

Ну что сказать? Здание как здание. Похоже на дореволюционную барскую усадьбу. Размеры довольно скромные — всего два этажа. Окружено стеной из белого мрамора, ворота витые, из чистого золота. Или просто позолоченные, не знаю.

— Из золота, патрон, из золота, — подтвердил Рабан.

— Богато живут... — присвистнул я.

— Существуют миры, в которых золото стоит дешевле грязи, — заметил Рабан. — И не только золото. Помню, однажды мы с Волдресом были на планете-алмазе... представляешь, патрон, целая планета — сплошной алмаз!

— Угу. Круто.

Про себя я подумал, что жить на такой планете должно быть ужасно неудобно. Алмазы — они в умеренных дозах хороши. А если, кроме них, ничего нету... не, оставьте себе такую радость.

Ворота гильдии меня весьма впечатлили. Но гораздо больше я прифигел, войдя в холл. Такое маленькое снаружи, внутри здание оказалось просто громадным. Потолок теряется где-то в поднебесье, стены тоже исчезают в необозримой дали. Не холл — аэродром.

Толкотня и здесь царит невообразимая. Джемулан сказал, что появляться положено только на прыжковом вокзале, однако многие энгахи явно не утруждают себя этим правилом. Шагать приходится осмотрительно — дважды я чуть не врезался в типов, возникших при-

мо перед моим носом. Одни просто появляются из ниоткуда, другие словно выходят из невидимых дверей, третьи буквально сваливаются с небольшой высоты. Рабан объяснил, что неопытные энгахи часто боятся напорчатить с координатами и оказаться внутри материального объекта, поэтому берут на метр-полтора выше. Ну вот и плюхаются, как идиоты.

Надо сказать, я раньше и не думал, что энгахов настолько много. Прямо сейчас перед моими глазами их не меньше тысячи. А ведь это только небольшая часть гильдии Эсумон. Да и сам Эсумон — всего лишь одна из множества энгахских гильдий.

Джемулан двигался в этой кутерьме уверенно, кивая одним энгахам и равнодушно глядя на других. Перед ним все расступались, как трава перед носорогом. Чувствовалось, что этого сида тут знает каждый и авторитет он имеет немаленький. Местный особист, фигли.

Мы поднялись на второй этаж по огромной лестнице, устланной мягким красным ковром. Наверху оказалось гораздо тише — энгахи из ниоткуда не появлялись, без дела никто не болтался. В холле, такое впечатление, они просто тусуются между заданиями — треплются друг с другом, пиво пьют. А здесь деловая обстановка, вид у всех сосредоточенный.

— Это канцелярия, — на ходу пояснял Рабан. — Это бухгалтерия. Это зал наблюдения. Это доски объявлений.

Доски объявлений я уже замечал. В холле их была целая куча, и даже снаружи здания висела одна. Сделаны из стекловидного материала, сплошь усеяны надписями — то и дело новые появляются, а старые исчезают. Глаз на ходу выхватывал слова «разыскать», «доставить», «спасти», «перевезти». И суммы награды, обозначенные непонятным символом, похожим на знак процента.

Мне стало любопытно, чем здесь расплачиваются — золото с алмазами явно не в цене, за доллары тоже вряд ли что-то купишь... что же это за универсальное сокровище, которое ценится во всех мирах? Навскидку в голову приходят разве что души — но это же энгахи, а не демоны.

— Бартер, — охотно сообщил Рабан. — Все заказы поступают в гильдию, здешние специалисты оценивают сложность задания и устанавливают ему стоимость в условных единицах. А дальше уже заказчик расплачивается в соответствии со своими возможностями — кто валютой высокоразвитых миров, кто редкими веществами, кто техникой или артефактами, кто произведениями искусства, кто ответными услугами... Договариваются, в общем. Заказчик платит гильдии, а та уже рассчитывается с агентом-исполнителем.

— А без посредничества никак?

— Можно и самому, конечно. Волдрес, например, был вольным энгахом — сам искал заказы и сам обо всем договаривался. Хотя посредничеством мы тоже часто пользовались — так надежнее. Меньше вероятность, что тебя кинут или подставят. Услугами энгахов пользуются многие, и далеко не все клиенты заслуживают доверия. Нас вот с Волдресом пару раз пытались использовать втемную...

— И как, удачно?

— Давняя история, патрон, чего ее зря ворошить... — уклончиво ответил Рабан.

Джемулан довел меня до конца коридора и... исчез. Я недоуменно уставился в пустоту, но Рабан тут же шикнул, чтобы я шагал следом. Последовав его совету, я очутился в совсем другом месте — обширном полукруглом зале, похожем на лекционную. Вверх ступенями уходили скамейки, на которых сидели десятки разномастных энгахов.

А на месте лектора скрючился... Рабан сказал, что это сам глава гильдии, достопочтенный Музкельмун арб Граши. Крохотного роста, седой, мохнатый, коренастый, похожий на замшелый пенек. Вроде бы не человек. Или человек, но на редкость уродливый.

Мы с Джемуланом пристроились на самом верху. На нас никто не обратил внимания — шеф Эсумона был полностью поглощен распеканием подпечных. Кажется, его что-то не на шутку разгневало — он подпрыгивал, топотал ножонками, брызгал слюной и не переставал вопить.

— Нервный дяденька, — негромко хмыкнул я.

— Молчи, полудурок, — облил меня презрением Джемулан. — Граши-хама — величайший из наших старшин. Именно благодаря ему Эсумон стал первой гильдией в таблице.

— Первой?.. — удивился я. — Вы такие крутые?

— Мы самые лучшие, — горделиво кивнул Джемулан. — Эсумон уже давно славится тем, что выполняет самые сложные задачи. Те, которые не по силам другим гильдиям.

— А вы, значит, можете что угодно? — скептически уточнил я.

— Можем мы все. Но не все делаем.

— Почему?

— У нас есть свои законы чести. Эсумон не берется за похищения людей, наемные убийства, объявленные кражи...

— Объявленные? Это как?

— Если в заказе прямо и четко говорится — украсть то-то. Вот если сказано добыть или разыскать... ну, тут открыта дорога для вариантов. Возможно, придется и красть — хотя это не одобряется. В общем-то мы все-таки не жрецы Карнуи... но и не треллахейды. С грязной работой обычно обращаются в другие гильдии, менее разборчивые.

Я не понял, кто такие жрецы Карнуи и треллахейды, но спрашивать не стал. Главное, что общий смысл понятен — пачкать руки мои коллеги не боятся, но предпочитают все же этого избегать.

А великий и мудрый старшина гильдии продолжал отчитывать подчиненных. На лекционной доске за его спиной сами собой вспыхивали и гасли какие-то символы, появлялись изображения, видеозаписи... ну, что-то, выглядящее как видеозаписи. Наверное, это все-таки магия.

— Увалень! — в очередной раз рывкнул Музкельмун арб Граши. — Ты что опять натворил, идиот?!

— А что не так? — поднялся с места хлипкого телосложения энгах. — Я же выполнил задание, нет?

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДЕМОНА

(О тетралогии Александра Рудацова «Сын архидемона»)

Нередко бывает, что писатель, работая над произведением, вдруг создаст интересный образ второстепенного персонажа (местности, учреждения), который настолько «зацепит», что захочется написать о нем отдельную книгу. Примерно так вышло и с тетралогией Александра Рудацова «Сын архидемона», тесно переплетающейся с циклом «Архимаг». Хотя, по словам самого фантаста, первоначально ни о каком продолжении речи не шло. Роман «Три глаза и шесть рук» задумывался и писался как самостоятельное, вполне законченное произведение, в финале которого главный герой — яцхен должен был сойти с ума и погибнуть. Однако издатель посчитал такую концовку слишком мрачной, несколько не вяжущейся с уже сложившейся репутацией Александра Рудацова как автора юмористической фантастики, и предложил переделать конец книги. Так родилась идея «подключить» произведение о яцхене к циклу «Архимаг». Затем были написаны еще три романа («Шестирукий резидент», «Демоны в Ватикане» и «Сын архидемона»), вместе с вышеупомянутым романом и составившие эту тетралогию.

Хотя оба цикла и похожи, поскольку действие происходит в одной Вселенной, используются однотипные сюжетные ходы и приемы, а дороги их героев время от времени пересекаются, на самом деле «Архимаг» и «Сын архидемона» не относятся к одному жанровому ряду. Прежде всего из-за личности главного героя. В «Архимаге» речь идет о похождениях могущественного чародея, сила которого от книги к книге лишь возрастает. Поэтому в жанровом отношении цикл ближе всего к волшебному, эпическому фэнтези. В центре второго цикла находится некое непонятное, созданное искусственным путем существо, в природе которого соединились элементы демона и человека. На протяжении всего повествования яцхен пытается разобраться в самом себе, обрести цельность, найти смысл жизни. Вот почему сагу о нем можно было бы отнести к жанру философского боевика, совмещающего в себе, по определению Г. Л. Олди¹, действие внутреннее (философию) с действием внешним (боевик). Но здесь скорее чувствуются отголоски фантастики эпохи Просвещения, в забавной форме поучавшей читателя, и прежде всего произведений Свифта, Вольтера, де Бержерака.

Как неоднократно отмечал сам А. Рудацов, его книги только по чистой случайности попали в разряд «юмористической фантастики». Про-

¹ Псевдоним писателей-фантастов Дмитрия Громова и Олега Ладыженского.

сто у издательства не нашлось подходящей под них серии. Юмор, сарказм, ирония, шарж — это всего лишь художественные приемы, которыми пользуется писатель для того, чтобы оттенить то или иное событие или образ. В принципе же многие книги А. Рудазова довольно серьезные, порой даже мрачные и трагические. Вся история Олега Бритвы, нелепо погибшего и против его воли «воскрешенного» в жутком облике, вынужденного скитаться между различными мирами в поисках пристанища, обреченного на одиночество, вряд ли может считаться такой уж «веселой». Не зря же писатель хотел закончить ее уже после первой же части, обрекши героя на самоубийство. Да и картины кровавых демонических разборок отнюдь не вызывают смеха. Иное дело, что даже в трагических ситуациях порой содержатся элементы комизма (именно об этом писали просветители).

С просветительской литературой книги А. Рудазова роднит и основной прием, используемый в сюжетостроении (впрочем, очень часто встречающийся в фантастике вообще, да и не только в ней), — путешествие героя по различным мирам. В этом бесконечном квесте он сталкивается с разнообразными политическими системами, мировоззрениями, житейскими и нравственными укладами, расами. Об одних из них говорится кратко, когда Бритва там не задерживается, другие описаны более обстоятельно. Чаще всего такие миры являются вариантами земных, и в первую очередь автор пыгается поразмыслить о различных путях развития общества, которое знакомо ему с рождения. Россия, в которой победил коммунизм, которая пережила вместе со всей Землей глобальное потепление и т.п. Примерно тем же путем шел в свое время и Джонатан Свифт, проведший Гулливера по странам, то напоминающим его родную Англию с современными писателю реалиями, то становящимся недостижимым идеалом государственного устройства.

Романы, входящие в тетралогия, не похожи один на другой. Так, первый из них, «Три глаза и шесть рук», по жанру близок к научной фантастике в духе Уэллса и Беляева. Ученым после многолетних экспериментов удастся создать сразу несколько искусственных организмов/интеллектов. Джинны вырываются из бутылки и начинают расправляться с собственными творцами. Здесь, как и в последующих книгах, Рудазов применил прием «парности», выведя не одного, а двух похожих героев: ящхена Олега Бритву и непонятого монстра по имени Палач. Понятно, что герои эти антагонисты. Ящхен более человечен, разумен и наделен способностью чувствовать, в то время как Палач просто киберубийца (хотя и в нем иногда просыпается искра разума и чувства). Писатель показывает, к чему могут привести научные открытия, если они не имеют какой-либо нравственной основы. Палач оставляет за собой кучи трупов, начав, что символично, со своих создателей. Его шестирукий собрат по лаборатории приходит в ужас от всего этого, стараясь помешать бессмысленной бойне, творя суд и расправу в соответствии с собственными моральными принципами. Казалось бы, откуда у демона им взяться? Вот тут впервые и проявляется двойственность натуры главного героя. С одной стороны, и он, подобно Палачу, особо не церемонится с врагами. Но с другой, внутри его гнездятся некие табу.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРИ ГЛАЗА И ШЕСТЬ РУК	7
ШЕСТИРУКИЙ РЕЗИДЕНТ	305
ДЕМОНЫ В ВАТИКАНЕ	581
СЫН АРХИДЕМОНА	963
<i>Игорь Черный. История одного демона. О тетралогии Александра Рудацова «Сын архидемона»</i>	<i>1142</i>